

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Тихоокеанский институт географии
Дальневосточного отделения Российской академии наук

МАНЬЧЖУРО-МОНГОЛЬСКИЙ МИР ВНУТРЕННЕЙ АЗИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.

Атлас-монография

Улан-Удэ – Владивосток
2025

УДК 94(510)+327.73(510):912
ББК 63.3(5)+66.033.1(5)
А92

А92 **Маньчжуро-монгольский мир Внутренней Азии в первой половине XX в.** / [атлас-монография]. Л.В. Курас (рук. проекта), П.Н. Дудин, А.Н. Бешенцев, Б.Д. Цыбенков, В.С. Батомункуев, Т.Ш. Рыгзынов, В.Э. Цыремпилова, К.Ю. Базаров / ответ. ред, П.Н. Дудин; науч. ред. Б.В. Базаров, К.С. Ганзей. – Улан-Удэ; Владивосток: ИМБТ СО РАН; ТИГ ДВО РАН, 2025. – 144 с.

В Атласе-монографии описывается уникальный регион Внутренней Азии в максимально драматичный период своей истории. Авторы постарались отследить череду трансформаций, произошедших с «маньчжуро-монгольским миром» в первой половине XX в., используя карту не как вспомогательную иллюстрацию к тексту, а как главный инструмент научного анализа. В данном исследовании карты проходят путь от реконструкции до глубокой аналитической интерпретации с помощью современных геоинформационных систем.

Атлас-монография представляет интерес как для академических исследователей, так и студентов и преподавателей профильных ВУЗов.

Ответственный редактор

П.Н. Дудин, д.и.н., доцент, в.н.с. ИМБТ СО РАН

Научные редакторы

Б.В. Базаров, д.и.н., проф., академик РАН, научный руководитель ИМБТ СО РАН
К.С. Ганзей, д.г.н., член-корреспондент РАН, директор ТИГ ДВО РАН

Рецензенты:

Ц.П. Ванчикова, д.и.н., проф., руководитель Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН
Л.Б. Жабаяева, д.и.н., проф. кафедры «Философия, история и культурология» ВСГУТУ
Д.Н. Гергилев, д.и.н., доц., заведующий кафедрой истории России, мировых и региональных цивилизаций СФУ

Утверждено к печати Ученым Советом Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН;
Ученым Советом Тихоокеанского института географии ДВО РАН

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 22-68-00054 «Маньчжуро-монгольский мир Внутренней Азии в первой половине XX в.»

ISBN

© ИМБТ СО РАН, 2025
© ТИГ ДВО РАН, 2025
© Коллектив авторов, 2025

М	М	В
А	И	П
Н	Р	Е
Ь		Р
Ч	В	В
Ж	Н	О
У	У	Й
Р	П	
О	Р	П
,	Е	О
М	Н	Л
О	Н	О
Н	Е	В
Т	Й	И
О		Н
Л	А	Е
Ь	З	
С	И	Х
К	И	Х
И		
Й		в.

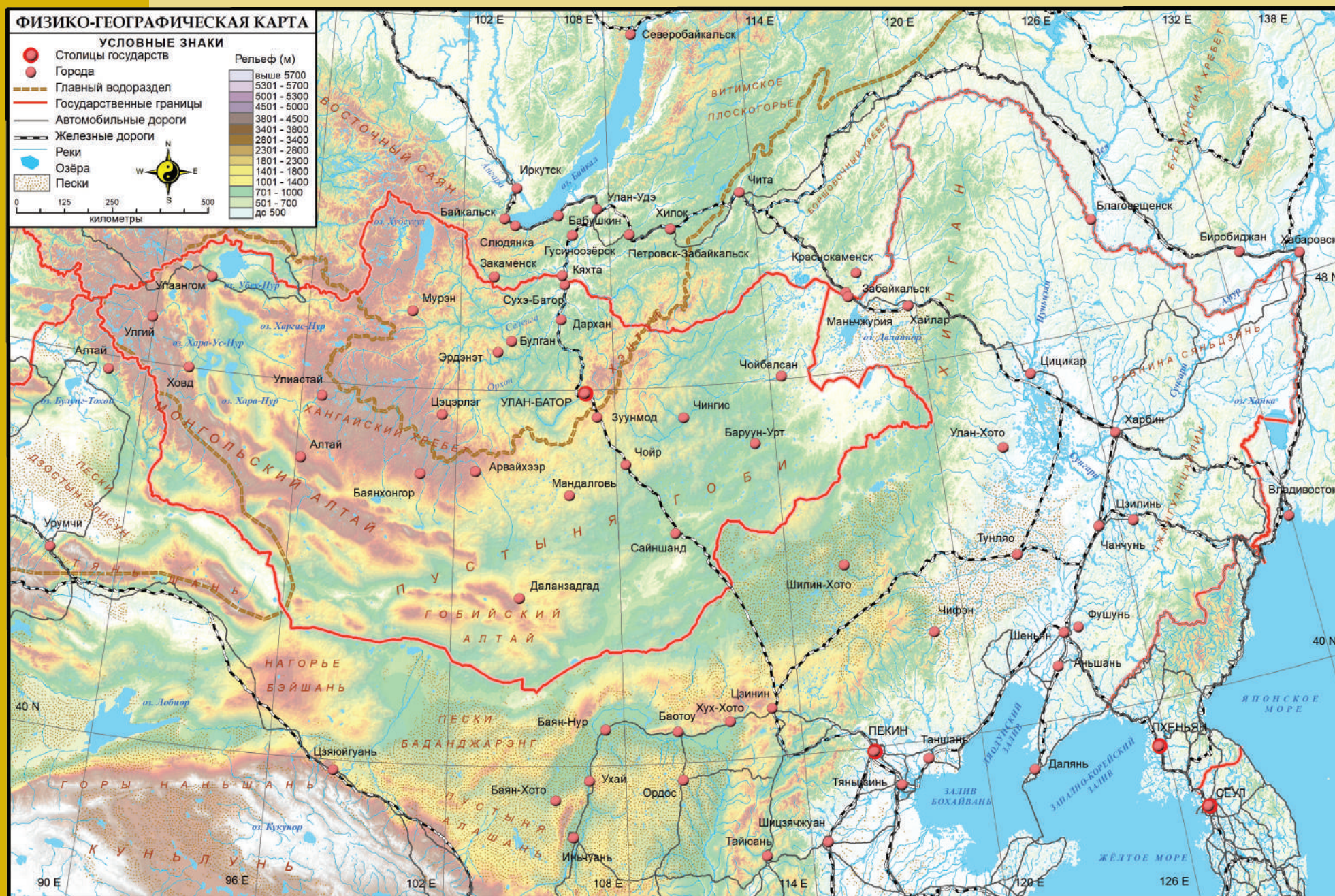

Оглавление

Введение	7
Пролог	7
Методология	10
Границы исследования: Внутренняя Монголия и Барга как модели «мира»	11
Перспективы проекта и дальнейшие исследования	13
Структура атласа	14
Глава I. Источники исследования	15
Общее описание источников	15
Зиновий Лаврович Матусовский	16
Павел Степанович Попов	18
Иван Яковлевич Коростовец	19
Виктор Ильич Сурин	22
Глава II. Монгольский мир – Внутренняя Монголия	25
2.1. Внутренняя Монголия	25
Физико-географическая характеристика современной Внутренней Монголии	28
Экономико-географическая характеристика современной Внутренней Монголии	29
2.2. Чжеримский сейм	33
Физико-географическая характеристика	33
Экономико-географическая характеристика	35
Политическая характеристика и история	36
2.3. Особый район и провинция Суйюань	41
Физико-географическая характеристика	41
Экономико-географическая характеристика	42
Политическая характеристика и история	43
2.4. Улан-Цабский сейм	46

Физико-географическая характеристика	46
Экономико-географическая характеристика	48
Политическая характеристика и история	49
2.5. Ихэ-Чжуский сейм	53
Физико-географическая характеристика	53
Экономико-географическая характеристика	55
Политическая характеристика и история	56
2.6. Особый район и провинция Чахар	58
Физико-географическая характеристика	58
Экономико-географическая характеристика	60
Политическая характеристика и история	61
2.7. Шилин-Гольский сейм	64
Физико-географическая характеристика	64
Экономико-географическая характеристика	66
Политическая характеристика и история	68
2.8. Чахар и Тумэт	74
Физико-географическая характеристика	74
Экономгеографическая характеристика	76
Политическая характеристика и история	78
2.9. Особый район и провинция Жэхэ	82
Физико-географическая характеристика	82
Экономико-географическая характеристика	84
Политическая характеристика и история	86
2.10. Чжоудаский сейм	87
Физико-географическая характеристика	87
Экономико-географическая характеристика	89
Политическая характеристика и история	90
2.11. Чжосотуский сейм	94
Физико-географическая характеристика	94
Экономико-географическая характеристика	96
Политическая характеристика и история	97
 Глава III. Маньчжурский мир – Барга	 103
3.1. Современный Хулун-Буир	103
Физико-географическая характеристика Хулун-Буира	103

Экономико-географическая характеристика	104
Общая информация о Хулун-Буире	106
3.2. Хучин-Барга	111
Физико-географическая характеристика	111
Экономико-географическая характеристика	113
Политическая характеристика и история	114
3.3. Шин-Барга	117
Физико-географическая характеристика	117
Экономико-географическая характеристика	119
Политическая характеристика и история	120
3.4. Олётские и ороchonские хошуны	123
Физико-географическая характеристика	123
Экономико-географическая характеристика	125
Политическая характеристика и история	126
Заключение	129
Список источников	131
Приложение	135
Внутренняя Монголия	136
Сеймы особого района/ провинции Суйюань	
Улан-Цабский сейм	136
Их-Чжуский (Ордосский) сейм	137
Тумэтский аймак	137
Сеймы особого района/ провинции Чахар	
Шилин-Гольский сейм	138
Чахарский аймак	139
Сеймы особого района/ провинции Жэхэ	
Чжоудаский сейм	140
Чжосотуский сейм	141
Чжеримский сейм	142
Барга	143

Современная физико-географическая карта Внутренней Азии

М	М	В
А	И	П
Н	Р	Е
Ь		Р
Ч	В	В
Ж	Н	О
У	У	Й
Р	П	
О	Р	П
‘	Е	О
М	Н	А
О	Н	О
Н	Е	В
Т	Й	И
О		Н
А	А	Е
Ь	З	
С	И	Х
К	И	Х
И		
Й		в.

ВВЕДЕНИЕ

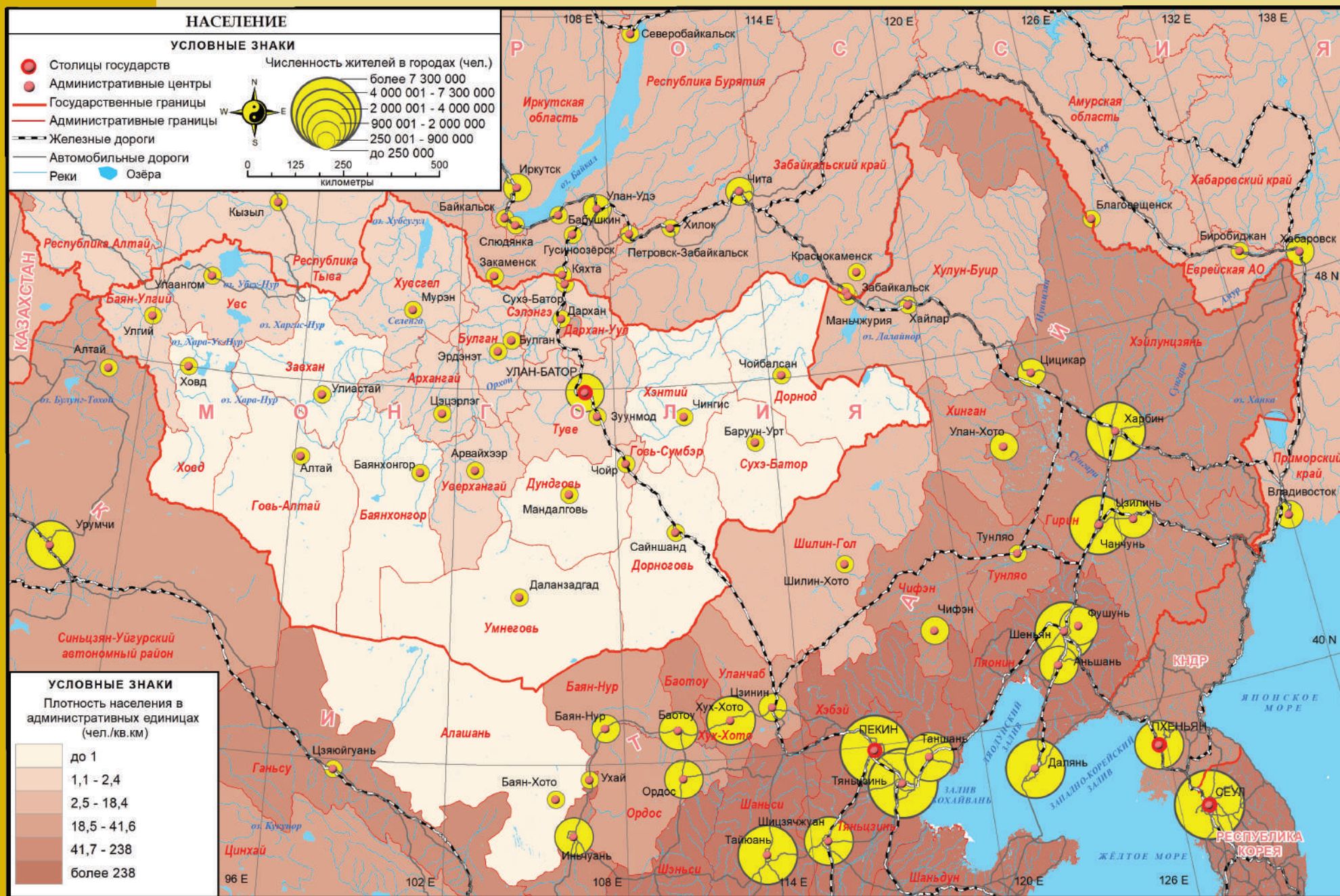
Пролог

На обширной карте Евразии первой половины XX в. в пространстве между Сибирью, Внутренним Китаем и Корейским полуостровом раскинулся уникальный мир, чья целостность и историческая субъектность до сих пор остаются недооцененными. Зажатый между распадающимися империями (Цинской, Российской, а позднее Японской империей и Советским Союзом) и вновь возникающими государствами Новейшего времени (Российская Федерация, КНР и Монголия), этот регион в исторической науке чаще всего предстает как набор разрозненных периферий: Халха/ Внешняя Монголия/ ИМНР, Внутренняя Монголия, Барга, Маньчжурия/ Три восточных провинции. Его история обычно вписана в контекст судеб могущественных соседей, а его собственные народы и политические институты рассматриваются как объекты, а не субъекты большой истории.

Однако для населявших его народов это был единый, динамичный и полный внутренних противоречий мир. Он был связан общей исторической памятью, восходящей ко временам великих кочевых империй, схожими социальными институтами, укорененными в родовой структуре и духовной традиции, и уникальной системой взаимоотношений как друг с другом, так и с внешними державами. Это было пространство, где имперское наследие переплеталось с национальным возрождением, а древние традиции сталкивались с вызовами модернизации.

В период тектонических сдвигов, начавшихся с падением империи Цин в 1912 г. и продолжавшихся вплоть до окончания Второй мировой войны, этот мир пережил каскад драматических трансформаций. На его руинах, словно в калейдоскопе, сменяли друг друга теократические монархии, особые административные районы республиканского Китая, автономные и иные государственные образования. Это было время не просто перекройки границ, но и отчаянной борьбы за суть государственности, за право на землю и собственную идентичность.

Задача настоящего атласа-монографии — впервые в отечественной, а возможно, и в мировой науке концептуально и визуально собрать

Современная карта населения Внутренней Азии

этот фрагментированный образ. Мы стремимся отойти от взгляда на регион как на пассивную периферию и представить «маньчжуро-монгольский мир» как целостное, исторически взаимосвязанное пространство. Наша цель — через язык карт и критический анализ источников проследить судьбы его народов и институтов в один из самых бурных и судьбоносных периодов их истории, тем самым вернув этому миру его законное место на исторической карте Евразии.

Карты В.И. Сурина как ключевой источник

Фундаментом и отправной точкой нашего исследования стали уникальные картографические источники, до сих пор остававшиеся на периферии научного внимания, — «Карта Монголии» и «Карта Маньчжурии», созданные под общим руководством экономиста и статистика Виктора Ильича Сурина и изданные Экономическим бюро Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) в Харбине в 1925–1928 гг. Впервые за столетие этот масштабный картографический памятник вводится в полноценный научный оборот, выступая не просто одним из источников, но главным ключом к пониманию пространства и центральным объектом нашего анализа.

Ценность карт Сурина определяется не только их детализацией, но и уникальным историческим моментом их создания. 1925 год — это эпоха хрупкого «республиканского интербеллума» в Китае. Великая империя Цин уже тринадцать лет как не существует, но ее сложное административное наследие — система монгольских сеймов (чуулганов) и хошунов (знамен) — еще живо и продолжает определять политический ландшафт региона. В то же время республиканские власти уже начали процесс административной интеграции этих земель, создавая новые уезды и особые районы, что приводило к наложению и столкновению двух систем управления. На востоке еще не создано Маньчжоу-Го, но экономическое и стратегическое присутствие Японии через Южно-Маньчжурскую железную дорогу (ЮМЖД) уже стало решающим фактором. Карты В.И. Сурина, таким образом, представляют собой бесценный моменталь-

ный снимок этого переходного состояния, зафиксировав политико-административную структуру маньчжуро-монгольского мира на пике ее трансформации, в точке бифуркации, после которой история региона могла пойти по совершенно разным траекториям.

Не менее важен и контекст создания этих карт. Издатель — Экономическое бюро КВЖД — был не отвлеченной академической институцией, а мощной структурой со своими геополитическими и экономическими интересами. Это позволяет нам рассматривать карты Сурина не только как географический, но и как стратегический документ. Взгляд их создателей — это практический взгляд экономистов, инженеров и администраторов, для которых территория была не абстракцией, а объектом освоения, управления и потенциального контроля. Именно поэтому на картах с исключительной для своего времени точностью показаны те элементы, которые имели ключевое значение: транспортные артерии, в первую очередь железные дороги; административные центры всех уровней — от столиц провинций до ставок хошунных князей; гидрографическая сеть и характер рельефа, определяющие хозяйственный потенциал земель.

Особую ценность представляет тот факт, что «Карта Монголии» и «Карта Маньчжурии» были задуманы и выполнены как единый проект. Это не случайный набор разрозненных листов, а целостное картографическое произведение, охватывающее пространство от Байкала до Желтого моря и от Хинганских гор до пустыни Алашань. Само существование этого единого картографического полотна служит мощнейшим артефактом, доказывающим состоятельность нашей концепции «маньчжуро-монгольского мира». Авторы карт, исходя из своих прагматических задач, уже сто лет назад видели этот регион как взаимосвязанное целое.

Наконец, работа с этими картами сегодня — это серьезный научный вызов. Как и любой исторический документ той эпохи, они не лишены неточностей в геопространственной привязке и топонимике. Однако именно это и определяет новизну нашего подхода. Мы не просто репродуцируем старую кар-

ту, а используем ее как уникальный, но «сырой» исторический источник, который, благодаря современным геоинформационным технологиям (ГИС), можно впервые верифицировать, скорректировать и, главное, аналитически интерпретировать, создавая на его основе цифровые модели и тематические карты, недоступные его создателям. Таким образом, мы не только возвращаем в науку забытый памятник, но и даем ему новую жизнь, превращая его в мощный инструмент для понимания прошлого.

Методология

Данное издание по своей сути является атласом-монографией, где карта выступает не вспомогательной иллюстрацией к тексту, а главным инструментом научного анализа. Наш методологический подход заключается в том, чтобы, опираясь на уникальный исторический источник, карты В.И. Сурина, проделав путь от его реконструкции к глубокой аналитической интерпретации с помощью современных геоинформационных систем. Этот процесс включает в себя три последовательных этапа.

1. Источниковедческая реконструкция и верификация

Первый этап — это классическая работа историка с источниками. Мы не принимаем данные старых карт на веру. Каждая граница, каждый топоним, каждое обозначение населенного пункта на картах В.И. Сурина, И.Я. Коростовца, З.А. Матусовского и других сопоставляется с широким кругом письменных источников той эпохи: официальными документами цинской и республиканской администраций, донесениями российских и западных дипломатов, материалами военных разведок, статистическими отчетами и нарративными свидетельствами современников. Эта кропотливая работа позволяет верифицировать информацию, выявить и объяснить несоответствия, а также заполнить лакуны, присутствующие на исторических картах. На этом этапе мы формируем максимально полную и досто-

верную базу данных об административно-территориальном устройстве региона в исследуемый период.

2. Геопространственная коррекция и создание цифровой основы

Второй этап — это работа географов-картографов, которые переводят исторические данные на язык современной науки. Бумажная карта начала XX в. и современная цифровая модель существуют в разных системах координат. Прямое наложение одной на другую приводит к грубым искажениям. Поэтому ключевым шагом является геопривязка (или гео-референция) — процесс «привязки» исторических карт к современной географической системе координат с помощью опорных точек (объектов, чье местоположение точно известно, — устьев рек, горных вершин, сохранившихся городов). После коррекции искажений создается точная цифровая основа — базовый слой, на который можно с высокой степенью достоверности наносить верифицированные исторические данные. В результате мы получаем то, чего не существовало ранее, — историческую карту маньчжуро-монгольского мира, полностью интегрированную в современную картографическую сетку.

3. ГИС-анализ и тематическое картографирование

Третий, и самый важный, этап — это переход от описания к анализу. Созданная цифровая основа позволяет нам работать с историей как с многослойным набором пространственных данных. С помощью геоинформационных систем мы можем не просто показать, где что находилось, но и ответить на вопросы: «как?», «почему?» и «что из этого следовало?».

Таким образом, наш атлас представляет собой не просто сборник карт, а целостное исследование, выполненное на стыке истории, географии и цифровых гуманитарных наук. Мы предлагаем читателю не только увидеть маньчжуро-монгольский мир таким, каким его зафиксировали современники, но и понять внутреннюю логику его развития, скрытую в

пространственной организации его политики, экономики и общества.

Границы исследования:

Внутренняя Монголия и Барга как модели «мира»

Обширное пространство, которое мы определяем, как «маньчжуро-монгольский мир», в первой половине XX в. включало в себя множество разнородных территорий — от пустыни Гоби до таежных лесов Приамурья, от теократической Халхи до промышленных центров южной Маньчжурии. Охватить все это многообразие в рамках одного тома невозможно без потери глубины и детальности анализа. Поэтому для настоящего, первого издания мы применили модельный подход, сфокусировавшись на двух ключевых, репрезентативных регионах, которые в совокупности позволяют раскрыть внутреннюю структуру и динамику всего маньчжуро-монгольского мира.

1. Внутренняя Монголия как модель монгольского мира

Для анализа монгольской составляющей мы выбрали именно Внутреннюю Монголию. Этот выбор продиктован не случайностью, а строгой исследовательской логикой. В отличие от Внешней Монголии (Халхи), которая после 1911 г. пошла по пути обретения независимости и формирования собственного национального государства, Внутренняя Монголия осталась в составе Китая. Именно здесь, в условиях прямого столкновения с мощным китайским административным и колониационным давлением, монгольские институты прошли наиболее сложную и показательную трансформацию.

Изучение Внутренней Монголии позволяет:

1. Исследовать цинскую систему в ее «классическом» виде: именно здесь система сеймов и хошунов, как основной инструмент имперского управления кочевниками, функционировала наиболее долго и полно.

2. Проанализировать механизмы распада: мы детально проследили, как эта система разрушалась изнутри под давлением китайской аграрной колонизации и как монгольские князья пытались адаптироваться к новым реалиям, лавируя между лояльностью старым традициям и необходимостью сотрудничать с новыми властями.

3. Показать вариативность монгольских судеб: на примере разных сеймов (от аграрно-развитого Чжерима до аридного и скотоводческого Улан-Цаба) мы видим не единый, а многоликий монгольский мир с разными стратегиями выживания.

Таким образом, Внутренняя Монголия выступает как идеальная «лаборатория» для изучения судьбы монгольского общества, оставшегося внутри полиэтнической имперской/республиканской структуры, что делает ее наиболее репрезентативной моделью для анализа проблем ассимиляции, адаптации и сохранения идентичности.

2. Барга (Хулун-Буир) как модель маньчжурского мира

Маньчжурскую составляющую в нашем атласе представляет Барга (историческая область, в основном совпадающая с современным городским округом Хулун-Буир). На первый взгляд, этот выбор может показаться неочевидным, ведь этническую основу Маньчжурии составляют другие территории. Однако наш фокус — не на этнической карте, а на системе власти и управления. Барга в этом отношении является уникальной моделью.

Исторически и административно Барга находилась в орбите маньчжурских властей. Она управлялась не через систему монгольских сеймов, а через особый военно-административный институт — фудутунство, напрямую подчиненное цинскому центру. Население здесь было полиэтническим (баргуты, солоны, дауры, ороконы), а управление строилось по принципу «знаменной» системы, характерной именно для маньчжурской модели контроля над периферией.

Изучение Барги позволяет:

1. Показать альтернативную монгольской модель управления: мы зафиксировали, как маньчжурская власть выстраивала

отношения с неханьскими народами, используя иные механизмы, нежели в сеймах Внутренней Монголии.

2. Исследовать пограничье в его максимальном напряжении, ведь Барга — это пограничье трех империй: Китая, России и Японии. Именно здесь их интересы сталкивались наиболее остро, что делало этот регион ареной сложнейших дипломатических и военных конфликтов.

3. Проанализировать уникальный опыт политического лавирования: баргинская элита демонстрировала поразительную гибкость, провозглашая независимость, входя в состав Богдо-ханской Монголии, а затем договариваясь об особом статусе в рамках Китайской Республики.

Таким образом, Барга служит идеальной моделью для изучения маньчжурского стиля управления, его трансформации и роли пограничных территорий в геополитике региона. Сопоставление этих двух моделей — Внутренней Монголии и Барги — и позволяет нам в рамках одного тома реконструировать сложную и многогранную структуру всего маньчжуро-монгольского мира.

Перспективы проекта и дальнейшие исследования

Настоящее издание, посвященное Внутренней Монголии и Барге, является первым фундаментальным томом большого исследовательского проекта. Прделанная работа по верификации источников, геопространственной коррекции и аналитическому картографированию этих ключевых регионов закладывает методологическую и фактологическую основу для дальнейшего, более широкого изучения всего маньчжуро-монгольского мира. Мы с уверенностью можем сказать, что работа над проектом продолжается.

Благодаря поддержке Российского научного фонда, в рамках второго, готовящегося к изданию, тома мы планируем расширить географические рамки нашего исследования и применить разработанную методологию к остальным важнейшим частям региона:

- Халхе/Внешней Монголии/Монгольской Народной Республике, которая в исследуемый период прошла уникальный путь от теократической монархии к социалистической государственности, и ее сопредельным территориям на западе, таким как Кобдо и Алашань/Нинся.
- Собственно Маньчжурии — «Трем восточным провинциям» Китая, которые в 1930-е годы стали ядром Маньчжоу-Го, превратившись в арену острейшего геополитического противостояния и масштабного социального эксперимента.

Завершение этого второго этапа позволит создать первый в своем роде полный и всеобъемлющий историко-географический атлас, охватывающий все многообразие политических, социальных и экономических судеб маньчжуро-монгольского мира в первой половине XX в.

Приступая к этой масштабной работе, отметим, что в своем подходе, сочетающем исторический анализ с детальным картографированием, мы сознательно опираемся на великие, но в последние десятилетия несколько отодвинутые на второй план традиции. Речь идет о советской школе исторической географии, представленной трудами таких ученых, как В.К. Яцунский, Л.Н. Гумилёв, А.В. Муравьев и многих других. Их методология, основанная на глубоком синтезе письменных источников, археологических данных и пространственного анализа, их умение «читать» ландшафт как исторический документ и видеть за географическими названиями следы ушедших эпох — все это не только не утратило своей значимости, но и звучит сегодня как никогда современно.

Мы убеждены, что соединение этой мощной интеллектуальной традиции, с ее вниманием к деталям и междисциплинарным синтезом, с новыми возможностями, которые предоставляют цифровые гуманитарные науки и геоинформационные системы, способно дать науке принципиально новые результаты. Наш проект — это сознательная попытка возродить этот синтетический подход на новом технологическом уровне, доказать его продуктивность и тем самым отдать дань уважения нашим великим предшественникам.

Структура атласа

Следуя изложенной концепции, настоящий атлас-монография имеет четкую и логичную структуру, призванную провести читателя от общих проблем к детальному региональному анализу.

Издание открывается Введением, в котором изложены цели, методология и концептуальные рамки исследования.

I глава «Источники исследования» посвящена критическому анализу тех картографических и письменных материалов, которые легли в основу нашей работы. Особое внимание здесь уделено картам З.А. Матусовского, И.Я. Коростовца и В.И. Сурина, а также подчеркивается важность других ключевых исследователей эпохи, которые позволили реконструировать административно-территориальное устройство региона.

Последующие главы и разделы построены по региональному принципу и посвящены детальному историко-географическому описанию ключевых сеймов Внутренней Монголии (Чжеримский, Улан-Цабский, Их-Чжуский, Шилин-Гольский, Чжодаский, Чжосотуский), а также особого мира Барги. Каждый региональный раздел следует единой структуре, включающей: современную карту региона с его актуальным административным делением, исторические карты-реконструкции на первую половину XX в., подробное описание физико-географических условий и экономической географии, которые во многом определяли хозяйственный уклад и историческую судьбу населения, развернутый очерк политической истории, раскрывающий динамику трансформации региона в исследуемый период.

Каждая карта в этом атласе — это не просто иллюстрация, а самостоятельный научный тезис, визуализированный и подкрепленный данными.

Авторский коллектив:

- А.В. Курас, д.и.н., проф., г.н.с. ИМБТ СО РАН, руководитель научного коллектива – Введение, Заключение;
- П.Н. Дудин, д.и.н., доц., в.н.с. ИМБТ СО РАН – Введение, Заключение, Источники исследования (I глава), Общая информация о Внутренней Монголии, Физико-географическая характеристика, Экономико-географическая характеристика (II, III главы), Политическая характеристика и история (II глава), Приложение;
- А.Н. Бешенцев, д.г.н., проф., профессор РАН, г.н.с. ИМБТ СО РАН – современные карты (Введение, II, III главы);
- Б.Д. Цыбенков, д.и.н., доц., в.н.с. ИМБТ СО РАН – Общая информация о Хулун-Буире, Политическая характеристика и история (III глава);
- В.С. Батомункуев, к.г.н., доц., в.н.с. ИМБТ СО РАН – фрагменты карт И.Я. Коростовца, Физико-географическая характеристика и Экономико-географическая характеристика (II, III главы);
- Т.Ш. Рыгзынов, к.г.н., м.н.с. ИМБТ СО РАН – фрагменты карт И.Я. Коростовца, Физико-географическая характеристика, Экономико-географическая характеристика (II, III главы);
- В.Э. Цыремпилова, к.и.н., н.с. ИМБТ СО РАН – Физико-географическая характеристика, Экономико-географическая характеристика (III глава);
- К.Ю. Базаров, н.с. ТИГ ДВО РАН, м.н.с. ИМБТ СО РАН – фрагменты карт И.Я. Коростовца, фрагменты карт В.И. Сурина, Источники исследования (I глава), техническая работа с макетом.

Общее описание источников

Реконструкция исторического прошлого «маньчжуро-монгольского мира» в первой половине XX в. сталкивается с необходимостью работы с уникальным, но крайне сложным и фрагментированным комплексом источников. В отличие от хорошо документированной истории центральных регионов Китая, история этого пограничья запечатлена в материалах, созданных на стыке распадающихся и возникающих империй, часто с определенными политическими, военными или экономическими целями. Эти документы редко бывают нейтральными; они отражают точку зрения и интересы своих создателей — будь то цинская администрация, российские военные, японские экономисты или республиканские китайские власти. Задача исследователя заключается не просто в том, чтобы собрать эти фрагменты в единую мозаику, а в том, чтобы провести их критический анализ, выявить внутренние противоречия и на основе их синтеза создать целостную и верифицированную картину прошлого.

Источниковую базу, легшую в основу настоящего атласа-монографии, можно условно разделить на три основные группы, каждая из которых выполняет свою незаменимую функцию в нашем исследовании.

Первую и ключевую группу составляют картографические материалы. Именно они являются для нас не вспомогательной иллюстрацией, а главным объектом и инструментом анализа. Этот комплекс включает в себя карты разного происхождения, масштаба и назначения: от фундаментальных, но географически условных имперских обзоров конца XIX в. (карта З.Л. Матусовского), фиксирующих «старый порядок», до детальных военно-топографических и политических карт начала XX в. (карты И.Я. Коростовца), отражающих новый геополитический расклад сил. Кульминацией этой картографической традиции стали уникальные экономические карты В.И. Сурина, созданные в 1925–1928 гг. гг., которые с документальной точностью запечатлели процесс наложения новой китайской административной системы на старую монгольскую структуру. Работа с этим разнообразным картографическим наследием составляет ядро нашего проекта.

Вторую группу образуют нарративные и статистические текстовые источники. Они служат незаменимым инструментом для верификации, дополнения и, главное, глубокой интерпретации информации, представленной на картах. Сюда в первую очередь относятся официальные административные справочники, такие как перевод «Записок о монгольских кочевьях» П.С. Попова, который стал для нас своего рода «структурным каркасом», позволившим восстановить точный состав и иерархию монгольских сеймов и хошунов. К этой же группе принадлежат детальные экономико-географические отчеты и исследования современников (Д.А. Давидова, П.Н. Меньшикова, В.Ф. Дидушка и др.), содержащие бесценные статистические данные о колониционных процессах, сельском хозяйстве, торговле и инфраструктуре. Наконец, сюда входят записки и донесения дипломатов, военных и путешественников, позволяющие понять дух эпохи и мотивы действующих лиц.

Третью, вспомогательную, группу составляют официальные документы эпохи — указы, договоры, правительственные постановления, которые дают юридическую и политическую рамку для всех происходивших процессов. Они позволяют точно датировать ключевые события, такие как создание Особых районов, и понять формальную логику административных реформ, проводимых китайским правительством.

Главный методологический вызов при работе с этим комплексом источников заключается в их внутренней противоречивости и несоответствии друг другу. Текстовая точность административных справочников контрастирует с картографической условностью большинства карт той эпохи. Политическая «точка зрения», заложенная в одной карте, противоречит экономической прагматике другой. Пространственные данные старых карт, созданных без строгой математической основы, невозможно напрямую сопоставить с современной географической реальностью. Простое воспроизведение или компиляция этих источников привели бы лишь к тиражированию старых ошибок и неточностей.

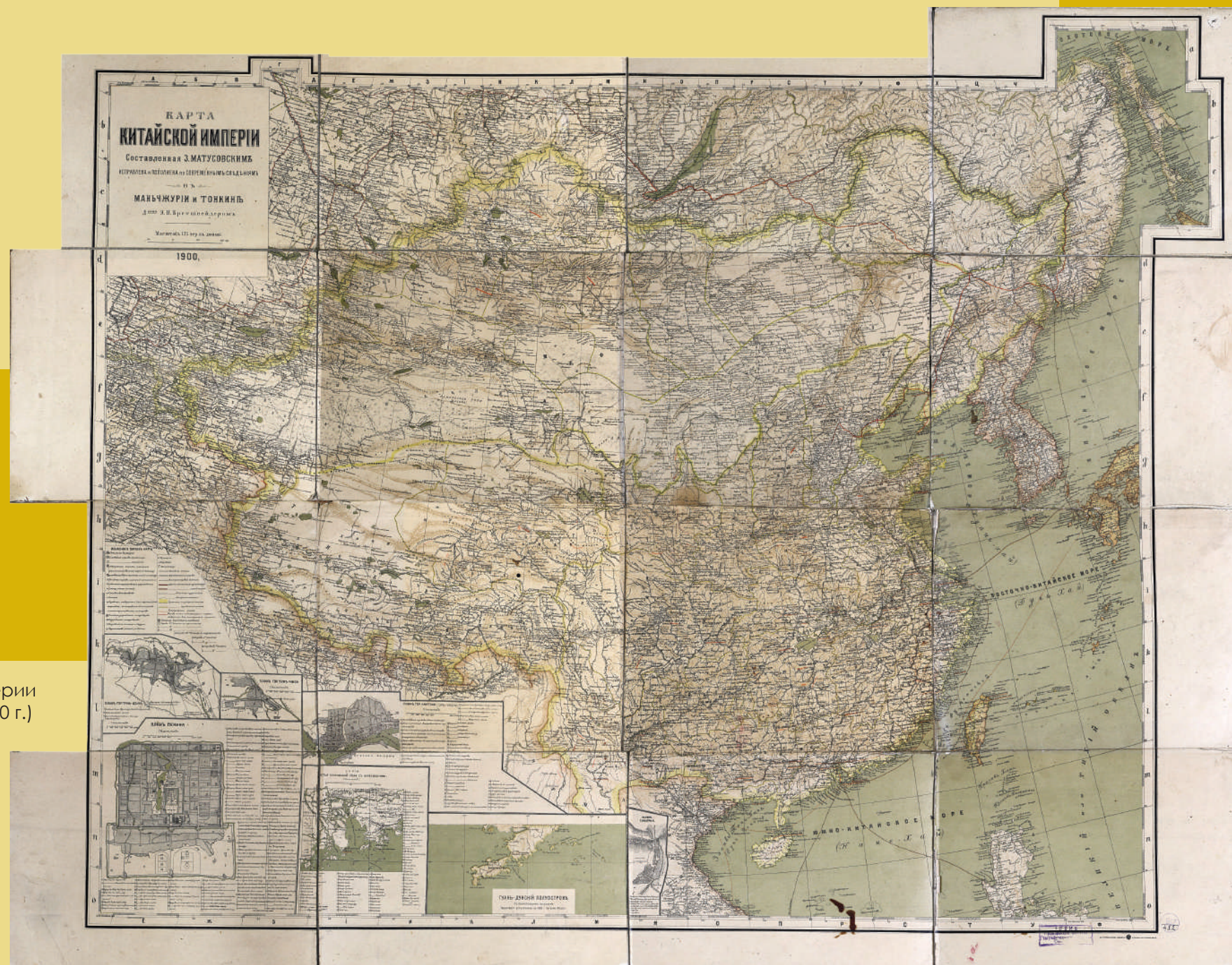
Поэтому новизна нашего атласа заключается в методологии критического синтеза. Мы не принимаем ни один источник

на веру, а используем междисциплинарный подход, изложенный во Введении. Каждый картографический, статистический и нарративный факт подвергается перекрестной проверке. С помощью современных ГИС-технологий мы «очищаем» исторические карты от неизбежных технических неточностей прошлого, геопривязываем их к современной координатной сетке и создаем выверенную цифровую основу. Именно на эту новую, верифицированную основу мы наносим синтезированную и критически осмысленную информацию из всего комплекса источников, создавая исторические карты-реконструкции и тематические аналитические карты нового поколения.

В последующих разделах этой главы мы последовательно разберем ключевые источники, которые легли в основу нашего исследования. Мы начнем с фундаментальных трудов конца XIX в., зафиксировавших в «старый порядок» Цинской империи, затем перейдем к документам, отразившим бурные политические трансформации начала века, и завершим анализ уникальными картами, ставшими свидетельством пика экономической и административной перекройки всего региона.

Зиновий Лаврович Матусовский

Исследование любого исторического пространства начинается с определения точки отсчета. Для нашего атласа такой точкой, фундаментальным «нулевым срезом», послужили труды выдающегося русского исследователя и путешественника конца XIX в. Зиновия Лавровича Матусовского. Его монументальное «Географическое обозрение Китайской империи» (1888 г.) и созданная на его основе «Карта Китайской империи» (1900 г.) представляют собой одну из первых в отечественной науке системных попыток описать и картографировать маньчжуро-монгольский мир как неотъемлемую часть Цинской державы. Ценность этих работ заключается в том, что они с энциклопедической широтой зафиксировали состояние региона накануне его распада и тех драматических трансформаций, которым посвящен наш атлас.

Карта Китайской империи
З.А. Матусовского (1900 г.)

«Географическое обозрение» Матусовского — это классический образец имперской науки XIX в. С одной стороны, текст поражает своей структурностью и глубиной. Автор детально описывает сложную иерархию цинского административного управления в Монголии: от высших чинов (цзяньцзюней, амбаней) до низовых военно-административных единиц (хошунов, сумунов). Его разъяснения системы титулов родовой знати, их прав и обязанностей служат незаменимым глоссарием для понимания того, как функционировал этот мир.

С другой стороны, «Карта Китайской империи», призванная визуализировать этот текст, демонстрирует всю сложность картографирования кочевого пространства средствами европейской науки того времени. Если в тексте мы видим четкую систему, то на карте — обобщенное пространство. Карта не показывает точных границ монгольских сеймов и хошунов, ограничиваясь указанием на общие районы кочевий и названия аймаков. Это расхождение между текстом и картой не является ошибкой автора, но служит важнейшим историческим свидетельством: для имперского центра детальная внутренняя структура монгольских земель была менее важна, чем их общая принадлежность империи.

Важнейшей чертой труда З.А. Матусовского является его научная честность. В сносках к «Обозрению» он прямо указывает, что представленные им границы Монголии «могут считаться только приблизительными, так как для точного начертания

их не имѣется еще достаточно данных». Эта ремарка — лучшее обоснование необходимости нашего проекта. Она превращает труд З.А. Матусовского из простого источника в научный вызов, брошенный через столетие. Для нашего атласа работы З.А. Матусовского выполняют три ключевые функции:

1. Они задают исторический фон, описывая «старый порядок» Цинской Монголии, который вскоре будет безвозвратно утерян.
2. Они служат эталоном для сравнения, на фоне которого ценность и новизна более поздних и детальных карт И.Я. Коростовца и В.И. Сурина, созданных уже в совершенно иную политическую эпоху, становятся еще более очевидными.
3. Они являются отправной точкой нашего исследования, предоставляя фундаментальные данные по топонимике, административной иерархии и общему географическому положению региона, которые мы, уже с помощью современных ГИС-технологий, верифицируем, уточняем и анализируем.

Таким образом, пионерские труды З.А. Матусовского — это не просто памятник науки XIX в., но и живой, актуальный источник, диалог с которым позволяет нам сегодня по-новому взглянуть на историю маньчжуро-монгольского мира. Для удобства данные, на которые мы опирались и которые мы черпали из его трудов, мы будем обозначать «— у Матусовского».

Павел Степанович Попов

Если карта и труд З.А. Матусовского дают нам бесценное визуальное представление о маньчжуро-монгольском мире на разных этапах его истории, то для перехода от общего обзора к детальной реконструкции административных институтов ключевым источником стал труд иного рода. Фундаментом, на котором выстроена вся структурная сетка нашего атласа, послужили «Записки о монгольских кочевьях» («Мэнь-гу-ю-му-цзи»), переведенные с китайского языка выдающимся синологом, старшим драгоманом Павлом Степановичем Поповым и

Титульный лист «Географического обозрения Китайской империи» З.А. Матусовского

ОГЛАВЛЕНИЕ.	
Предисловие переводчика	I—III
Предисловие автора	V—VII
Топография кочевий внутренних Монголии Джеринь-ского сейма.	
I. Коринский аймак	1—7
II. Джалайский аймак	7—8
III. Дурботский аймак	8—10
IV. Горосский аймак	10—12
Кочевья внутренних Монголии сейма Чимсоту.	
V. Каринский (Харачинский) аймак	12—15
VI. Тумотский аймак	15—19
Кочевья внутренних Монголии Чимло-уд-ского сейма.	
I. Аоканский аймак	19—21
II. Найманский аймак	21—22
III. Баринский аймак	22—24
IV. Чмарутский аймак	24—25
V. Ару-коринский аймак	25—27
VI. Омготский аймак	27—29
VII. Киминский аймак	29—30
VIII. Яное халхское криво	30—31
Кочевья внутренних Монголии Силин-гольского сейма.	
I. Учжунинский аймак	32—34
II. Хаолтский (Хунтский) аймак	34—36
III. Сулунский аймак	36—38
IV. Абганский аймак	38—40
V. Абганарский аймак	40—41
Кочевья Монголии Улан-цабского сейма.	
I. Си-дин-буа (Дурбин-хунт) аймак	42—43
II. Мяо-миланский аймак	43—44
III. Уратский аймак	44—45
IV. Аймак правого халхского криво	45—47

Обложка и оглавление «Записок о монгольских кочевьях» П.С. Попова (1895 г.)

изданные Императорским Русским Географическим Обществом в 1895 г.

Ценность этого источника заключается в его уникальном происхождении и исключительной детализации. Это не путевые заметки европейца, а перевод официального китайского административного справочника. Он представляет собой не взгляд внешнего наблюдателя, а взгляд изнутри имперской бюрократической системы, для которой точное знание структуры подчиненных территорий, их иерархии и состава было вопросом первостепенной важности и практического управления.

«Записки о монгольских кочевьях» являются по сути подробнейшим кадастром и реестром всего монгольского мира, каким он был в рамках Цинской империи. Как видно из оглавления, труд систематически описывает:

- Все шесть сеймов (чуулганов) Внутренней Монголии: Чжеримский, Чжосотуский, Чжоудаский, Силин-Гольский, Улан-Цабский и Ихэ-Чжуский (Ордос).
- Все четыре аймака Внешней Монголии (Халхи).
- Полный состав хошунов (знамен), входящих в каждый сейм и аймак, с указанием их расположения, соседства и ключевых исторических сведений.

Для нашего атласа этот текст стал главным инструментом верификации и структурного анализа. Исторические карты, как мы уже отмечали, часто грешат схематичностью границ и искажением топонимов, особенно для Внутренней Монголии. Труд П.С. Попова позволил нам решить эту проблему. Опираясь на него, мы смогли:

1. Восстановить точный состав каждого сейма, определив, какие именно хошуны в него входили.
2. Верифицировать названия административных единиц, сопоставив их с данными на картах.
3. Создать научно обоснованную структуру для наших ГИС-слоев, где каждый полигон (хошун, сейм) на карте подкреплен точной текстовой атрибутивной информацией из первоисточника.

Таким образом, «Записки о монгольских кочевьях» стали тем структурным каркасом и базой данных, которые позволили превратить приблизительные исторические схемы в научно достоверную реконструкцию. Для удобства данные, на которые мы опирались и которые мы черпали из его трудов, мы будем обозначать «— у Попова».

Иван Яковлевич Коростовец

Если труды З.А. Матусовского зафиксировали Цинскую империю в зените ее кажущейся стабильности, то следующий ключевой источ-

ник нашего исследования — «Карта Монголии», составленная по данным бывшего российского уполномоченного в Урге Ивана Яковлевича Коростовца при участии выдающегося монголоведа Владислава Людвиговича Котвича, — отражает совершенно новую, революционную реальность. Изданная в 1914 г., эта карта, вместе с пояснительным текстом Котвича «Краткій обзор исторіи и современного политическаго положенія Монголіи», является прямым следствием и документальным свидетельством бурных событий распада империи Цин на ее периферии.

Визуальный язык карты недвусмысленно говорит о смене парадигмы. В центре внимания, выделенная ярким оранжевым цветом, находится территория автономной Внешней Монголии (Халхи). В отличие от карты Матусовского, здесь мы видим не просто этнографическое пространство, а политическую единицу с четко прорисованными (хотя и спорными) государственными границами. Карта демонстрирует исключительную детализацию именно тех областей, которые были в фокусе российской дипломатии:

- Внутреннее устройство Халхи: подробно показано деление на четыре аймака (Тушэту-хановский, Сэцэн-хановский, Дзасакту-хановский и Сайн-ноиновский) и многочисленные хошуны внутри них.
- Инфраструктура: отмечены важнейшие дороги и телеграфные линии, что говорит о практической, административной направленности карты.

Барга окрашена в фиолетовый цвет (так же окрашена и Маньчжурия), однако ее внутреннее деление на хошуны дано уже гораздо более схематично. Собственно Китай (окрашен розовым цветом) выступает лишь внешним фоном. Таким образом, карта И.Я. Коростовца — это не просто географическая схема, а политическая декларация, фиксирующая новый региональный порядок в пространстве маньчжуро-монгольского мира с точки зрения Российской империи.

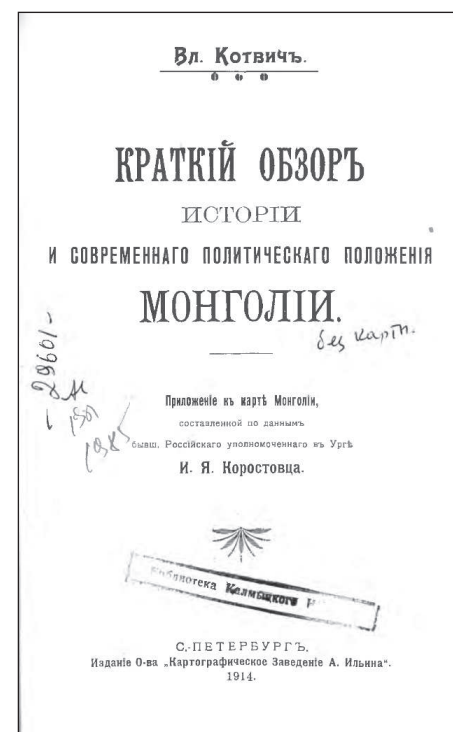
«Краткий обзор» В.А. Котвича служит идеальным комментарием к карте, раскрывая ее политический и исторический контекст. В своем труде Котвич:

1. Обосновывает легитимность автономии, подробно описывая исторический процесс, который привел к про-

возглашению независимости — от угнетения со стороны маньчжурской администрации и китайской колонизации до обращения халхаских князей за помощью к России.

2. Детализирует новое административное устройство, усиливая идею, текст содержит подробные списки хошунов по каждому аймаку Халхи, перечисляя титулы и имена их правителей. Это тот самый справочный аппарат, который лежит в основе детализации карты и который бесценен для верификации данных сегодня.

3. Признает сложность и незавершенность процесса, периодически указы-

Обложка «Краткого обзора истории и современного политического положения Монголии» В.А. Котвича (1914 г.)

вая, что в рамках одной карты невозможно с абсолютной точностью отразить все нюансы границ и что «обнаружится немало несоотвѣтствій съ дѣйствительностью». Это, как и в случае с З.А. Матусовским, подчеркивает ценность нашей современной работы по уточнению этих данных.

Вместе эти два источника — карта и текст — представляют собой уникальный историко-картографический памятник. Они фиксируют регион в момент его политического раскола и становления новой государственности. Для нашего атласа они являются третьим ключевым срезом, следующим за «имперским» этапом З.А. Матусовского и П.С. Попова и предшествующим «экономико-стратегическому» этапу В.И. Сурина, позволяя про-

следить драматическую эволюцию маньчжуро-монгольского мира в первой четверти XX в. Для удобства данные, на которые мы опирались и которые черпали из его трудов, мы будем обозначать «— у Коростовца».

Виктор Ильич Сурин

Центральным источником, послужившим концептуальной и фактической основой для нашего атласа, является серия карт, изданных в 1925 г. Экономическим бюро Китайско-Восточной железной дороги под общим руководством выдающегося экономиста и статистика Виктора Ильича Сурина. «Карта Монголии» 1925 и 1928 гг. и «Карта Маньчжурии» 1925 г., составленные по новейшим на тот момент материалам, по своей сути являются единым, взаимодополняющим картографическим произведением.

Именно эти карты, впервые за столетие вводимые в полноценный научный оборот и подвергнутые ГИС-анализу, позволили нам реконструировать и визуализировать маньчжуро-монгольский мир в самый разгар его драматической трансформации.

В отличие от карты И.Я. Коростовца, сфокусированной на политическом устройстве автономной Халхи, карты В.И. Сурина созданы с прагматической, экономической точки зрения. На них подробно отображены не только административные границы, но и дорожная сеть, населенные пункты, гидрография и рельеф. Но их подлинная уникальность и научная ценность заключаются в другом. Ключевая особенность карт Су-

рина — это наложение «поверх» традиционных монгольских границ (сеймов и хошунов) новой сетки китайских административных единиц (провинций и уездов). Это не просто технический прием, а удачное для своего времени картографическое решение. Карты Сурина визуально, с документальной точностью демонстрируют главный исторический процесс эпохи — китайскую аграрную и административную колонизацию монгольских земель. Мы видим, как старый кочевой мир, с его подвижными и условными границами, «прорастает» новой оседлой цивилизацией с ее четкими уездами, городами и, главное, железными дорогами — артериями нового экономического порядка.

Как и любой источник того периода, карты В.И. Сурина не лишены недостатков, которые, однако, для нашего исследования становятся научным вызовом и точкой приложения современных методов:

- Отсутствие информации о математической основе карт, что приводит к сложностям при наложении на современную основу. Единственное, что можно сказать, была использована одна из вариаций конической проекции. Эта проблема решается нами с помощью цифровой коррекции.
- Несоответствие топонимов: названия населенных пунктов и хошунов часто даны в разных транскрипциях (русской, китайской, монгольской), что требует кропотливой верификации с использованием письменных источников, в первую очередь «Записок» П.С. Попова.

Именно решение этих задач и составляет суть нашей работы.

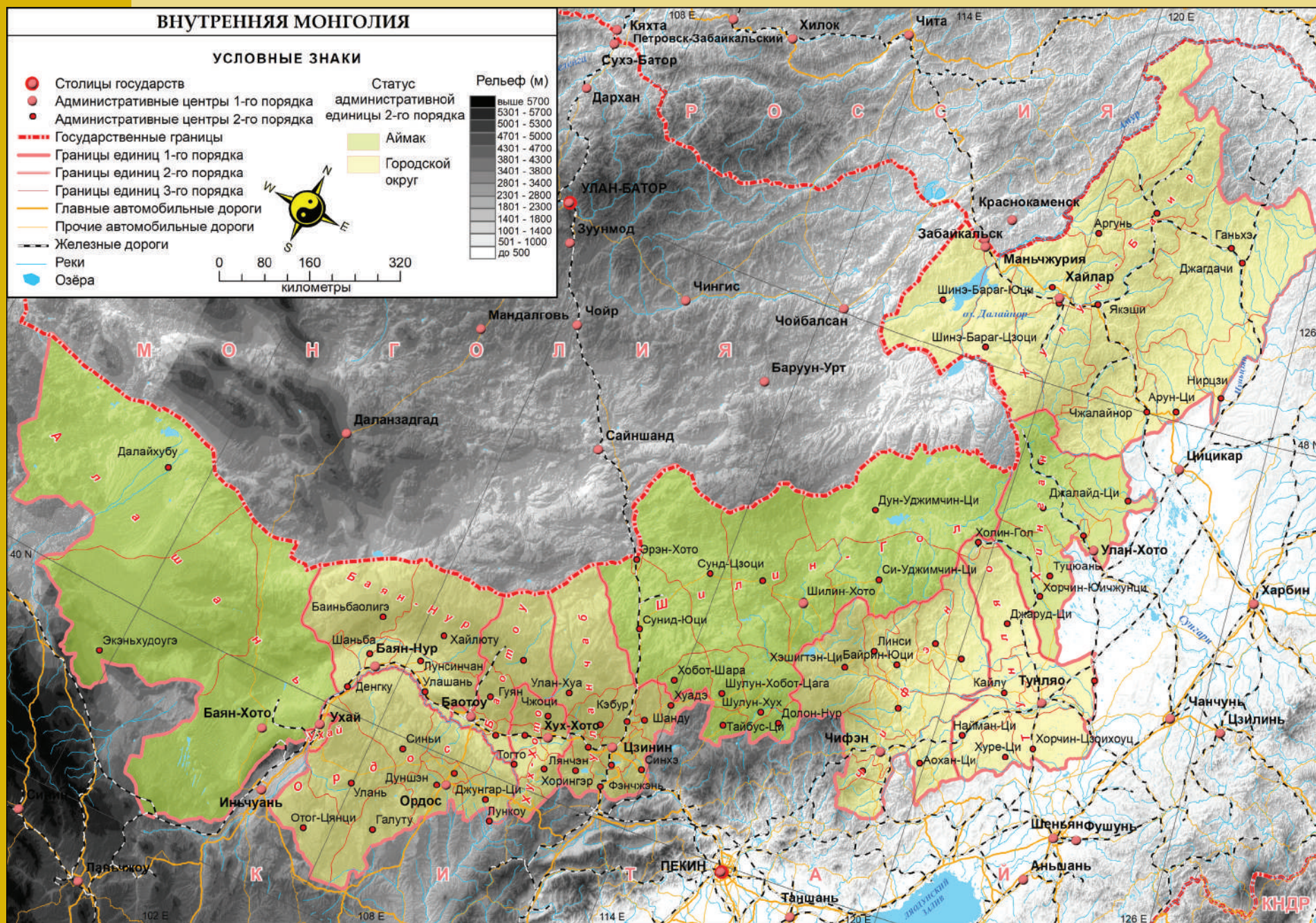
При этом, учитывая значительный объем как картографического, так и исторического материала, содержащийся в картах В.И. Сурина, в настоящей работе мы вводим в научный оборот прежде всего «Карту Монголии» 1925 г., и на ее данные опираемся по ходу нашего повествования. Мы не просто репродуцируем ее, а берем ее как бесценный исторический документ, «очищаем» его от неизбежных технических неточностей прошлого и используем как верифицированный базовый слой для создания серии собственных аналитических карт, в то время как

к «Карте Маньчжурии» 1925 г. и «Карте Монголии» 1928 г. на китайском языке мы планируем вернуться во втором томе настоящего издания.

Таким образом, карты В.И. Сурина являются кульминационной точкой в эволюции картографирования региона в первой половине XX в. Они синтезируют в себе и старую, монгольскую, структуру, и новую, китайскую, и внешнее, российско-японское, влияние (через КВЖД и ЮМЖД). Они служат идеальным свидетельством той сложной эпохи, которой посвящен наш атлас, и являются тем прочным фундаментом, на котором построено все наше исследование. Для удобства данные, на которые мы опирались и которые мы черпали из «Карты Монголии» 1925 г., мы будем обозначать «– у Сурина».

Карта Монголии В. И. Сурина (1925 г.)

Современная карта Внутренней Монголии

М	М	В
А	И	П
Н	Р	Е
Ь		Р
Ч	В	В
Ж	Н	О
У	У	Й
Р	П	
О	Р	П
,	Е	О
М	Н	А
О	Н	О
Н	Е	В
Т	Й	И
О		Н
А	А	Е
Ь	З	
С	И	Х
К	И	Х
И		
Й		в.

Глава II. МОНГОЛЬСКИЙ МИР – ВНУТРЕННЯЯ МОНГОЛИЯ

2.1. Внутренняя Монголия

Внутренняя Монголия сегодня – это автономный район в составе Китайской Народной Республики (АРВМ). Первый среди подобных, образованный 1 мая 1947 г., один из пяти автономных районов, третья по размеру административно-территориальная единица (после Сицзян-Уйгурского и Тибетского автономных районов) с населением свыше 25 млн человек, из которого монголы составляют около 6 млн (9-е место среди национальных меньшинств КНР). Закрепленное в Конституции КНР право на автономию (ст. 112–122), реализуется через особую систему управления с участием титульной нации – монголов, но при активном ханьском присутствии на ключевых государственных позициях.

При картографировании территории административными единицами первого порядка считаются провинции и АРВМ, административными единицами второго порядка считаются аймаки, городские округа и города субпровинциального значения, единицами третьего порядка считаются городские уезды, хошуны, районы, автономные уезды, уезды

Высшим органом публичной власти является Собрание народных представителей (СНП АРВМ), избираемое на 5 лет, осуществляющее законодательную власть в пределах района, формирующее Народное правительство АРВМ, утверждающее местный бюджет, программы развития, кадровые назначения. Между сессиями СНП АРВМ верховную власть реализует его орган – Постоянный комитет, помимо прочего, осуществляющий надзор за соблюдением Конституции КНР и ее законов, а также же местных нормативных правовых актов. Постоянный комитет СНП АРВМ возглавляется председателем, обычно — этническим монголом.

Региональный комитет Коммунистической партии Китая АРВМ — высший политический орган района, руководящий всеми сферами жизни. Региональный комитет возглавляет секретарь — фактический глава региона. Партия осуществляет контроль над кадровыми назначениями, стратегическим развитием и идеологией.

Административно-распорядительную власть осуществляет Народное правительство АРВМ, подотчетное СНП АРВМ и Госсовету КНР. Народное правительство возглавляется председателем, обычно — этническим монголом, назначаемым с утверждения Госсовета. Народное правительство уполномочено осуществлять государственную политику в пределах автономного района в области образования, экономики, финансов, социальных вопросов и внутреннего управления.

Высшим судебным органом является Верховный народный суд Внутренней Монголии, подчиненный Верховному народному суду КНР. Народная прокуратура АРВМ осуществляет надзор за соблюдением законов, поддерживает обвинение в суде и в свою очередь подчинена Верховной прокуратуре КНР.

Местное управление формируется по тем же принципам, что и в остальных частях КНР, но с участием представителей местных этносов, поэтому в системе местной власти используется традиционная монгольская административная структура: аймак как аналог округа, хошун как аналог уезда и сомон как аналог волости. В настоящее время Внутренняя Монголия в административном отношении делится на 3 аймака (Алашань, Шилин-Гол и Хинган) и 9 городских округов (Баян-Нур, Ухай, Ордос, Баотоу, Хух-Хото, Уланчаб, Чифэн, Тунляо и Хулун-Буир). Административный центр — г. Хух-Хото.

Таким образом, система публичной власти современной Внутренней Монголии строится по общекитайской модели единства многонационального государства, но включает особенности, обеспечивающие участие титульной нации в управлении и сохранение этнокультурной самобытности региона.

Однако исторический опыт, накопленный данным регионом в первой половине XX в., показывает нам богатство форм и содержания властных отношений, которые заложили основу современной политической карты Внутренней Азии, и Внутренняя Монголия в данных процессах играла не последнюю роль.

В начале XX в. управление монгольскими территориями в составе империи Цин по-прежнему соответствовало системе административного и военного контроля, которая была установлена в XVII в. с их завоеванием маньчжурами.

Внутренняя Монголия сохранила атрибуты государственности, носителем верховной ханской власти стал маньчжурский император с титулом Богдо-хана, получив ее на съезде монгольской знати в Чифыне в 1636 г. Он имел право присваивать звания и титулы и лишать их, а также назначать и смещать с государственных должностей.

Следующим центральным властным институтом, после императора, осуществлявшим высшую административную, законодательную и судебную власть над Монголией, а также прочие взаимоотношения с имперской периферией, было Лифаньюань, или Ведомство управления зависимыми территориями (в русскоязычной традиции — Палата внешних сношений / Палата по делам вассальных владений), созданное в 1644 г. на базе Монгольского управления (Мэнгу ямэнь) для надзора за администрациями Тибета и монгольских территорий. С расширением империи к Лифаньюань переходят полномочия по управлению всеми этническими меньшинствами, проживавшими в ее пределах и поблизости от них. Однако сначала возглавлять его могли только маньчжуры или монголы, для ханьцев эта должность стала доступна позже. После провозглашения республики в 1912 г. на смену этому органу пришло Бюро (1912–1914 гг.) / Комиссия (1914–1949 гг.) по вопросам Монголии и Тибета, обладавшая особым статусом в составе всех правительственных структур вплоть до 1949 г. Имея статус полноценного министерства, Комиссия подчинялась непосредственно президенту и возглавлялась этническим монголом.

В основу системы местного родового управления Внутренней Монголией была положена военная единица — знамя (ци) или хошун (дивизия, гуса), которые объединялись в 6 сеймов (корпусов / чулхань) и делились на полки (цзаланов), включающие в свою очередь более мелкие единицы — сомоны (эскадроны или роты) в количестве 150 солдат во главе с начальником (занги), из которых 50 человек отправлялись на военную службу, а остальные числились свободными. Позднее военная организация уступает место гражданской и хошун превращается в фактически наследственное (но юридически — делегированное от лица императора через Лифаньюань) владение

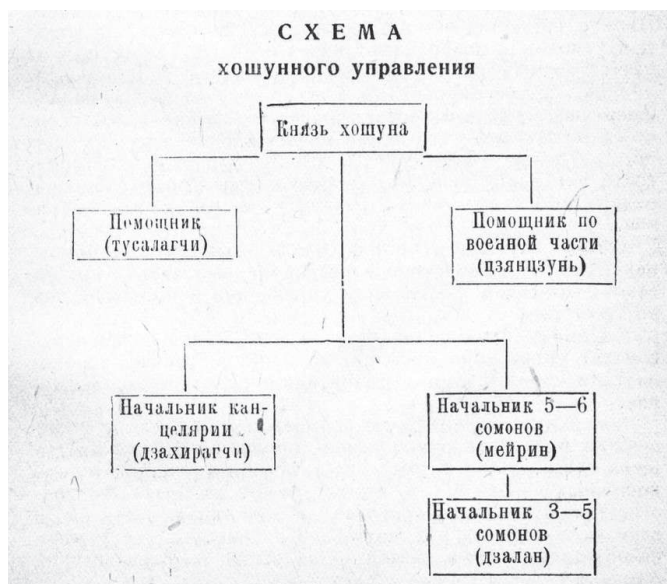

Схема хошунного управления из книги
А.С. Бенфельда «Мынцзян»

Схема сеймового управления из книги
А.С. Бенфельда «Мынцзян»

потомков тех или иных ветвей рода Чингисхана. Даже несмотря на японское вторжение и создание на центральных и восточных территориях Внутренней Монголии государства Мэнцзян, хошунная система территориальной организации сохраняется и инкорпорируется в коллаборационистскую государственность.

Внутренняя Монголия к началу XX в. состояла из 24 аймаков – родовых территорий, объединенных в 6 сеймов, являвшихся высшим органом управления (Чжерим, Улан-Цаб, Их-Чжу, Шилин-Гол, Чжосоту и Чжоуда) и объединявших 49 хошунов (княжеств), в свою очередь подразделяемых на сомоны, а те – на баги, при этом аймаки Чахар и Тумэт объединяли монгольские племена, не образующие хошунов с дзасаками во главе.

Во главе хошуна стоял владетельный князь – дзасак из числа потомков Чингисхана или его братьев, обладающий весьма значительной гражданской, военной и судебной властью, монополией на сбор государственных и хошунных податей и распределением повинностей. Однако в действительности дзасак был не наследным правителем, а по сути утверждаемым, по представлению Лифаньюань, высшим чиновником из членов родовой аристократии и в качестве руководителя вверенной ему территории осуществлял административное и военное управление хошуном, определял границы сомонов и багов, назначал и смещал их начальников, регулировал пользование пастбищами, возглавлял хошунное ополчение, а

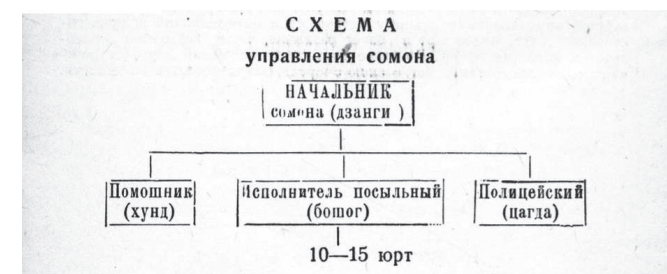

Схема сомонного управления из книги
А.С. Бенфельда «Мынцзян»

также санкционировал поселение у себя на территории или проход через нее.

Существование института дзасака позволило Цинской империи окончательно ликвидировать власть аймачных ханов, а ряд сопутствующих мер – нейтрализовать сильную местную власть и сепаратизм. Чтобы снизить влияние дзасаков, цинская администрация делила аймаки на все новые хошуны (в 1691 г. их было 8, а в начале XX в. – уже 49).

Китайское правительство присваивало монгольским дзасакам почетные титулы, разделенные на 6 степеней:

- 1-я степень – чин-ван,
- 2-я – цзюнь-ван,
- 3-я – бейл (или бейле / бэйлэ),
- 4-я – бейс (или бейсе / бэйсэ),
- 5-я – туше-гун,
- 6-я – тусалакчи-гун.

Каждый титул был связан известным содержанием, одеждой и деньгами и предоставлял его обладателю право на свиту и другие почести и привилегии. В свою очередь дзасаки должны были являться в Пекин на новогодние торжества.

Ситуация стала меняться на рубеже XIX – XX вв.: монгольские земли переживали эпоху трансформации, поскольку маньчжурские императоры постепенно начали отходить от взятых на себя их предками обязательств в отношении неприкосновенности Монголии и разрешать ее колонизацию этническими ханьцами из центральных провинций империи. Постепенно происходит выкуп обширных пространств, а хошуны, находящиеся в буферной зоне, либо значительно сокращают свои площади, либо вовсе исчезают. Основу системы управления, складывающейся на колонизируемых территориях, которая в итоге позволила установить фактический контроль над монгольскими землями без формального нарушения древних устоев и договоренностей и связать между собой вновь образуемые институты в сеть, получившую в 1914 г. статус особых административных округов, составляли китайские уезды, создаваемые на отчуждаемых монгольских землях и заселяемые ханьцами. Образуюсь как бы поверх хошунных владений, они постепенно смыкались в единое административное пространство с традиционной ханьской системой управления, что создало условия для появления в 1914 г. особых административных округов, на которые оказалась разделена Внутренняя Монголия (Сюйюань, Чахар и Жэхэ), а реформа 1928 г. преобразовала эти округа в одноименные провинции.

Физико-географическая характеристика современной Внутренней Монголии

Внутренняя Монголия в первой половине XX в. представляла собой не единый географический монолит, а обширную и чрезвычайно разнообразную территорию, протянувшуюся широкой дугой на тысячи километров вдоль северных границ Внутреннего Китая. Эта земля являлась гигантской переходной зоной, где аридные ландшафты Центральной Азии сталкивались с влажными муссонными равнинами Маньчжурии, а высокое Монгольское плато — с лёссовыми нагорьями и аллювиальными долинами Северного Китая. Это географическое погра-

ничье, расположенное на стыке великих цивилизационных и климатических зон, во многом предопределило ее сложную историческую судьбу как арены постоянного контакта, симбиоза и конфликта между кочевым миром степей и оседлым миром земледельцев.

Рельеф

Рельеф Внутренней Монголии крайне неоднороден и может быть разделен на несколько крупных, контрастирующих друг с другом макрорегионов, каждый из которых формировал уникальные условия для жизни и хозяйствования.

Восточная лесостепная равнина

На востоке, на территории Чжеримского и части Чжоудаского сеймов, простирается обширная Хорчинская (Корчинская) аллювиально-озерная низменность. Сформированная речными системами Ляохэ, Силяохэ и Нонни, эта преимущественно плоская, местами слабоволнистая равнина с высотами 150–300 м была идеальна как для скотоводства, так и для земледелия, а также для прокладки транспортных путей. На северо-западе в нее вдавались пологие юго-восточные отроги Большого Хингана, создавая ландшафт лесостепи.

Центральное степное плато

К западу от Хорчинской равнины рельеф повышается, переходя в ядро Внутренней Монголии — обширное волнистое плато, включающее территории Шилин-Гольского и Улан-Цабского сеймов. Со средними высотами 1000–1500 м над уровнем моря, этот регион представляет собой классический степной и полупустынный ландшафт Центральной Азии. Он пересечен невысокими горными грядами (нуру) и сопками, достигающими 1500–1700 м, которые играли важную роль в распределении осадков и служили естественными рубежами для зимних пастбищ. Широкие и плоские межгорные котловины (тала или газар) создавали идеальные условия для кочевий.

Южный горный барьер. Южную границу центрального плато формируют средневысотные горные хребты Иньшань (до

2000 м), служащие важнейшим климатическим и цивилизационным водоразделом. У их южного подножия, в знаменитой излучине р. Хуанхэ, располагается плодороднейшая аллювиальная низменность Хэтао. Эта равнина с высотами 900–1100 м, пересеченная густой сетью ирригационных каналов, являлась историческим оазисом интенсивного земледелия, известным как «Зернохранилище за Стеной».

Западная пустынная зона

На крайнем западе и юго-западе, на территории Ихэ-Чжуского сейма (Ордоса), степные плато переходят в обширные аридные ландшафты и песчаные массивы пустынь Кубуци и Мао-Усу. Плато Ордос, приподнятое на высоту 1000–1500 м, представляет собой своеобразный «остров», окруженный Хуанхэ. Его поверхность — это полупустынная равнина с массивами полужакрепленных бугристых песков, солончаками и takyровидными понижениями. Эти аридные ландшафты с подвижными песками и крайне скудными водными ресурсами создавали экстремальные условия для любой хозяйственной деятельности.

Климат, гидрография и природные ресурсы

Климат на всей территории резко континентальный, с сильными сезонными и суточными колебаниями температур. Зимы длительные, суровые (с температурами до -30°C и ниже) и малоснежные; лето короткое, но жаркое (до $+35^{\circ}\text{C}$). Ключевым фактором является распределение осадков, которое создает резкий контраст между востоком и западом. На востоке под влиянием летних муссонов выпадает 400–600 мм осадков в год, что делает возможным богарное (неорошаемое) земледелие. К западу количество осадков стремительно падает до 150–300 мм, что делает сельское хозяйство без ирригации невозможным. Частые засухи и сильные весенние ветры, приносящие пыльные бури из пустынь Гоби и Ордоса, создавали чрезвычайно рискованные условия.

Гидрографическая сеть также крайне неоднородна. Восток дренируется полноводными реками бассейна Ляохэ. Цен-

тральная и западная части относятся к бессточным областям Центральной Азии, где постоянные реки практически отсутствуют. Жизнь здесь концентрируется вокруг редких соленых и солоноватых озер (норов). Единственной жизненной артерией запада является р. Хуанхэ (Желтая река), которая, образуя «ордосскую петлю», огибает плато Ордос и служит источником воды для орошения равнины Хэтао.

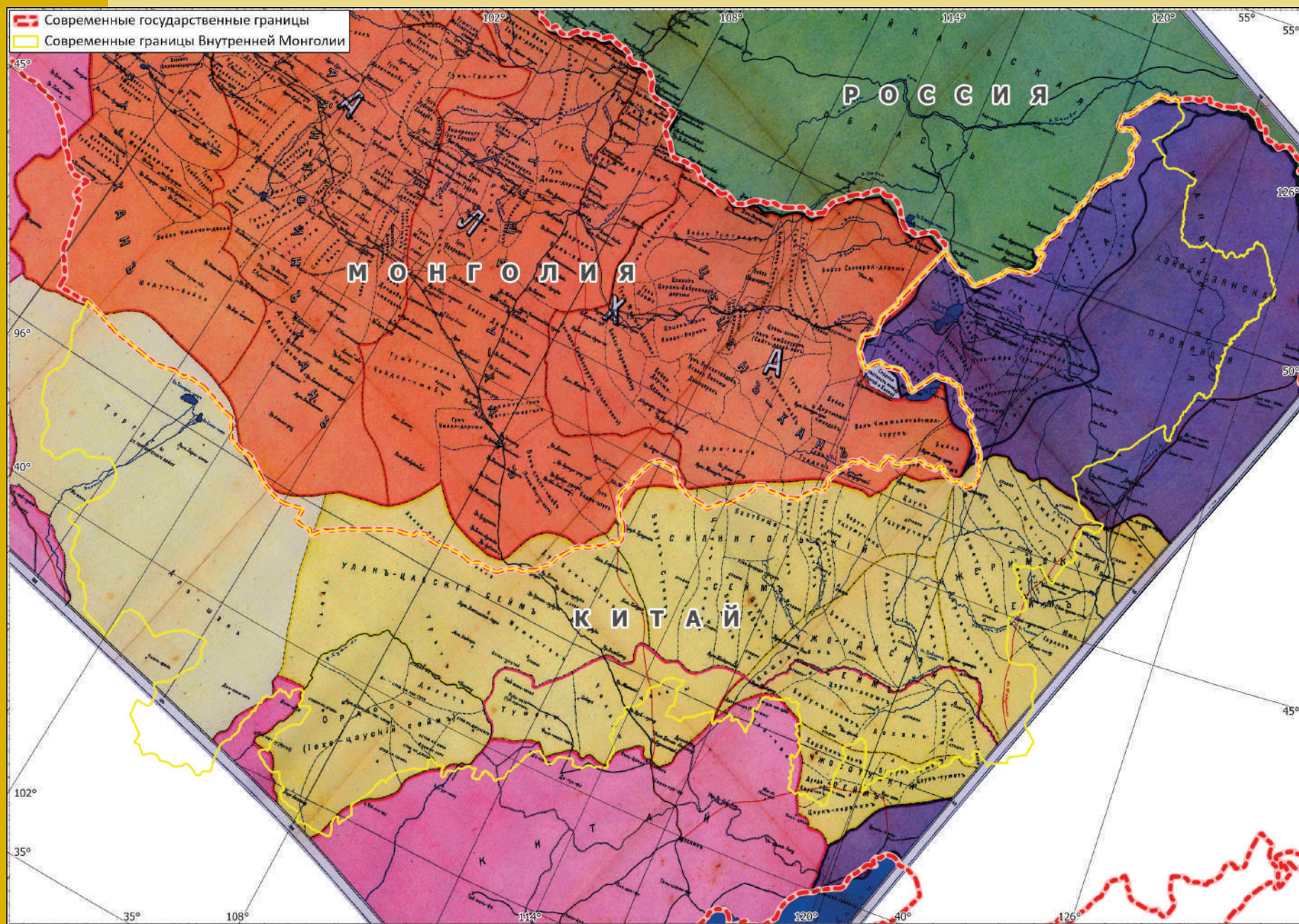
Почвенный покров и природные ресурсы отражают эти контрасты. На востоке преобладают плодородные черноземы и лугово-черноземные почвы, ставшие главным объектом аграрной колонизации. В центре и на юге распространены каштановые и светло-каштановые почвы, идеальные для степных пастбищ, на западе, в Ордосе, — песчаные и пустынные сероземы с обширными участками солонцов и солончаков. Главным природным богатством региона всегда были его обширные пастбищные земли. Из полезных ископаемых в исследуемый период были известны и начинали разрабатываться месторождения каменного угля (в районе Баотоу и Фусина), железной руды (крупнейшее месторождение Баян-Обо, открытое в 1927 г.), а также неисчерпаемые запасы соли и соды из озер.

Экономико-географическая характеристика современной Внутренней Монголии

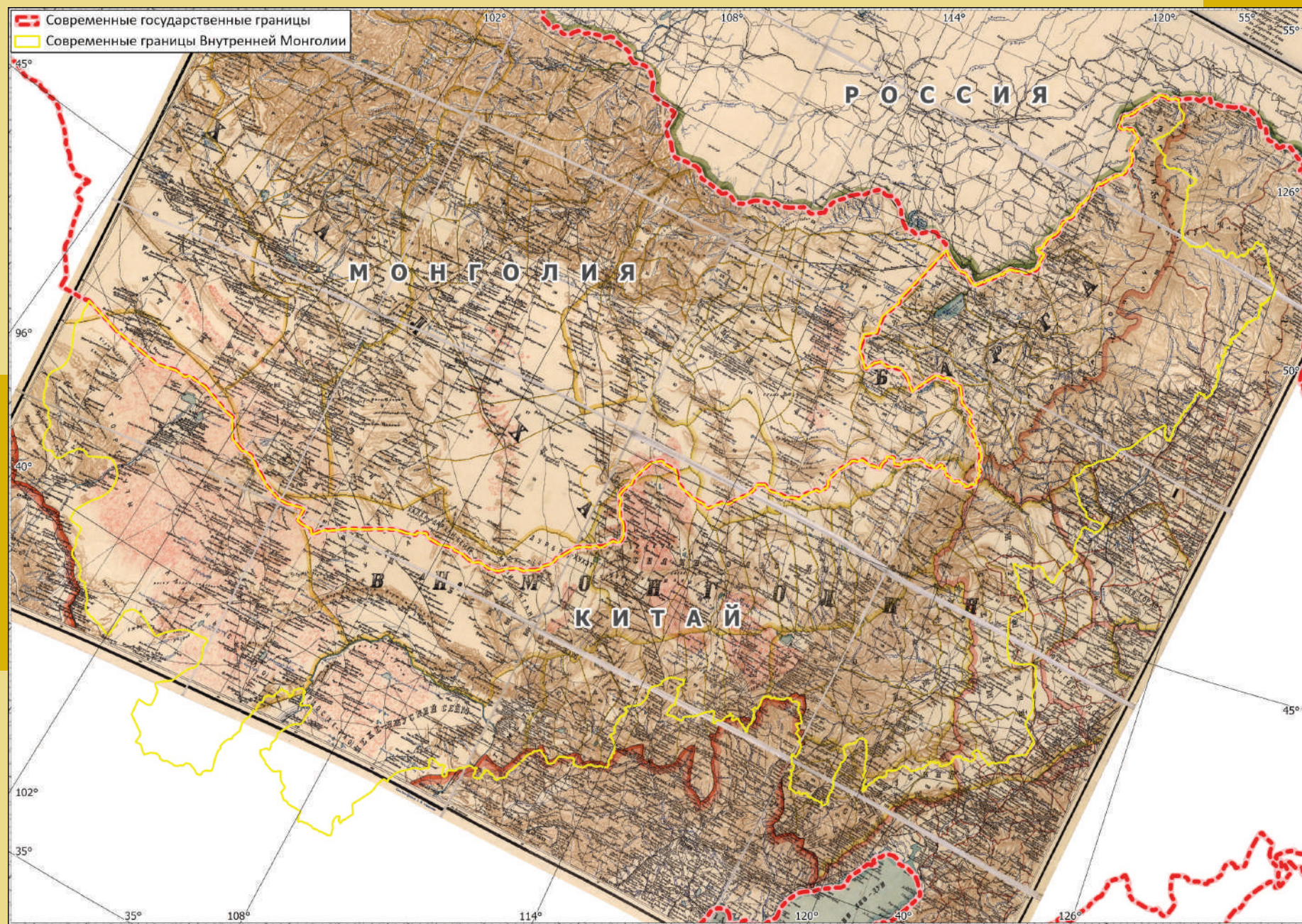
Современная Внутренняя Монголия — это динамично развивающийся регион КНР, чья экономика представляет собой сложный комплекс, где историческое наследие кочевого мира переплетено с мощной индустриальной базой и современным сельским хозяйством. Экономическая география региона, сформировавшаяся в первой половине XX в. под влиянием китайской колонизации и строительства железных дорог, сохраняет свою дуалистическую структуру, но на качественно новом технологическом и экономическом уровне.

Демографический ландшафт и урбанизация

Исторический демографический сдвиг, начавшийся в исследуемый период, сегодня достиг своего апогея. Население

Соотношение современных государственных и региональных границ с данными карты Монголии И.Я. Коростовца

Соотношение современных государственных и региональных границ с данными карты Монголии В.И. Сурина

АРВМ превышает 25 миллионов человек, из которых абсолютное большинство (более 80 %) составляют ханьцы. Монголы, насчитывающие около 6 миллионов человек, являются крупнейшим национальным меньшинством, но составляют лишь около 20 % от общей численности населения. Этот демографический баланс — прямое следствие процессов аграрной миграции, начавшихся более 100 лет назад.

Однако сохранилась и историческая преемственность в расселении. Ханьское население по-прежнему сконцентрировано в южной и восточной частях региона — вдоль излучины Хуанхэ и в бассейне р. Ляохэ. Монгольское же население проживает преимущественно в степных аймаках (Шилин-Гол, Алашань), продолжая заниматься традиционным скотоводством. Ключевым изменением стала урбанизация. Если в первой половине XX в. регион был почти исключительно сельским, то сегодня здесь выросли крупные промышленные центры и мегаполисы, такие как Баотоу (центр металлургии), Ордос (угольная и химическая промышленность) и столица Хух-Хото (административный, культурный и транспортный центр). Эти города, возникшие на месте старых торговых пунктов (Гуйсуй), превратились в локомотивы современной экономики региона.

Экономическая система: от аграрно-сырьевой к индустриальной экономике

Современная экономика Внутренней Монголии диверсифицирована и базируется на четырех основных столпах, каждый из которых имеет глубокие исторические корни.

Промышленность и добыча ресурсов

Промышленность — это ведущая отрасль современной экономики современной экономики, возникшая на базе богатейших минеральных ресурсов. Исторические месторождения, которые в исследуемый период разрабатывались кустарно или были лишь разведаны, сегодня превратились в промышленные гиганты мирового значения. Ордосский угольный бассейн является одним из крупнейших в Китае. На базе железорудного

месторождения Баян-Обо, открытого в 1927 г., вырос металлургический комбинат в Баотоу, один из флагманов китайской индустрии. Внутренняя Монголия также является мировым лидером по добыче редкоземельных металлов. На базе угольных ресурсов создана мощная сеть тепловых электростанций, а степные просторы стали идеальной площадкой для развития ветровой и солнечной энергетики, превратив регион в одну из ключевых энергетических баз страны.

Животноводство

Историческое кочевое скотоводство, оставаясь культурным символом региона, претерпело качественные изменения. Миллионные стада монгольских хошунов стали основой для современного высокопродуктивного животноводства. Экстенсивный кочевой уклад постепенно уступает место современным формам пастбищного и стойлового содержания, с практикой заготовки кормов. Сегодня Внутренняя Монголия — одна из важнейших баз животноводства в Китае, поставляющая на рынок мясо (особенно баранину), молоко (регион — лидер по производству молочных продуктов в КНР) и шерсть (включая знаменитый кашемир).

Земледелие

Аграрная колонизация XX в. заложила основу для мощного аграрного сектора. Исторический оазис Хэтао в излучине Хуанхэ остается одной из важнейших житниц Северного Китая, специализируясь на выращивании пшеницы, кукурузы и подсолнечника. Восточные равнины (район Тунляо), где в начале XX в. начиналась распахка под сою, сегодня являются крупными производителями кукурузы.

Инфраструктура и внешние связи

Исторические железнодорожные магистрали (КВЖД, Пекин-Суйюаньская линия) остаются ключевыми транспортными артериями, но сегодня они интегрированы в общенациональную сеть высокоскоростных железных дорог. Параллельно была создана густая сеть современных автомобильных дорог, связавшая все уголки обширного региона. Города Хух-Хото и

Баотоу стали крупными транспортными узлами с международными аэропортами. Историческая роль региона как «ворот» в Монголию и Россию сегодня реализуется через современные пограничные переходы и торговые зоны (Эрэн-Хото, Маньчжурия), через которые идут значительные потоки товаров. Уникальные природные ландшафты (степи, пустыни, леса) и самобытная культура кочевых народов стали основой для бурно развивающейся туристической отрасли, которая становится все более важной отраслью экономики.

Таким образом, современная экономика Внутренней Монголии демонстрирует впечатляющий пример трансформации, где историческое наследие — от кочевых традиций до первых промышленных разработок начала XX в. — стало фундаментом для создания мощного, диверсифицированного и стратегически важного для всего Китая хозяйственного комплекса.

2.2. Чжеримский сейм

Физико-географическая характеристика

Географическое положение и административная преемственность

Чжеримский сейм, самый восточный из шести сеймов Внутренней Монголии, в исследуемый период занимал стратегически важное положение на стыке монгольского степного ландшафта и маньчжурской лесостепной равнины. Территория сейма стала основной зоной китайской аграрной колонизации начала XX в., что привело к значительным административным трансформациям. Современное административное деление отражает историческую судьбу сейма: его основная территория входит в состав городского округа Тунляо и восточных хошунов городского округа Чифэн Автономного района Внутренняя Монголия. Северные и восточные хошуны, ранее входившие в сейм, сегодня являются частями провинций Хэйлунцзян и Гири́н. Эта административная раздробленность является

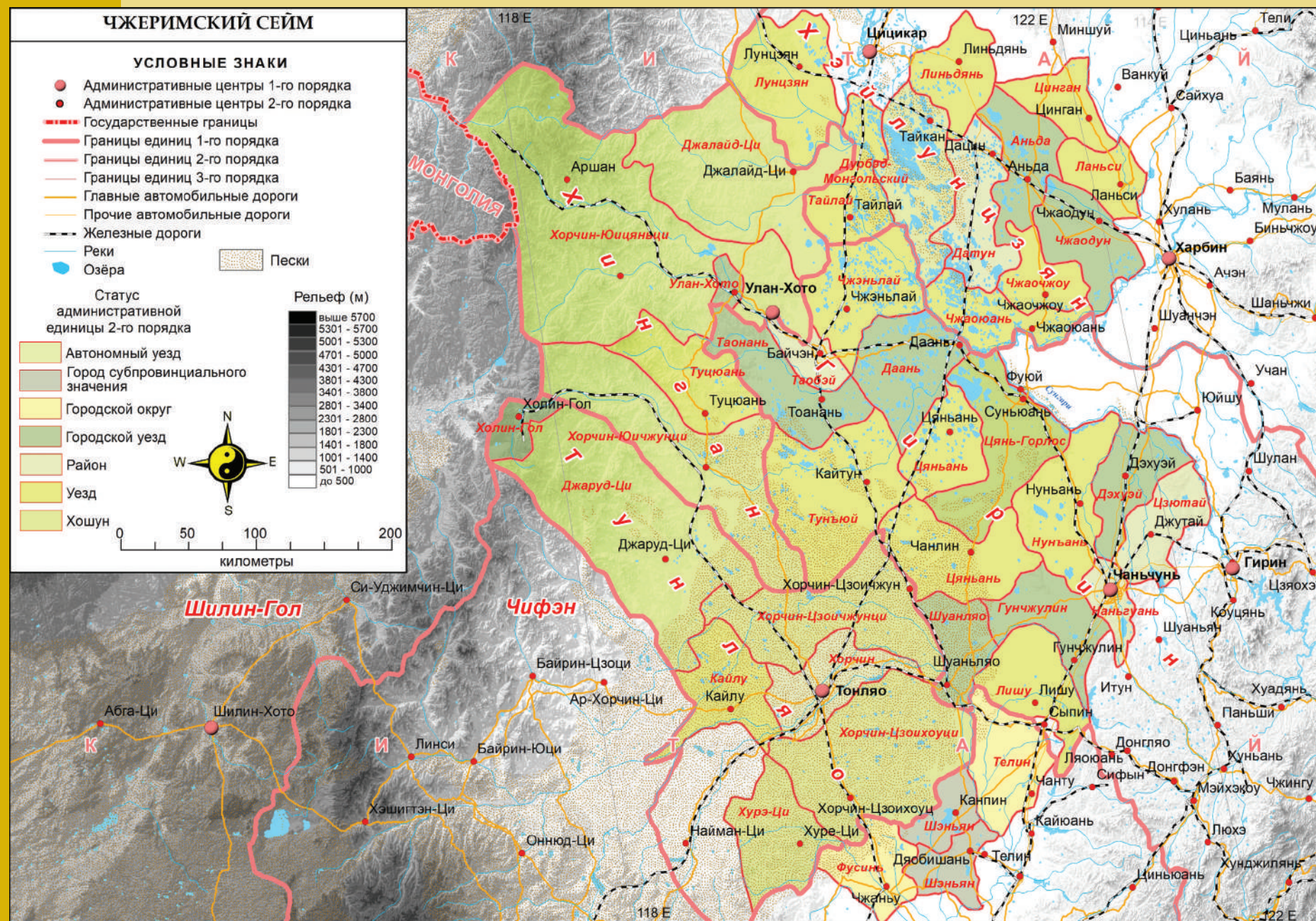
прямым следствием процессов, происходивших в первой половине XX в.

Рельеф и гидрография

Ландшафт региона преимущественно равнинный, что во многом предопределило его хозяйственное освоение. Ядром сейма является Хорчинская (Корчинская) равнина — обширная аллювиально-озерная низменность с высотами 150–300 м. Она сформирована речными системами Ляохэ и ее крупного притока Силяохэ, а также Нонни (Нэньцзян) и Таоэрхэ. Плоский, местами слабоволнистый рельеф, лишенный серьезных естественных преград, создавал благоприятные условия для развития как скотоводства, так и земледелия, а также для прокладки транспортных путей. На северо-западе в территорию сейма вдавались невысокие (500–800 м) и пологие юго-восточные отроги Большого Хингана. Гидрографическая сеть, особенно реки Ляохэ и Нонни, играла ключевую роль, служа основным источником воды для орошения и естественными транспортными артериями, вдоль которых, как показывают отчеты современников, концентрировались основные потоки переселенцев.

Климат, почвы и природные ресурсы

Климат региона резко континентальный, с муссонными чертами на востоке, что выражается в значительных сезонных и суточных колебаниях температур. Лето – короткое и жаркое, зима — длительная, холодная и малоснежная. Неравномерное распределение осадков (от 500–600 мм/год на востоке до 350–450 мм/год в центре и на западе) делало земледелие в западных частях сейма рискованным. Главным природным богатством Чжеримского сейма являлись его почвы. На незасоленных равнинах преобладали черноземы (типичные и выщелоченные) и лугово-черноземные почвы, обладавшие высоким естественным плодородием и ставшие основным объектом аграрной колонизации. Исторически эти земли покрывали разнотравно-злаковые степи (прерии), которые служили основой для кочевого скотоводства.

Современные государственные и региональные границы на территории Чжеримского сейма (по сост. на 1925 г.)

Полезные ископаемые

С точки зрения полезных ископаемых, регион был относительно беден. Источники начала XX в. отмечают лишь незначительные месторождения бурого угля (в районах Фусина и Хуалин), разработка которых носила локальный характер. Также упоминается добыча поваренной соли и соды из соляных озер (например, в хошуне Джаруд) и наличие строительных материалов (песок, глина, известняк). Отсутствие значительных залежей промышленных ресурсов (железной руды, цветных металлов) предопределило исключительно аграрный характер экономической трансформации региона. В то же время интенсивное хозяйственное освоение привело к негативным экологическим последствиям: источники фиксируют процесс антропогенного опустынивания и образование Хорчинских песков — подвижных и полужакрепленных барханов, особенно в западных и центральных хошунах.

■ Экономико-географическая характеристика

Демографический ландшафт и этнический состав

В первой половине XX в. Чжеримский сейм переживал коренную демографическую трансформацию, ставшую ключевым фактором его экономической истории. Если исторически это была территория с доминирующим монгольским (преимущественно хорчинским) населением, то к 1910-м годам, по оценкам современников, монголы составляли уже не более 30–40 % населения, и их доля стремительно сокращалась. Основную массу — до 55–65 % и выше — составляли китайские (ханьские) переселенцы, главным образом из перенаселенных провинций Шаньдун, Хэбэй и Шаньси. Этот процесс, вызванный как стихийной миграцией в поисках свободных земель, так и целенаправленной государственной политикой Китая, привел к формированию смешанного типа расселения. Монгольское население концентрировалось преимущественно в северных и западных, более аридных хошунах, сохраняя элементы традиционного уклада, в то время как китайские новоселы плотно

осваивали плодородные южные и восточные районы в долинах рек, а также становились доминирующей силой в новых городах и торговых пунктах.

Экономическая трансформация: от кочевого скотоводства к товарному земледелию

Хозяйство сейма в этот период характеризовалось радикальным сдвигом от традиционного кочевого скотоводства к оседлому товарному земледелию.

Традиционное хозяйство (скотоводство)

Основой экономики монголов-хорчинов исторически было кочевое и полукочевое скотоводство. Разводили преимущественно лошадей (знаменитая хорчинская порода), крупный рогатый скот, овец и коз. Этот хозяйственный уклад, как отмечают источники, к началу XX в. находился в состоянии упадка. В результате аграрной колонизации лучшие пастбищные угодья отчуждались под распахку, что вело к сокращению кормовой базы и вытеснению монгольских хозяйств на менее продуктивные, маргинальные земли, в частности, в песчаные районы на западе.

Новая экономика (земледелие)

Доминирующей отраслью стремительно становилось богарное земледелие, которое вели китайские переселенцы на плодородных черноземах. Основными товарными культурами, ориентированными на экспорт, стали соя и гаолян (сорго). Также выращивались просо (чумиза), кукуруза, пшеница. Земледелие носило экстенсивный характер и, по свидетельствам современников, приводило к быстрому истощению почв и усилению эрозионных процессов.

Инфраструктура и торговля: артерии нового экономического порядка

Ключевым катализатором экономических изменений в регионе стало развитие новой транспортной инфраструктуры, прежде всего железных дорог.

Транспорт

Традиционный гужевой и речной транспорт сохранял свое значение для локальных перевозок, однако главную роль в экономической интеграции региона в более широкие рынки стали играть железные дороги. Территорию сейма пересекали две стратегически важные магистрали: Китайско-Восточная железная дорога на севере и Южно-Маньчжурская железная дорога в центральной и южной частях.

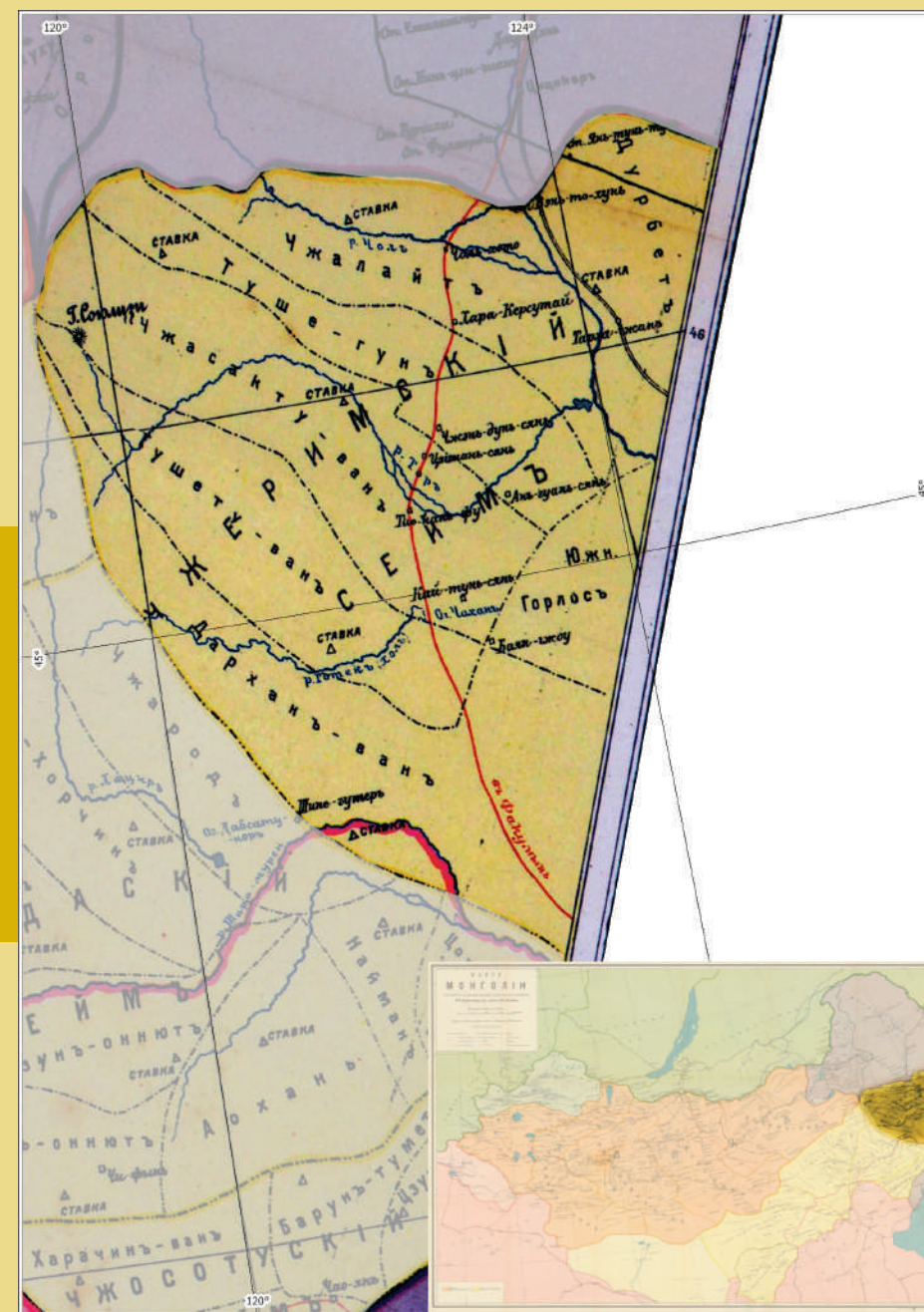
Торговля и внешние связи

Именно железные дороги превратили Чжеримский сейм в важнейший регион по производству экспортной сельскохозяйственной продукции. Основным товаром, как отмечается во всех источниках, была соя (бобы, масло, жмых), которая через порты Дайрен (Дальний) и Инкоу вывозилась в Японию и Европу. Торговля носила ярко выраженный колониальный характер: регион стал сырьевым придатком, экспорт сырья (соя, гаолян, уголь) значительно преобладал над импортом готовых изделий (ткани, керосин, металлоизделия). Экономический контроль над торговыми потоками находился в руках японских (через ЮМЖД и компанию «Мантэцу») и, в меньшей степени, российских (через КВЖД) компаний, а также китайского купечества. Новые экономические центры, такие как Чанчунь, возникли именно как железнодорожные узлы, ставшие главными пунктами скупки и отправки сельскохозяйственной продукции.

Политическая характеристика и история

Чжеримский сейм – один из исчезнувших старинных государственных институтов управления монгольскими землями в имперский и бэйянский период истории Китая, чьи полномочия распространялись на территории монгольских княжеств (хошунов), как на стыке интересов великих держав своего времени – империи Цин, России и Японии, так и на стыке современных административно-территориальных единиц Северо-Востока КНР.

Его уникальность в том, что он – единственный из всех сеймов Внутренней Монголии, который после реформ 1914 и

Чжеримский сейм на карте Монголии И.Я. Коростовца

1928 гг. не был целиком отнесен ни к одной китайской провинции, «распределив» подчиненные ему хошуны между Хэйлунцзяном, Гирином/Цзилинем и Фэнтянем/Ляонином.

Сейм состоял из 4 аймаков и 10 хошунов:

1. Хорчинский аймак на востоке граничил с Чжалайтом, на западе – с Чжародским аймаком Чжоудаского сейма, на севере едва не соприкасался с Баргой, простираясь до южных границ обитания солонов, а на юге к нему примыкала Ивовая изгородь – исторический рубеж, отделявший монгольские земли от исконно маньчжурских. Эти земли еще со времен империй/династий Цинь и Хань составляли северную часть провинции Ляодун, но при поздней Хань сюда проникают племена Фуюй и Синби. В период Северных и Южных династий (419/420—580/581) и империй/династий Суй (581—619) и Тан (620—901) территория отходит к Киданям и Мохэ, а при образовании государства Ляо (916—1125) она составляла восточные пределы провинции Шан-цзин и северные провинции Дун-цзин. После разгрома Киданей и образования чжурчжэньской империи Цзинь (1115—1234) здесь образуются провинции Шан-цзин, Бай-цзин и Сянь-нин-фу, а в эпоху империи/династии Юань территория образует северную часть провинции Кай-юань. С образованием Маньчжурской империи на этих землях был учрежден пограничный военный округ Фу-юй. Войдя в состав империи Цин, Хорчинский аймак был разделен на 6 хошунов / знамен (с номерами на карте В.И. Сурина):

1.1. Хорчинский правого крыла средний хошун (Тушету-вана), у Матусовского – Хорчинский хошун цзасака, хошой тушету цинь вана, у Попова – Среднее знамя правого Корцинского крыла, у Коростовца – Тушету Ван, у Сурина Тушету-ван (№ 131). Верховенство маньчжуров дзасак признал в 1627 г., за что его сыну было позволено жениться на внучке императора Нурхацы, после чего тот был возведен в достоинство императорского зятя 2 степени с титулом хана. Его сын в 1636 г. за особые заслуги был возведен в потомственные князья 1 степени,

однако утратил титул хана. В составе хошуна находились 22 сомона/эскадрона/роты.

1.2. Хорчинский левого крыла средний хошун (Дархан-вана), у Матусовского – Хорчинский хошун цзасака, хошой дархан цинь вана, у Попова – Среднее знамя левого Корцинского крыла, у Коростовца – Дархан Ван, у Сурина – Дархан-ван (№ 130). С установлением власти маньчжуров дзасак Мангуси выдал за императора Тай-цзуна свою дочь, вошедшую в историю как императрица Сяо-дуань-вэнь (1599–1649). Один из его внуков в 1628 г. за героизм в войне с Лигдэн-ханом был награжден титулом «батур» и возведен в достоинство князя 1 степени, однако его потомки такой привилегии не получили и в 1665 г. императором Канси титула «батур» дзасак был лишен. В составе хошуна находились 46 сомонов/эскадронов/рот.

1.3. Хорчинский правого крыла передний хошун (Чжосокту/Чжасайту-вана), у Матусовского – Хорчинский хошун цзасака туруйн-цзасакту-хэ-цзюнь-ван, у Попова – Переднее знамя правого Корцинского крыла, у Коростовца – Чжасакту Ван, у Сурина – Чжасакту-ван (№ 132). Земля этого знамени издревле принадлежала племенам Мохэ. В период империи Цзинь здесь образуется округ Чжао-чжоу, преобразованный позднее в область Хутунь-фу, а при империи/династии Юань область преобразуется в удел Ляо-ван-ноина. Верховенство маньчжуров дзасак признал в 1626 г., явившись ко двору императора вместе со своим братом, за что получил титул «дурэнь», а в 1636 г. награжден. потомственным титулом цзюнь-вана. В составе хошуна находились 16 сомонов/эскадронов/рот.

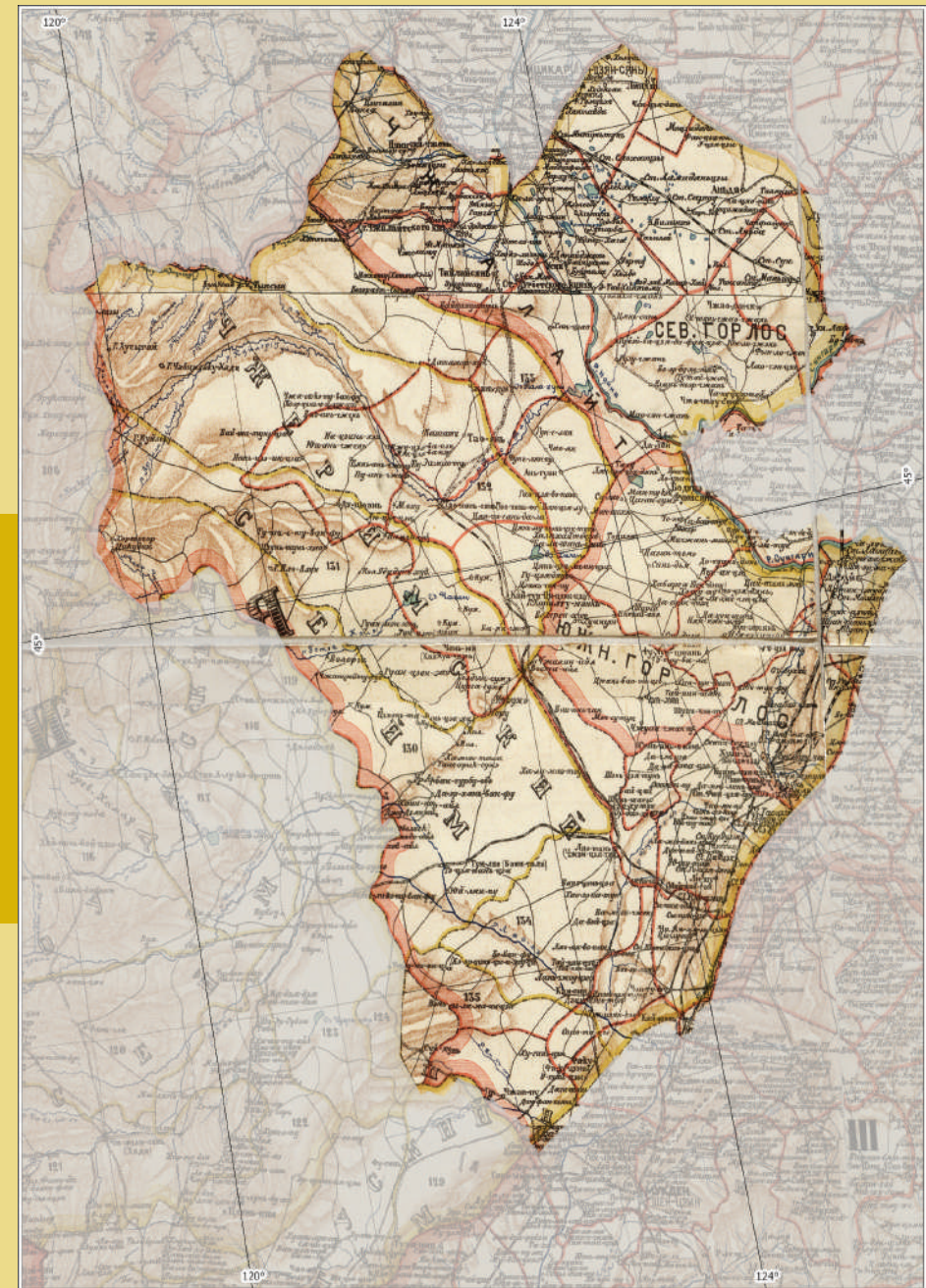
1.4. Хорчинский левого крыла передний хошун (Бинту-вана), у Матусовского – Хорчинский хошун цзасака туруйн-бин-ту-хэ-цзюнь-вана, у Попова – Переднее (западное) знамя Корцинского левого крыла, у Коростовца отсутствует (территория хошуна отнесена к владениям

Дархан-ван, у Сурина – Бинту-ван (№ 135). Власть маньчжуров здесь была установлена в 1636 г., когда дзасак был удостоен титула цзюнь-вана. В составе хошуна находились 3 сомона/эскадрона/роты.

1.5. Хорчинский левого крыла тыльный хошун (Бо-вана), у Матусовского – «Хорчинский хошун цзасака, туруйнь хэ цзюнь вана, прежде состоявшего в звании Туруйнь бэйлэ», у Попова – Заднее (восточное) знамя Корцинского левого крыла, у Коростовца отсутствует (территория хошуна отнесена к владениям Дархан-ван, у Сурина – Бо-ван (№ 134). Контакты с Маньчжурской империей начались в 1617 г., когда дзасак отправил ко двору императора Нурхацы 10 верблюдов и по 100 лошадей и коров. Следующий дзасак в 1636 г. был возведен в достоинство гуна и умер в 1643 г. Его преемник в 1648 г. за совершенные им военные подвиги был возведен в достоинство бэйлэ, а его сын в 1650 г. за заслуги деда был награжден наследственным титулом цзюнь-вана. В составе хошуна находились 3 сомона/эскадрона/роты.

1.6. Хорчинский правого крыла тыльный хошун (Туше-гуна/Шэ-гуна/Сэ-гуна), у Матусовского – Хорчинский хошун цзасака улусун-тушэ-гуна, у Попова – Заднее (восточное) знамя Корцинского правого крыла, у Коростовца – Тушегун, у Сурина – Туше-гун (№ 133). Маньчжуры в 1626 г. наградили дзасака, прибывшего ко двору императора, титулом «дархан», а наследовавший ему в 1632 г. дзасак спустя 4 года был возведен в достоинство гуна. В составе хошуна находились 16 сомонов/эскадронов/рот.

2. Чжалайтский аймак граничил на востоке с Дурбетом, на юге и западе – с Горлосом, а на севере – с Хэйлунцзянским воеводством и также заходил на места обитания солонов. У Иакинфа, Коростовца и Сурина (без номера) – Чжалайт, у Матусовского – Чжалайтский хошун цзасака Туруйнь-бэйлэ, у Попова – Чжалайтский аймак. Входя поочередно в состав империи Ляо

Чжеримский сейм на карте Монголии В.И. Сурина

в качестве округа Чан-чунь-чжоу, империи Цзинь – в качестве северных пределов округа Тай-чжоу, империи Юань – в качестве удела князя Ляоского, империи Мин – как часть Хорчинского аймака, эта земля передавалась в роде Хабуту-хасара в течение 15 поколений до Бодидара включительно, чьи сыновья и дали аймаку его историческое название, а один из внуков в 1624 г. принял маньчжурское подданство. В 1732 г. за заслуги в войне с Галдан-Цэрэном у Эрдэни-чжао дзасак был возведен в достоинство бэйлэ. В состав аймака входил 1 хошун, разделенный на 10 сомонов/эскадронов/рот.

3. Дурбетский аймак на востоке граничил с Хэйлунцзянским воеводством, на западе с Чжалайтом, на юге с Горлосом и на севере заходил на места обитания сомонов. У Иакинфа и Коростовца – Дурбет, у Матусовского – Дурбетский хошун цзасака хошунай-бэйсэ, у Попова – Дурбетский аймак, у Сурина отсутствует (территория отнесена к Северному Горлосу). При империи Ляо здесь был образован округ Чан-чунь, в империи Цзинь эти земли составляли северные пределы округа Тай-чжоу, в империи Юаньской – удел князя Ляо, в империи Мин – часть Хорчинского аймака и передавались в роде Хабуту-хасара в течение 16 поколений до Айнага включительно, который дал подвластному ему роду название Дурбет, и чей сын в 1624 г. принял маньчжурское подданство, спустя 5 лет участвовал в походе против империи Мин и умер по возвращении домой. Его сын в 1636 г. был возведен в достоинство гуна, в 1643 г. за участие в походе против хэйлунцзянских племен был награжден достоинством «бэйсэ». В составе аймака был 1 хошун, разделенный на 25 сомонов/эскадронов/рот.

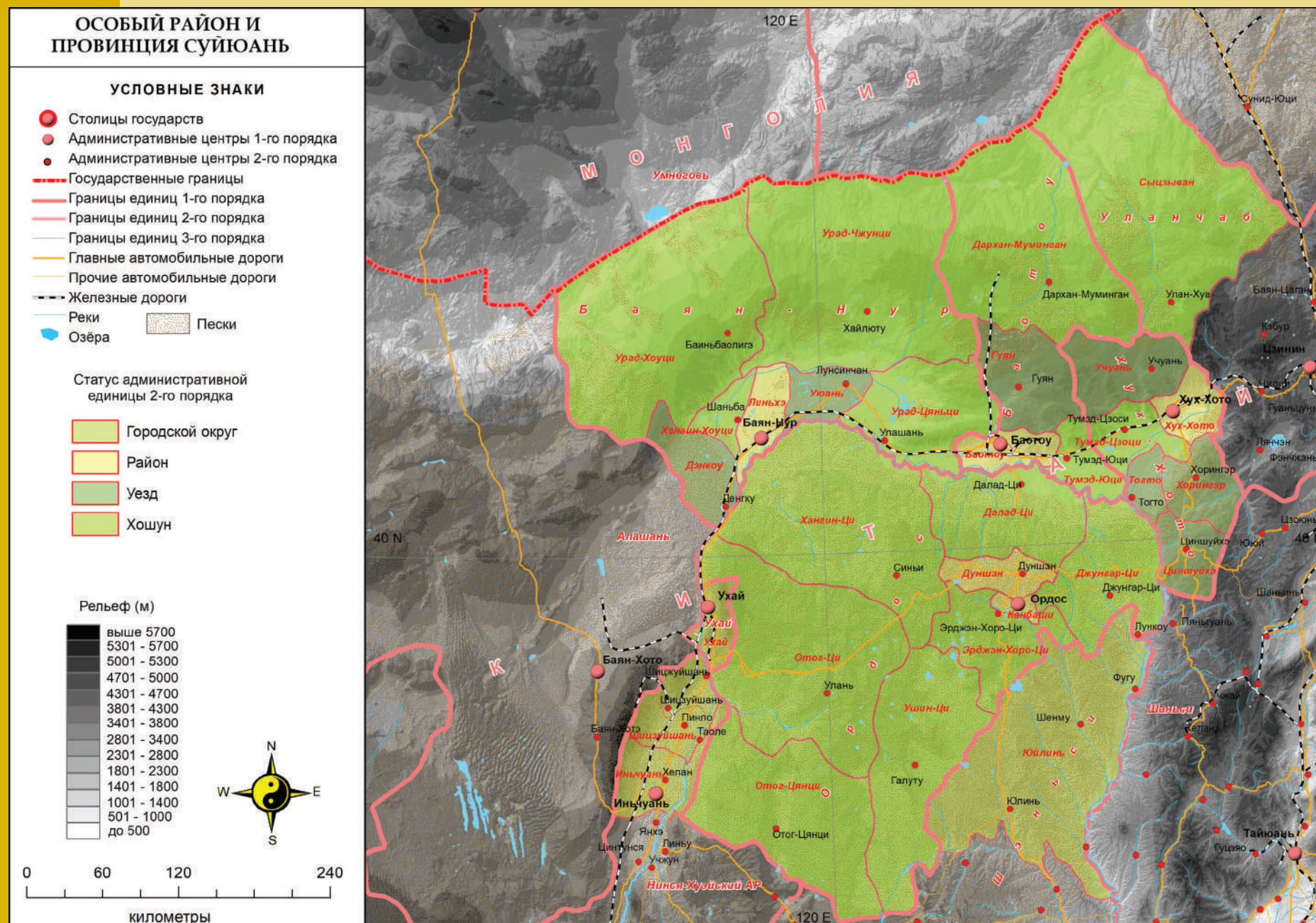
4. Горлосский аймак на востоке граничил с округом Юн-цзи, на западе и севере – с хэйлунцзянскими землями, а на юге к нему примыкала Ивовая изгородь. В империи Ляо здесь был учрежден военный округ Тай-чжоу Чжан-дэ-цзюнь, подчиненный провинции Шан-цзин, а с образованием империи Цзинь он сначала был упразднен, а его территория была передана сначала в уезд Чан-чунь, а затем – в уезд Цинь-инь. В империи Юань эти земли составляли удел князя Ляо, а в империи Мин вошли

в состав Хорчинского аймака. Также, как и в других аймаках, здесь на протяжении 16 поколений правили потомки Хабуту-хасара, а сам он был разделен на 2 хошуна:

4.1. У Иакинфа упоминание отсутствует, у Матусовского – Хорлосский хошун цзасака, тушегуна, у Попова – Переднее (южное) знамя Горлосов, у Сурина – **Южный Горлос** (без номера). Подданство Маньчжурской империи было принято в 1625 г., а в 1648 г. за военные заслуги дзасак был возведен в достоинство гуна. В составе хошуна были 23 сомона/эскадрона/роты.

4.2. У Иакинфа упоминание отсутствует, у Матусовского – Хорлосский хошун цзасака, тайчжия 1-й степени, у Попова – Заднее (северное) знамя Горлосов, у Сурина – **Северный Горлос** (без номера). Маньчжурское подданство принято в 1633 г., а в 1636 г. за военные походы в сражениях с империей Мин дзасак был возведен в достоинство гуна. В составе хошуна были 34 сомона/эскадрона/роты.

Чжериму не удалось без территориальных и статусных потерь пережить бурную середину XX в.: китайская колонизация, фактическое разделение хошунов между тремя провинциями (Фэнтянь/Ляонин, Цилинь/Гирин и Хэйлунцзян), революционные события и последовавшая за этим борьба военных во главе с лидерами Фэнтяньской клики, вторжение японцев и образование Маньчжоу-Го не способствовали единству этого устаревшего имперского института, его территория сокращалась, а хошуны исчезали. Послевоенные события и передача ряда земель на уездном уровне между провинциями окончательно ликвидировали сейм, в итоге из его общей площади 370172 км² наибольшая часть вошла в провинцию Гирин – 62841 км², территория площадью 42462 км² – в аймак Хинган, территория площадью 35945 км² – в провинцию Хэйлунцзянь, территория площадью 32815 км² – в городской округ Тунляо и территория площадью 9592 км² – в провинцию Ляонин, а также незначительные территории вошли в аймак Шилин-Гол и городской округ Хулун-Буир.

Современные государственные и региональные границы
на территории особого района Суйюань (по сост. на 1925 г.)

2.3. Особый район и провинция Суйюань

Физико-географическая характеристика

Географическое положение и стратегическая роль

Особый район Суйюань, учрежденный в 1914 г. и преобразованный в 1928 г. в одноименную провинцию, представлял собой обширную и стратегически ключевую территорию на юго-западной окраине Внутренней Монголии. Он был сформирован путем административного объединения трех исторически и географически разнородных монгольских земель: Улан-Цабского сейма на севере, Ихэ-Чжуского сейма (Ордоса) на юго-западе и Тумэтского аймака в центре. Эта новая административная единица, простиравшаяся приблизительно между 39–43° с.ш. и 107–112° в.д., располагалась на стыке монгольских степей, лёссовых нагорий Северного Китая и аридных пустынных областей. Такое пограничное положение определяло его важнейшую роль в качестве связующего звена и одновременно буферной зоны между Внутренним Китаем, остальной Внутренней Монголией и (после 1924 г.) Монгольской Народной Республикой. Его южной границей служила Великая Китайская стена, отделявшая его от провинций Шаньси и Шэньси. Административным центром провинции стал исторический город Гуйсуй (Гуйхуачэн, совр. Хух-Хото), являвшийся давним центром китайской торговли в регионе.

Ландшафт: регион выраженных географических контрастов

Территория Суйюаня характеризовалась ярко выраженной географической зональностью и резкими ландшафтными контрастами, что обусловило глубокую внутреннюю экономическую и культурную неоднородность провинции. В ее границах можно выделить три основные макрорельефные зоны.

Южный горный барьер и плодородный оазис

Южную и центральную часть провинции пересекают средневысотные горные хребты Иньшань (до 2000 м), служащие

естественной границей с Китаем и важнейшим климатическим водоразделом. У южного подножия этих гор, в долине, образованной излучиной р. Хуанхэ, располагается обширная аллювиальная низменность Хэтао. Эта равнина, с высотами 900–1100 м, пересеченная древними руслами и густой сетью ирригационных каналов, являлась наиболее плодородным и экономически значимым районом всей провинции. Именно здесь были сосредоточены основные очаги оседлого земледелия и китайской колонизации.

Центральное и северное степное плато

К северу от гор Иньшань и к востоку от излучины Хуанхэ ландшафт переходит в волнистое, местами холмистое плато Уланчаб и северную часть плато Ордос с высотами 1100–1400 м. Эти территории представляют собой классические монгольские сухие степи и полупустыни, которые исторически служили основной зоной для экстенсивного кочевого скотоводства.

Западная пустынная зона

На крайнем западе и юго-западе провинции степные плато постепенно переходят в обширные песчаные массивы пустынь Кубуци и Мао-Усу. Эти аридные ландшафты с подвижными и полужакрепленными песками создавали экстремальные условия для любой хозяйственной деятельности, оставаясь почти незаселенными.

Климат, гидрография и природные ресурсы

Климат на всей территории провинции был резко континентальным, аридным и семиаридным, с сильными сезонными и суточными колебаниями температур. Зима длительная, суровая (–15 °С, до –30 °С и ниже) и малоснежная; лето короткое, но жаркое (+25 °С, до +35 °С). Количество осадков было крайне неравномерным и скудным, уменьшаясь с юго-востока на северо-запад: от 300–400 мм в горах Иньшань до менее 150 мм в пустынных районах. Частые засухи, а также сильные весенние и осенние ветры, приносящие пыльные бури из пустынь Гоби и

Ордоса, создавали крайне рискованные условия для сельского хозяйства.

Ключевой и практически единственной водной артерией всей провинции была р. Хуанхэ (Желтая река). Образуя свою знаменитую «ордосскую петлю», она огибала плато Ордос и служила жизненно важным источником воды для орошения равнины Хэтао. Внутренние реки практически отсутствовали, а немногочисленные соленые и солоноватые озера (норы) на плато Ордос имели в основном сезонный характер. Почвы региона также были контрастны: от плодородных, но подверженных засолению аллювиальных луговых почв в Хэтао до бедных гумусом светло-каштановых и пустынных сероземов на плато Ордос. Природные ресурсы провинции включали значительные, хотя и слабо разработанные в тот период, месторождения каменного угля (в районе Баотоу и Датун), железной руды (крупнейшее месторождение Баян-Обо было открыто в 1927 г.), а также соли и соды из озер Ордоса. Таким образом, географические условия Суйюаня создавали резкое разделение провинции на две части: небольшой, но экономически ключевой и густонаселенный земледельческий оазис Хэтао на юге и обширные, но малонаселенные и экономически экстенсивные степные и пустынные территории на севере и западе, что и предопределило неравномерный характер ее исторического и экономического развития.

Экономико-географическая характеристика

Демографический ландшафт и этнический состав

В первой половине XX в. провинция Суйюань представляла собой регион с крайне неравномерным расселением и сложным этническим составом, что напрямую отражало его географические контрасты и историческую роль как зоны контакта. Общая численность населения в начале века оценивалась примерно в 2–2,5 миллиона человек. Китайское (ханьское) население составляло подавляющее большинство (более 80 %) и было сконцентрировано почти исключительно

в южной, наиболее плодородной части провинции. Основная масса проживала в орошаемой равнине Хэтао («Зернохранилище за Стеной»), а также в административных и торговых центрах, таких как Гуйсуй (Хух-Хото), Баотоу и Дэнкау. Это были как потомки более ранних переселенцев, так и недавние мигранты из перенаселенных провинций Шаньси, Шэньси и Хэбэя, занимавшиеся интенсивным земледелием, торговлей и ремеслами.

Монгольское население (около 15–20 %) было коренным и проживало преимущественно в северных и западных степных и пустынных районах, соответствующих территориям Улан-Цабского и Ихэ-Чжуского (Ордос) сеймов. Монголы были организованы в традиционные хошуны и вели кочевой и полукочевой образ жизни, сохраняя свой язык и социальную структуру, но испытывая сильное экономическое давление со стороны наступающей аграрной колонизации.

Другие этнические группы были представлены значительными общинами хуэйцзу (дунган) в городах, активно участвовавших в караванной торговле, ремеслах и извозе, а также небольшими анклавами маньчжуров — потомков цинских гарнизонов. Эта резкая демографическая и хозяйственная сегрегация — плотно заселенный земледельческий юг и редконаселенный кочевой север — была главной социально-экономической характеристикой провинции.

Экономическая система: два уклада на одной территории

Экономика Суйюаня была построена на сосуществовании и конкуренции двух принципиально разных хозяйственных систем, соответствовавших географическому и этническому разделению региона.

Оседлое земледелие

Этот уклад доминировал в равнине Хэтао и южных оазисах. Основой его было интенсивное орошаемое земледелие, базировавшееся на древней ирригационной системе каналов от р. Хуанхэ. Основными культурами были пшеница (яровая),

гаолян (сорго), просо, кукуруза, а также товарные культуры, такие как бобы, конопля, подсолнечник и, до запретов, опиный мак. Урожайность здесь была значительно выше, чем в других районах Внутренней Монголии, но сильно зависела от состояния ирригационной системы и рисков засух.

Кочевое скотоводство

Этот традиционный уклад был основным занятием монгольского населения в степных и пустынных районах Ордоса и Уланчаба. Он носил экстенсивный, пастбищный характер. Разводили преимущественно овец (основное поголовье), коз (включая кашемировых), лошадей и верблюдов (основной транспорт в пустынях). Производили мясо, шерсть, козий пух, кожи, войлок и молочные продукты (кумыс, сыр). Это хозяйство было полностью зависимо от природных условий и подвержено периодическим кризисам.

Инфраструктура, торговля и промышленность

Экономическая интеграция и развитие провинции в значительной степени определялись состоянием ее транспортной инфраструктуры.

Транспорт и торговля

Исторически основу транспортной системы составляли караванные пути, обеспечивавшие сообщение с Внутренним Китаем, Внешней Монголией и Синьцзяном. Ключевые маршруты шли от Гуйсуя и Баотоу на север в Ургу и на запад в Нинся. Главным тягловым животным в пустынях был верблюд. Революционным изменением стало строительство железной дороги Пекин–Суйюань, доведенной до Гуйсуя в 1921 г. и до Баотоу в 1923 г. Эта линия стала экономическим и стратегическим стержнем провинции, резко усилив ее связь с Северным Китаем и превратив Баотоу в важнейший транспортный узел. Торговля имела жизненно важное значение. Экспортировались продукты скотоводства (скот, шерсть, кожи, пух), соль, сода и излишки зерна из Хэтао. Импортировались чай, ткани, промышленные товары, предметы роскоши.

Промышленность и ремесло

До 1920-х годов промышленность находилась в зачаточном состоянии и носила преимущественно кустарно-ремесленный характер. Она была представлена мукомольными, маслобойными, винокурными, кожевенными и войлочными мастерскими. Добывающая промышленность сводилась к кустарной добыче угля, соли и соды для местных нужд. Начало промышленного развития связано с постройкой железной дороги и появлением в Гуйсue и Баотоу первых механических мастерских и чугунолитейных заводов. Открытие в 1927 г. богатейшего железорудного месторождения Баян-Обо и начало его разведки в 1930-х годах заложило основу для будущего превращения этого региона в крупный индустриальный центр.

Политическая характеристика и история

Суйюань, сначала в качестве особого района в составе Китайской Республики (1914 г.), а затем и провинции (1928 г.), свое наименование получает по названию высшего должностного лица, представлявшего цинское правительство во Внутренней Монголии начиная с 1735 г. – Суйюань-чэн-цзянцзюнь (суйюаньский городской генерал). В его полномочия входил контроль над дзасаками и особым округом Тумэт.

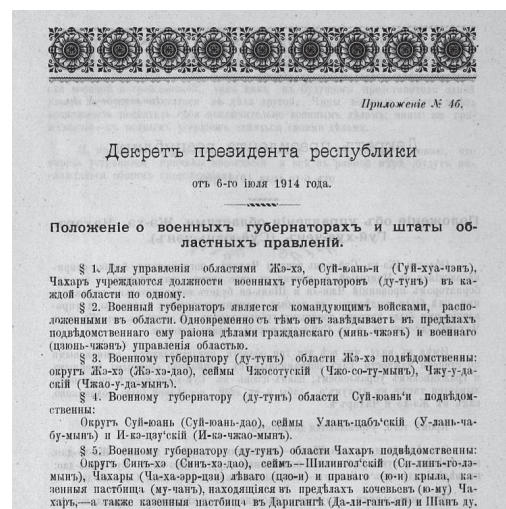
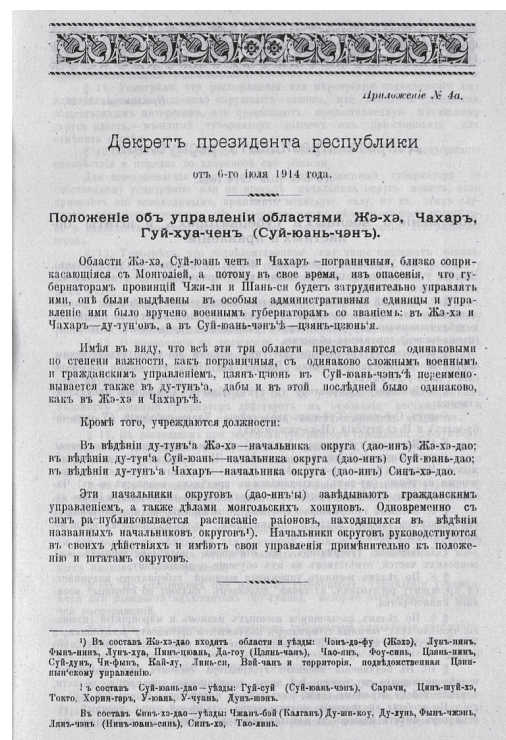
Однако прежде, чем описать властные институты, следует разобраться в том, откуда и почему на пространстве Внутренней Монголии в первой трети XX в. образуются особые районы. Административно-территориальные единицы с особым статусом для имперского Китая не были новым явлением – военная или политическая необходимость диктовали имперским властям быть гибкими в управлении периферией, что со временем сформировало уникальный опыт, используемый ныне и властями Нового Китая. В отношении обширного пространства маньчжуро-монгольского мира начала – трети XX в. фактор особого статуса и иных, нежели в рядовых китайских провинциях, принципов и органов управления был продиктован как внешними факторами (например, активизировавшееся японское и российское присутствие в регионе), так и внутренней полити-

Декрет президента Китайской республики об управлении особыми районами Жэхэ, Чахар, и Суйюань (М.А. Полумордвинов, 1915 г.)

кой (например, необходимостью расширения пространства для ханьцев – выходцев из внутреннего Китая).

В итоге 6 июля 1914 г. был опубликован декрет президента Китайской Республики об образовании на территории Внутренней Монголии особых районов Чахар, Суйюань и Жэхэ, именуемых в совокупности как Сянь-та-бэ-цзюй-юй, или территория Трех особых районов, а также Ситаоской Монголии/Алашани, позднее преобразованная в Нинся. Этим же декретом аймаки Чжеримского сейма включались в состав провинций Хэйлунцзян, Фэнтянь/Ляонин и Гирин/Цзилинь. Таким образом в обиходе Внутренней Монголией стали именовать территорию Чахара, Суйюани и Жэхэ.

Декрет президента Китайской республики о военных губернаторах и штатах областных правлений (М.А. Полумордвинов, 1915 г.)

Однако этими районами круг административно-территориальных единиц с особым статусом в составе республиканского Китая не исчерпывался. Так, на юго-западе страны в качестве такового создавался особый административный район Чуаньбянь, преобразованный в 1939 г. в провинцию Сикан (ныне – Сычуань). На востоке после перехода под китайскую юрисдикцию в 1920 г. Полосы отчуждения КВЖД на ее основе создается Особый район трех восточных провинций (ОРВП), аналогичная структура возникает и зоне ЮМЖД, контролируемой по условиям Портсмутского мира 1905 г. японцами. В качестве особого административного района с 1930 г. выступал и Вэйхайвэй, расположенный в самой восточной точке полуострова Шаньдун. Вслед за упразднением экстерриториальности и удалением западных держав из экономики прибрежных территорий создание особого административного района должно было обеспечить плавную интеграцию ее в «тело» континентального Китая. Таким образом, новый статус этих территорий отличался центральным подчинением столичным властям и непосредственно президенту Республики, особым режимом правового регулирования и правоприменения, относительно небольшой территорией, требующей более пристального внимания со стороны руководства страны, переходным характером функционирования, особыми нормами регулирования военных, финансовых вопросов и некоторыми другими признаками.

Возвращаясь к Внутренней Монголии, подчеркнем, что особые районы теперь входили в состав той или иной китайской провинции и делились на китайскую и монгольскую части.

Китайская часть представляла собой округ – дао во главе с даоинем: Гуйсуй-дао – в составе особого района Суюань, Синхо-дао – в составе особого района Чахар, и Жэхэ-дао – в составе особого района Жэхэ. Во главе каждого из особых районов находился датун, назначаемый президентом и ведающий военными и гражданскими вопросами, тогда как во главе Ситао (Нинся) стоял военный чиновник, назначаемый губернатором Ганьсу. Исполнительным органом было Окружное управление (Дао-инь-гун-шу). Округ (китайская часть) делился на уезды,

управляемые уездными управами, некоторые из них существовали задолго до Синьхайской революции 1911–1912 гг. и теперь присоединялись к новым административно-территориальным образованиям, будучи выделенными из провинций Чжили (для Чахара) и Шаньси (для Суйюани), а часть образована на отчужденных монгольских землях. Кроме уездов имелись так называемые переселенческие округа, управляемые Переселенческими управлениями (Чжао-кэньб-шэ-чжи-цзюй), и после достижения достаточной численности китайского населения они преобразовывались в уезды.

Монгольская часть сохраняла древнее хошунно-аймачное деление и управление.

Среди монгольских территорий первым особым районом стал Коубэй-дао – территория к северу от Великой стены, охватывающая северную часть современной провинции Хэбэй с центром г. Калган (Чжанцзякоу). Значимость этой территории определялась той ролью, которую играл Калган, располагающийся на важном тракте из столицы на север, в Халху и Россию. После успешного Северного похода Национально-революционной армии во главе с Чан Кайши (1926–1928 гг.) округ был упразднен, его территория включена в состав провинции Чахар, а столица перенесена в Чжанцзякоу/Калган. Позднее территория Коубэй-дао стала ядром государствовообразного образования Чанань (Южный Чахар), созданного японской стороной и существовавшего в 1937–1939 гг. в качестве полусамостоятельной политики и субъекта конфедерации центральных районов Внутренней Монголии.

Вторым особым районом оказывается Суйюань (Суйюань-та-бэ-цуй-юй). В его состав входили монгольская часть, включавшая 2 сейма, Улан-Цаб (раздел 2.4) и Их-Чжу (раздел 2.5), аймак Тумэт (раздел 2.8), города Гуйсуй и Баотоу, а также китайская часть, включавшая округ Гуйсуй-дао. В состав Гуйсуй-дао входили 7 уездов (сянь): Гуйсуйский, Сарацинский, Циншуйхэский, Токтоский, Холингорский, Уюаньский, Учюаньский уезды, а также Дуншэнский и Гуянский переселенческие округа.

На первоначальном этапе административно-территориальной реформы из состава Гуйсуй-дао в пользу другого особого района, Чахара, выделяются уезды Синхэ Фэнчжэн, Лянчэн, Таолинь, однако в 1928 г. они возвращаются под управление суйюаньских властей в обмен на один из его приграничных уездов.

Административным центром округа в 1914 г. стал старинный город Хух-Хото, который при маньчжурах получил название Гуйсуй, а при японцах вернул древнее название.

Во главе особого района изначально находился генерал-губернатор – цзянцзюнь, позднее переведенный в статус дутуна – губернатора, наделенного военными и гражданскими полномочиями и назначаемого президентом республики.

Карта Внутренней Монголии из работы А.В. Маракуева (1927 г.)

Суйюань испытает на себе все тягости внутренних смут и японского присутствия – в конце 1920 – начале 1930-х гг. здесь успели побыть губернаторами известные военные и политические деятели Чжан Цзолин и Фу Цзои, в 1936–1937 гг. провинция перешла под японский контроль и стала частью таких политий, как Монгол-Го и Мэнцзян. Ее статус в качестве провинции был восстановлен в 1945 г., а Хух-Хото снова переименован в Гуйсуй. Суйюань оказалась фактически последней провинцией, где прекратилась власть Гоминьдана зимой – весной 1949 г., а уже в сентябре того же года провинцией окончательно завладели коммунисты. После образования КНР территория провинции в 1954 г. была включена в состав образованной в 1947 г. Внутренней Монголии, а Гуйсуй вновь переименован в Хух-Хото и стал столицей автономного района.

2.4. Улан-Цабский сейм

■ Физико-географическая характеристика

Географическое положение и административная преемственность

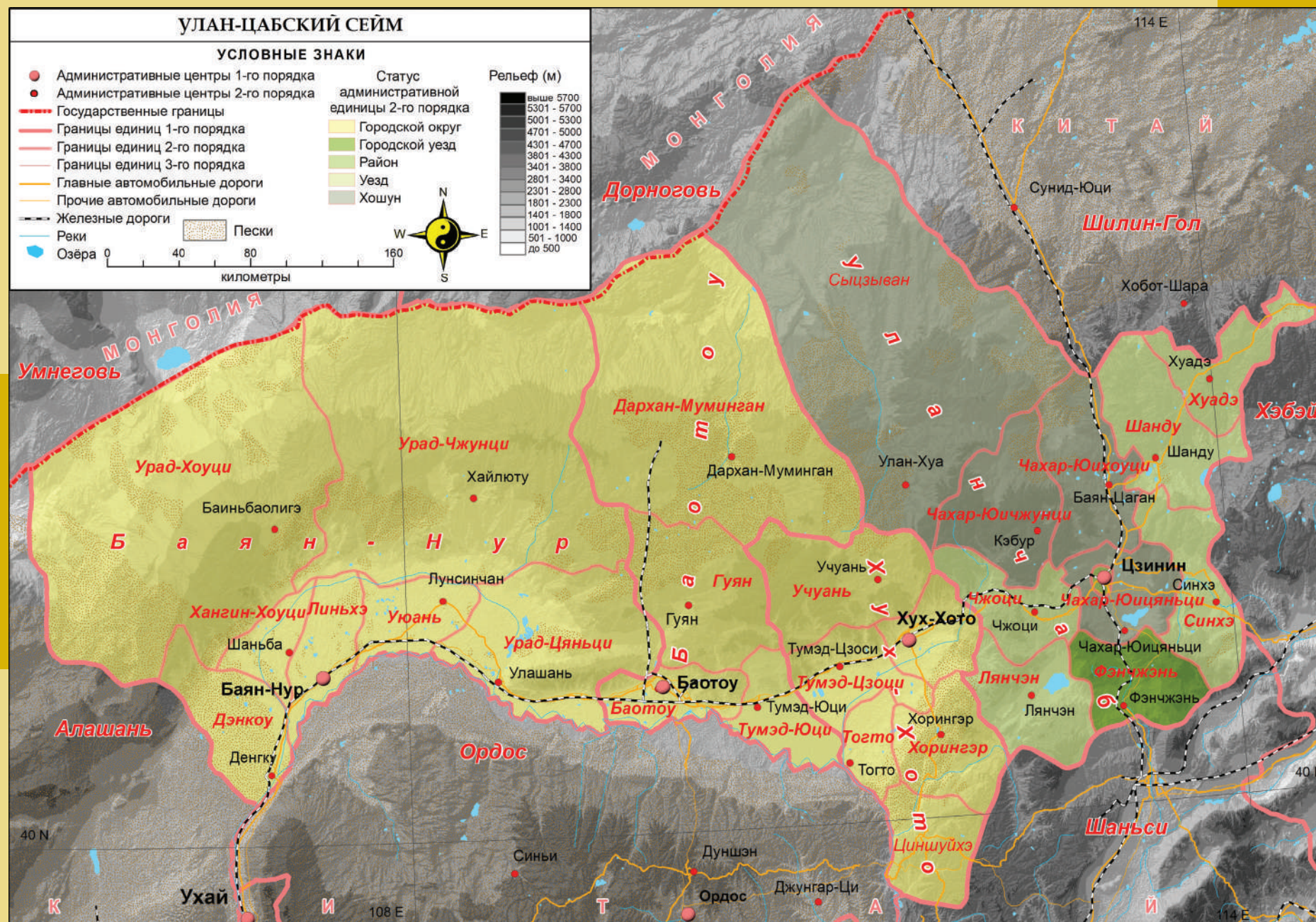
Улан-Цабский сейм являлся самым западным из четырех «восточных» сеймов Внутренней Монголии, занимая обширную территорию на стыке монгольских степей и плато Ордос. В исследуемый период он граничил на севере с Халхой (Внешняя Монголия), на востоке — с Шилин-Гольским сеймом и Чахарским аймаком, на западе — с Ордосским сеймом, а его южная граница проходила вдоль участков Великой Китайской стены, отделяя его от провинции Шаньси. Сегодня историческая территория Улан-Цабского сейма в основном соответствует современному городскому округу Улан-Цаб, а также частично городским округам Баотоу и Хух-Хото Автономного района Внутренняя Монголия. Его географическое положение на караванных путях, ведущих из Северного Китая в Халху, определяло его важное стратегическое и торговое значение.

Рельеф и гидрография

Ландшафт сейма отличался сложностью и контрастностью, представляя собой переходную зону от монгольских степных равнин к нагорьям Северного Китая. Центральную и южную части территории занимало плато Уланчаб — обширная волнистая, местами всхолмленная равнина с высотами 1000–1500 м над уровнем моря. Северную и северо-восточную части пересекали южные отроги хребта Иньшань (Дациншань, Улашань), достигающие высот 2000–2300 м. Эти горы, сложенные древними кристаллическими породами, служили важным орографическим и климатическим барьером. Между горными хребтами и плато располагались межгорные котловины (например, Баотоуская), которые служили основными районами концентрации населения и хозяйственной деятельности. Гидрографическая сеть была развита слабо; большинство рек маловодны и имеют сезонный характер. Крупнейшей водной артерией являлась р. Хуанхэ (Желтая река), которая протекала по юго-западной и южной окраине сейма, формируя его естественную границу с Ордосом. Она играла ключевую роль как источник воды для орошения в прилегающих долинах.

Климат, почвы и природные ресурсы

Климат Улан-Цабского сейма — резко континентальный, суровый и аридный, с чертами высотной поясности в горах. Характерны длительные, суровые и малоснежные зимы и короткое, жаркое, но с резкими суточными колебаниями температур лето. Количество осадков было низким и крайне неравномерным, колеблясь от 150–200 мм на севере и западе до 300–400 мм на юго-востоке и наветренных склонах Иньшаня, что делало земледелие без искусственного орошения практически невозможным. Почвенный покров был представлен преимущественно каштановыми и светло-каштановыми почвами, характеризующимися низким содержанием гумуса и частой засоленностью, что обуславливало их невысокую пастбищную ценность.

Современные государственные и региональные границы на территории Улан-Цабского сейма (по сост. на 1925 г.)

Естественная растительность носила ярко выраженный степной и полупустынный характер. Преобладали сухие (ковыльно-типчаковые) и опустыненные степи; лесные массивы (лиственница, сосна) были крайне редки и встречались лишь на наиболее влажных северных склонах хребта Иньшань. С точки зрения полезных ископаемых, территория сейма, по источникам начала XX в., не считалась богатой, хотя и отмечались кустарные разработки угля в предгорьях Иньшаня, а также добыча соли из многочисленных соленых озер (например, оз. Чаганнор). Таким образом, суровые климатические условия, бедность почв и ограниченность водных и минеральных ресурсов создавали сложные условия для хозяйственной деятельности, консервируя экстенсивные формы скотоводства и ограничивая возможности для масштабной аграрной колонизации.

Экономико-географическая характеристика

Демографический ландшафт и этнический состав

В первой половине XX в. Улан-Цабский сейм оставался регионом с подавляющим преобладанием монгольского населения. Племенной состав был разнообразен и включал такие группы, как Чахар, Урад, Муминган, Дурбэн-хухэт и другие. В отличие от восточных сеймов, китайская (ханьская) колонизация здесь носила значительно более ограниченный и очаговый характер. Китайское население, представленное торговцами, ремесленниками и крестьянами-переселенцами, концентрировалось в основном в южных хошунах, примыкающих к Великой стене и долине Хуанхэ, а также в ключевых торговых центрах, таких как Калган, Гуйхуачэн (Хух-Хото) и Баотоу. Социальная структура монгольского общества сохраняла традиционную сложную иерархию: княжеская аристократия (нойоны), духовенство (ламство) и рядовые скотоводы-араты.

Экономическая трансформация: столкновение кочевого уклада и аграрной колонизации

Экономика Улан-Цабского сейма в исследуемый период представляла собой классическую модель столкновения двух хозяйственных систем, где традиционный уклад хотя и доминировал, но испытывал все возрастающее давление со стороны новой аграрной экономики.

Традиционное хозяйство (скотоводство)

Основой экономики и главным занятием монгольского населения было экстенсивное кочевое и полукочевое скотоводство. Видовой состав стада был хорошо приспособлен к суровым местным условиям: преобладали овцы и козы, как наиболее выносливые виды. Также разводили крупный рогатый скот (включая яков в горных районах), лошадей (как транспорт и статусный символ) и верблюдов (основной транспорт в засушливых западных хошунах). Хозяйство, как отмечают современники, было крайне уязвимо к природным катаклизмам (джут, засухи), что приводило к периодическому массовому падежу скота и обнищанию аратов.

Новая экономика (земледелие и торговля)

Ключевой экономической тенденцией начала XX в. стала массовая китайская крестьянская колонизация южных хошунов сейма. Этот процесс, стимулируемый как цинскими властями, так и местными монгольскими князьями (вследствие долгов и получения арендной платы), приводил к радикальным изменениям. Пастбища (особенно ценные зимние) активно распахивались под земледелие. Выращивались в основном неприхотливые и засухоустойчивые культуры — просо, гаолян, овес, ячмень. В долине Хуанхэ, где было возможно орошение, также сеяли пшеницу. Этот процесс вел к резкому сокращению площади пастбищ, росту напряженности между скотоводами и земледельцами и постепенному разрушению традиционного уклада монголов.

Инфраструктура и торговля: роль караванных путей и новых центров

Инфраструктурная освоенность региона была неравномерной и концентрировалась вокруг ключевых торговых артерий.

Торговля

Торговая деятельность была сосредоточена в нескольких ключевых центрах, расположенных на границах сейма. Калган (Чжанцзякоу) на юго-востоке служил главными «воротами в Монголию», через которые шли основные потоки чая, тканей и промышленных товаров из Китая, а в обратном направлении — шерсть, кожи и скот из Монголии. Важными центрами были также Гуйхуачэн (Хух-Хото) и быстрорастущий речной порт на Хуанхэ Баотоу. Торговля, как отмечают источники, носила неэквивалентный характер и контролировалась китайскими торговыми фирмами и купеческими гильдиями, часто через систему долгового закабаления монгольских хозяйств.

Транспорт

Основой транспортной системы были караванные пути. Главным из них был знаменитый «Чайный путь», шедший от Калгана через Улан-Цабский сейм на северо-запад, в Ургу, Улясутай и далее в Россию. Основным тягловым скотом были верблюды и волы. Решающим инфраструктурным изменением стало строительство в 1920-х годах железной дороги Пекин-Баотоу, которая хотя и проходила по южной окраине сейма, но кардинально изменила всю экономическую географию, превратив Баотоу в ключевой транспортный узел и еще сильнее привязав регион к экономике Северного Китая.

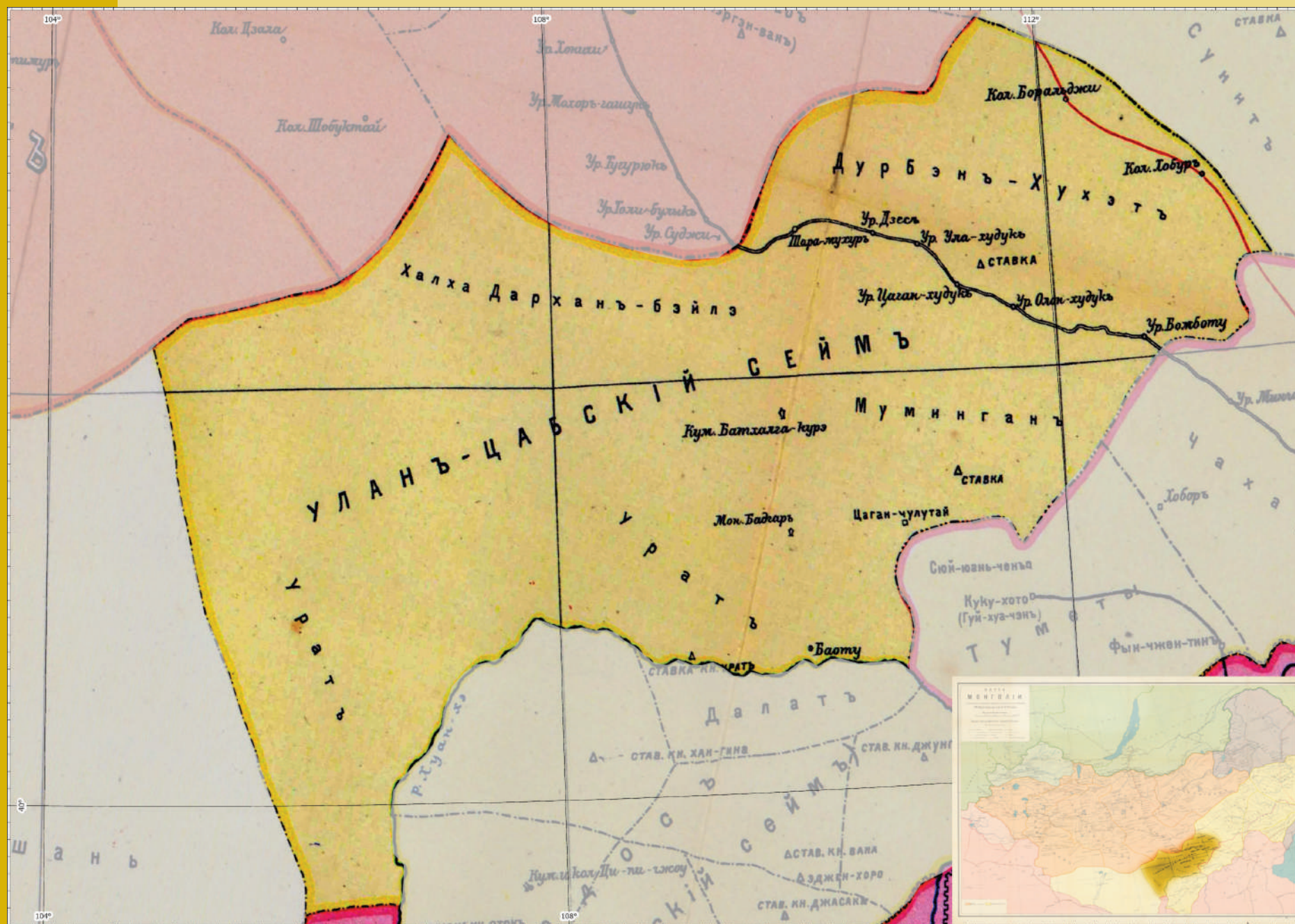
Политическая характеристика и история

Улан-Цабский сейм был самым западным сеймом Внутренней Монголии. Как и другие сеймы, он управлялся через Лифаньюань, но со временем управленческие функции были переданы Суйюань-чэн-цзянь-цзюню — высшему военно-адми-

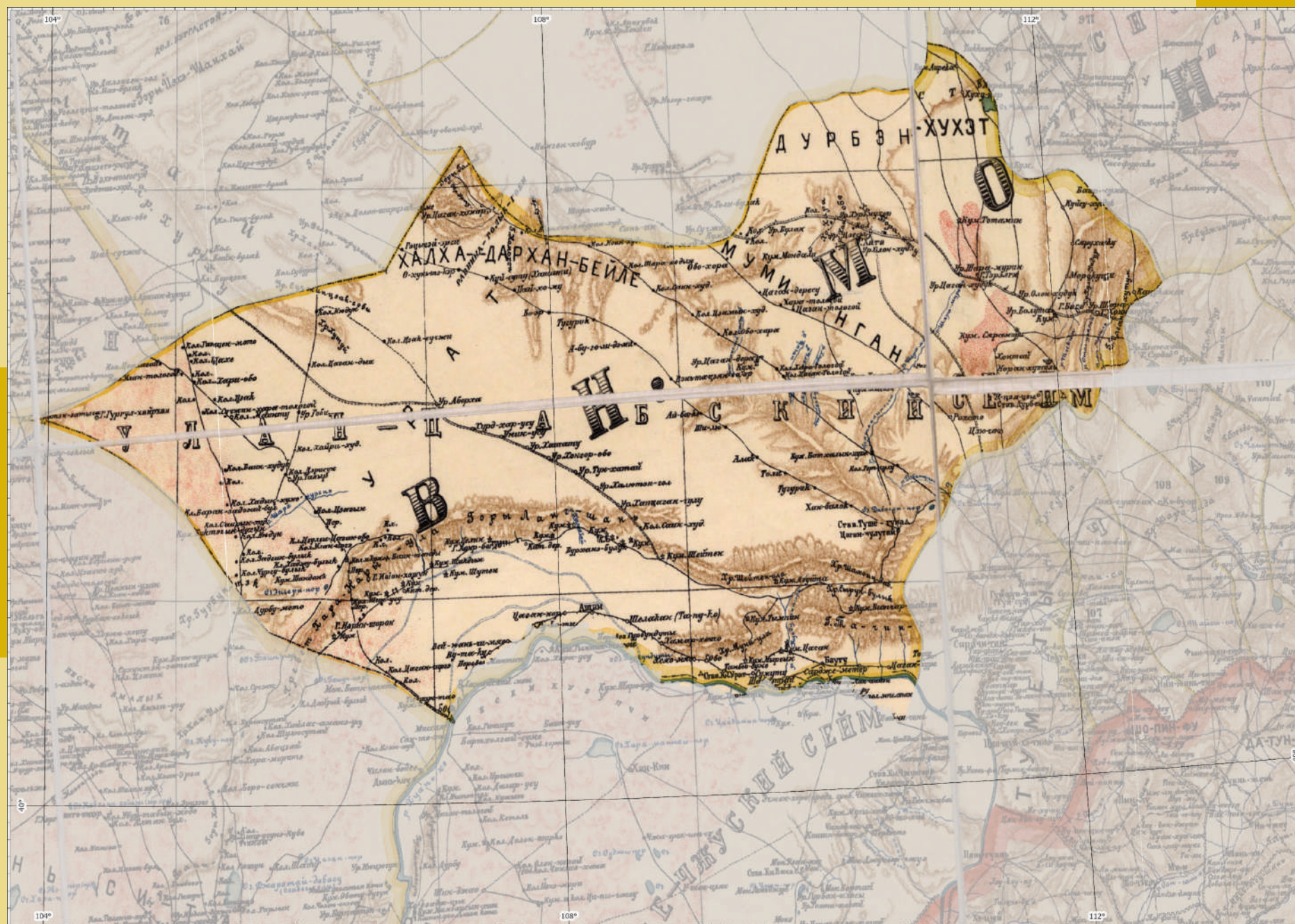

Схема административного деления Мынцзяна

нистративному институту, созданному в 1735 г. и отвечавшему за контроль над западными окраинами Внутренней Монголии, осуществлявшему военное управление во вверенном ему пространстве, включая контроль над цинскими войсками в регионе (Восьмизнаменную армию и войска Зеленого знамени), защите северных границ от монгольских племён (особенно ойратов и непокоренных халха-монголов), надзор за улан-цабскими хошунами и Тумэтом и Чахаром, контроль за торговлей и отношениями между ханьцами, монголами и маньчжурами, а позднее обеспечивающий колониационную политику, содействие пе-

Улан-Цабский сейм на карте Монголии И.Я. Коростовца

Улан-Цабский сейм на карте Монголии В.И. Сурина

реселению ханьских крестьян в регион и подавление восстаний (например, Дунганского восстания 1862–1877). В 1914 г. преобразован в Суйюаньского датуна.

Сейм объединял 4 аймака и 6 хошунов:

1. Аймак Дурвэнь-Хубут/Дурбэнь-Хухет, у Матусовского – Дурбэнь-хухэтский хошун цзасака, дархан-цзорику хэ-цзюнь-вана, у Попова – Дурбэнь-хухэт (Сы-цзы-було), у Коростовца и у Сурина (без номера) – Дурбэнь Хухэт. На севере и востоке граничил с Сунитским аймаком Шилин-Гольского сейма, на западе – с Халхой и Муминганом, на юге – с чахарскими хошунами и Тумэтом. Занимаемые им земли при империи/династии Хань составляли северную часть областей Янь-мэн-цзюнь и Дин-сян-цзюнь, при империи/династии Цзинь принадлежали дому Тоба, при империи/династии Тан составляли военный округ Чжэнь-у-цзюнь, при империи/династии Ляо – округ Фын-чжоу, входивший в состав провинции Си-цзин-лу, а при империи/династии Мин оказались подчинены монголам, где утвердились потомки Хабуту-хасара. Маньчжурский суверенитет был признан при императоре Тай-цзуне (Абахай), когда управлявшие этими землями 4 брата пришли ко Двору с данью и изъявили покорность. Отличившимся в сражениях были пожалованы наследственные титулы. В границах данной территории находится местность Улан-Цаб, давшая название сейму. В составе аймака 1 хошун, разделенный на 20 сомонов/эскадронов/рот.

2. Аймак Муминган, у Матусовского – Мао-миньганский хошун цзасака тайчжия 1 степени, у Попова – Мао-минган, у Коростовца и Сурина (без номера) – Муминган. На востоке граничил с правым Дурбэнь Хухэтом, на западе – с Уратами, на юге – с Тумэтом, а на севере – с Халхой. При империи/династии Хань эта земля составляла округ У-юань-цзюнь, в эпоху Троецарствия здесь был военный округ Хуай-шо-чжэнь империи/династии Вэй, при империи/династии Тан – военный округ Чжэнь-у; при империи/династии Ляо – округ Дун-шэн-чжоу, при империи/династии Цзинь эта территория входила в провинцию Да-тун-лу, при империи/династии Юань перешла под власть монголов к потомкам Хабуту-хасара.

Маньчжурский суверенитет был признан в 1632 г., а в 1664 г. дзасак был удостоен титула тайцзи 1 степени. В составе аймака 1 хошун, разделенный на 4 сомона/эскадрона/роты.

3. Аймак Халха правого крыла, Хошун халхаского правого крыла цзасака туруйнь-дархан-бэйлэ – у Матусовского, аймак правого Халхаского крыла – у Попова, Халха Дархан Бэйлэ – у Коростовца, Халха-Дархан-Бэйле – у Сурина. Аймак на севере граничит с Халхой, на востоке – с Муминганом, на юге – с Тумэтом, на западе – с Уратом. При империи/династии Хань земля аймака составляла северную часть округов Дин-сян и Юнь-чжун, при империи/династии Тан здесь был военный округ Чжэнь-у-цзюнь, при империях/династиях Ляо и Цзинь это была земля округа Фын-чжоу в провинции Си-цзин, при империи/династии Юань она входила в состав провинции Датун (лу), а при империи/династии Мин перешла к потомкам Чингисхана. В 1653 г. вследствие ссоры с халхасским Тушету-Ханом местный дзасак принял маньчжурское подданство и титул сначала доро-цзюнь-ван, однако пониженный впоследствии до доро-дархан-бэйлэ. В составе аймака 1 хошун, разделенный на 4 сомона/эскадрона/роты.

4. Уратский аймак граничил на севере с Халхой, на востоке – с аймаком Халха правого крыла, Муминганом и Тумэтом, на юге – с Ордосом/Их-Чжуским сеймом, а на западе – с Ситаоской Монголией/Алашанью/Нинся. При империи/династии Цинь это была земля округа Цзю-юань-цзюнь, при империи/династии Хань здесь был округ У-юань, в эпоху Троецарствия при империи/династии Вэй учрежден военный округ Хуай-шо-чжэнь, при империи/династии Тан здесь был заложен город Си-шоуцзин (чжэнь), при империях/династиях Ляо и Цзинь здесь был округ Юнь-нэй-чжоу, входивший в состав провинции Си-цзин, при империи/династии Юань эта территория относилась к округу Да-тун-фу, а при империи/династии Мин ей завладели монголы – потомки Хабуту-хасара, образовав позднее 3 аймака, кочующие вместе. В 1632 г. они покорились маньчжурам, в 1648 г. дзасак среднего знамени за военные подвиги получил титул чжэнь-го-гун, дзасак южного (переднего) знамени – титул фуго-гун, а дзасак северного (тыльного) знамени – титул фуго-гун. У Коростовца и Сурина – единое пространство без деле-

ния на хошуны под названием «Урат», у остальных исследователей указывается деление на хошуны:

4.1. Урат (правое крыло), у Матусовского – Оратский (северный) хошун цзасака, улусун-тушегуна, разделенный на 6 сомонов/эскадронов/рот;

4.2. Урат (среднее крыло), у Матусовского – Оратский (средний) хошун цзасака, улус-тур -тусалакчи-гуна, разделенный на 16 сомонов/эскадронов/рот;

4.3. Урат (левое крыло), у Матусовского – Оратский (южный) хошун цзасака, улусун- туше-гуна, разделенный на 12 сомонов/эскадронов/рот.

В период существования Монгол-Го и Мэнцзяна Улан-Цаб был одной из административно-территориальных единиц первого порядка в этих политиях, а после ликвидации всех подконтрольных японцам коллаборационистских режимов территория сейма вновь стала частью Китая. После основания Китайской Народной Республики в 1949 г. Улан-Цаб пережил череду преобразований, пока в 2003 г. это название не было присвоено городскому округу в составе АРВМ, лишь отчасти соотносящийся с прежним сеймом.

2.5. Ихэ-Чжуский сейм

Физико-географическая характеристика

Географическое положение и административная преемственность

Ихэ-Чжуский сейм, более известный как Ордос, представлял собой уникальную в географическом отношении территорию, почти полностью окруженную великой северной излучиной р. Хуанхэ. На юге его границей служила Великая Китайская стена, отделявшая его от провинций Шэньси и Ганьсу. Эта почти полная изоляция рекой-преградой и стеной превратила Ордос в своеобразный «остров» внутри континента, что во многом предопределило его историческую и культурную обособленность. В современном административном делении историческая тер-

ритория Ихэ-Чжуского сейма составляет ядро городского округа Ордос, а также части городских округов Баотоу и Баян-Нур Автономного района Внутренняя Монголия.

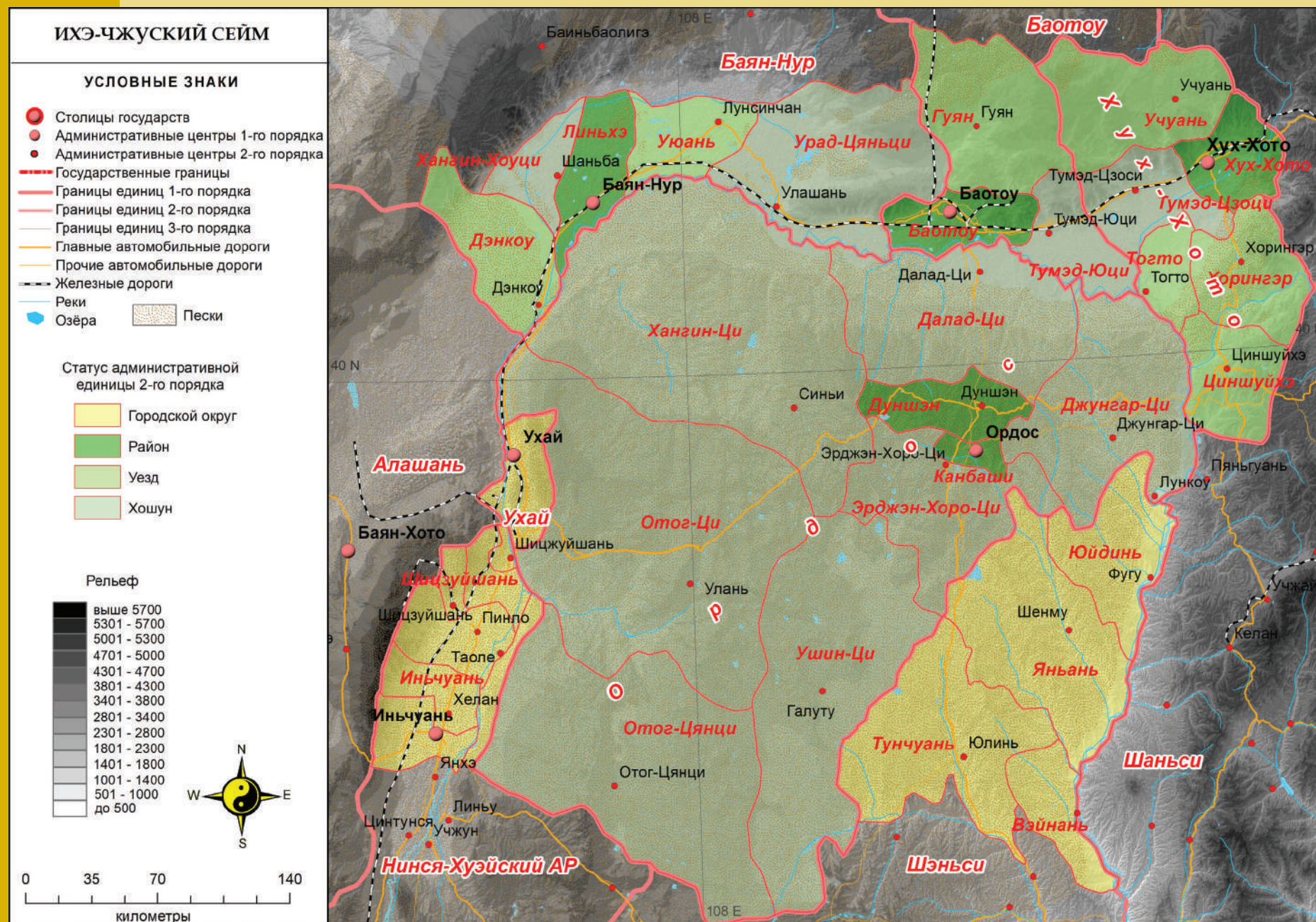
Рельеф и гидрография

Основу территории сейма составляет плато Ордос — обширная, преимущественно равнинная или волнистая поверхность, приподнятая на высоту 1000–1500 м над уровнем моря. Ландшафт плато крайне неоднороден. Его северную часть (известную как Кубуци) пересекают цепи барханных и грядово-барханных песков. Центральная и южная части (пустыня Мао-Усу) представляют собой обширную полупустынную равнину с массивами полужакрепленных бугристых песков, солончаками и такыровидными понижениями. Рельеф становится более расчлененным лишь на востоке, где плато, холмами и сухими долинами спускается к берегам Хуанхэ.

Гидрография региона крайне скудна. Главной и практически единственной водной артерией является р. Хуанхэ (Желтая река), огибающая плато с запада, севера и востока. Она играла ключевую роль как источник воды для орошения в узкой полосе прибрежных земель и как транспортный путь (хотя судоходство было затруднено мелями и перекатами). Внутренние реки практически отсутствуют; временные водотоки (вади) наполняются водой только после редких сильных ливней и быстро пересыхают. Многочисленные озера (норы), в основном мелкие, бессточные, соленые или горько-соленые, служили важным источником добычи соли и соды.

Климат, почвы и природные ресурсы

Климат Ордоса — резко континентальный, аридный, с чертами пустынного и полупустынного. Зимы длительные, очень холодные, малоснежные и ветреные. Лето короткое, жаркое и сухое, с резкими суточными колебаниями температур. Годовое количество осадков крайне скудное и неустойчивое (150–300 мм), что делало богарное земледелие практически невозможным. Почвы — в основном песчаные и пустынные сероземы

Современные государственные и региональные границы на территории Ихэ-Чжуского сейма (Ордос) (по сост. на 1925 г.)

с обширными участками солонцов и солончаков, обладающие крайне низким плодородием.

Растительность соответствует аридному климату: это пустынная и полупустынная флора (ковыль, полынь, карагана, саксаул), бедная видовым составом и разреженная. Леса полностью отсутствуют. Природные условия Ихэ-Чжуского сейма были одними из самых суровых во всей Внутренней Монголии. Скудость водных ресурсов, широкое распространение пустынь и полупустынь, низкое плодородие почв и суровый климат создавали экстремальные условия для хозяйственной деятельности, что способствовало консервации кочевого уклада и относительной изоляции региона от интенсивной китайской колонизации, наблюдавшейся в восточных сеймах.

Экономико-географическая характеристика

Демографический ландшафт и этнический состав

Ихэ-Чжуский сейм в исследуемый период характеризовался одной из самых низких плотностей населения во всей Внутренней Монголии. По оценкам начала XX в., численность кочевого монгольского населения составляла не более 200–300 тысяч человек. Этнический состав был преимущественно монгольским; коренное население принадлежало к племенным группам Ордоса, состоявшим, по данным источников, из семи хошунов. Китайское (ханьское) население было немногочисленным (десятки тысяч) и концентрировалось в основном в виде анклавов в орошаемых оазисах вдоль Хуанхэ на востоке и юге. Это были крестьяне-арендаторы и торговцы. Географическая изоляция и суровые природные условия региона препятствовали массовой китайской колонизации, наблюдавшейся в восточных сеймах, что способствовало сохранению здесь традиционной монгольской социальной структуры и демографического преобладания коренного населения.

Экономическая трансформация: выживание в экстремальных условиях

Экономика Ордоса была полностью детерминирована его аридной географией и носила преимущественно традиционный, нетоварный характер.

Традиционное хозяйство (скотоводство)

Главным и практически единственным видом хозяйственной деятельности монгольского населения было кочевое скотоводство в экстремальных условиях. Видовой состав стада был идеально приспособлен к пустынной и полупустынной среде: доминировали овцы и козы, как наиболее выносливые виды, а также верблюды-бактрианы, служившие основным транспортным средством. Лошади и крупный рогатый скот разводились в значительно меньших количествах. Хозяйство, как отмечают современники, было крайне неустойчивым и постоянно находилось под угрозой природных катаклизмов: джута (бескормицы зимой) и засух, которые приводили к массовому падежу скота и хроническому обнищанию аратов. Скот был не только основой пропитания, но и главным мерилом богатства.

Зачатки новой экономики (земледелие и торговля)

Земледелие играло крайне ограниченную роль. Традиционно монголы выращивали просо и ячмень в небольших масштабах лишь в редких оазисах и в узкой орошаемой полосе вдоль Хуанхэ. К началу XX в. усилилось проникновение китайских крестьян, которые на арендованных у князей землях или путем самовольного захвата начали возделывать просо, гаолян, кукурузу и даже опийный мак. Однако этот процесс не приобрел такого масштаба, как на востоке, и постоянно создавал конфликты за землю и скудные водные ресурсы.

Инфраструктура и торговля: изолированный регион

Экономическая жизнь сейма была затруднена его транспортной изолированностью и слабостью торговых связей.

Торговля

Торговля была развита значительно слабее, чем в восточных сеймах. Основным внешним торговым центром служил Баотоу — речной порт на Хуанхэ за пределами Ордоса, который являлся главными «воротами» для вывоза местной продукции (шерсть, кожи, скот, соль) и ввоза китайских товаров (чай, ткани, табак, металлоизделия). Локальными центрами торговли служили крупные монастыри и ставки князей. Торговля, как и в других сеймах, носила неэквивалентный характер и монополизировалась китайскими купцами, часто через систему долгового закабаления («хуби»).

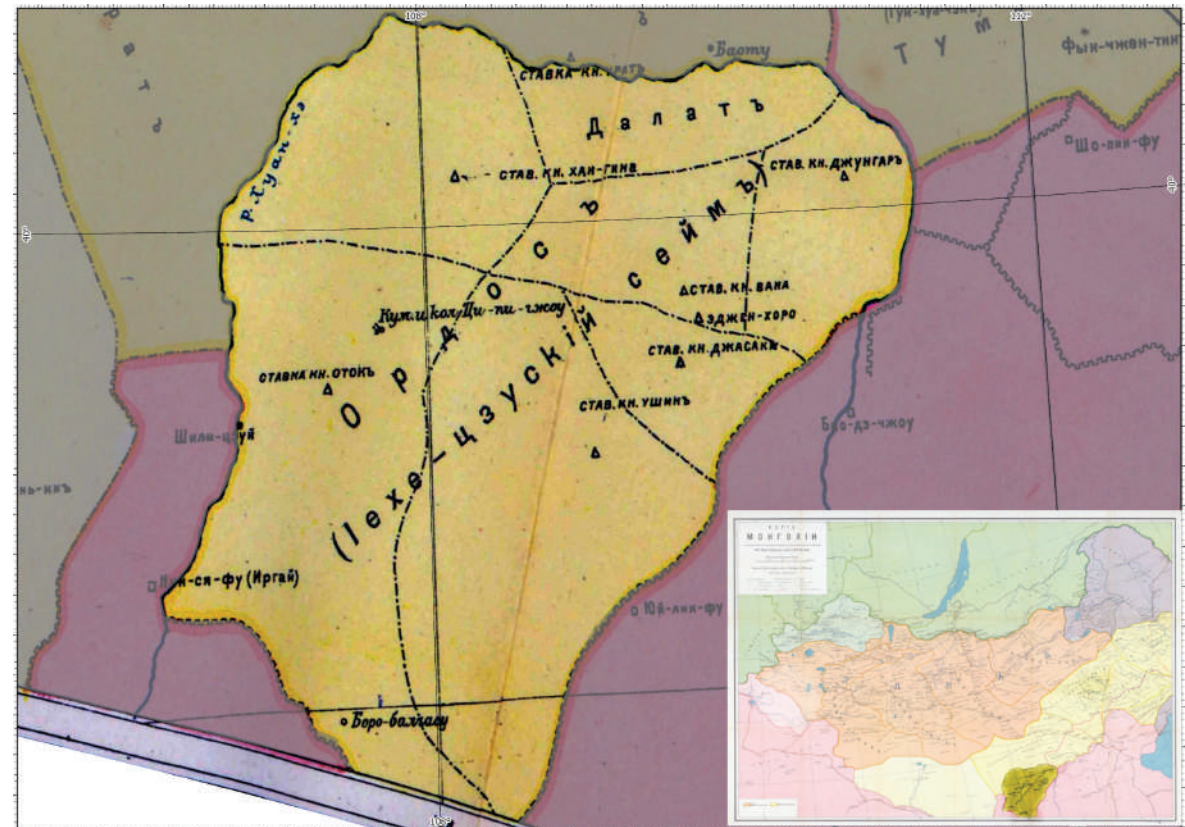
Транспорт

Основой транспортной системы были караванные пути, пролежавшие через безводные и песчаные пространства. Главные маршруты вели на восток к Баотоу и на юг к Нинся. Полное отсутствие железных дорог на территории сейма консервировало его экономическую отсталость и изоляцию. Речной путь по Хуанхэ, хотя и использовался, был сложен из-за мелей и сезонных колебаний уровня воды. Таким образом, экономика Ихэ-Чжуского сейма представляла собой модель выживания, основанную на традиционном кочевом скотоводстве, которое находилось в состоянии хронического кризиса из-за суровых природных условий и наступающей деградации пастбищ.

Политическая характеристика и история

Их-Чжуский сейм (Йикэ-Цзуский сейм — у Матусовского, Ихэ-Цзуский сейм — у Попова, Йехе-Цзуский сейм/Ордос — у Коростовца, Йехе-Чжуский сейм/Ордос — у Сурина (без номеров и наименований хошунов)) получил название от храма Ван Айчжао или Их Чжао школы Гелуг, построенного в 1607–1613 гг. на территории современного одноименного поселка в хошуне Далад-Ци городского округа Ордос АРВМ.

В состав Их-Чжуского сейма входил только один аймак — Ордос, из-за чего в научной литературе эти названия пересекаются и часто ис-

Ихэ-Чжуский сейм (Ордос) на карте Монголии И.Я. Коростовца

пользуются как синонимы. На востоке он простирался до границ Тумэта, на западе граничил с Халхой, на юге его обрамляла Великая стена, а на севере – Уратский аймак Улан-Цабского сейма. В эпоху империи/династии Хань эта земля принадлежала Хунну, а позднее здесь была образована область Шо-фан в составе 10 уездов. В период Троецарствия территория аймака отошла к империи/династии Вэй, а в период Южных и Северных династий – к Цзинь. При империи/династии Суй на восточной части территории аймака был основан округ Шэн-чжоу, на западной – Фэн-чжоу, около 606 г. переименованные в областные города Юэ-линь-цзюнь и У-лань-цзюнь соответственно (последний при империи/династии Тан получил название Хэ-цзюй-цзюнь). В эпоху Сун и Цзинь эти земли находились под властью империи Западное Ся (Си Ся), а после его разгрома монголами в составе империи/династии Юань эти земли стали частью провинции

Чжун-син-лу, позднее вошедшие в состав округов Дун-шэн-цзюнь и Юнь-нэй-чжоу и областей Янь-ань и Нин-ся. В эпоху империи/династии Мин Дун-шэн и другие округа были ограждены стенами и в них учреждаются военно-хлебопашные колонии, а на излете Минской державы в эти места приходят потомки Даян-Хана, принесшие присягу Чахарскому ханству. После поражения Лигдэн-Хана именно здесь, в храме Ван Айчжао, 6 знамен ордосцев признали верховенство маньчжурских императоров в 1635–1636 гг., тогда как чахарские земли вошли в состав Маньчжурской империи. Позднее, при императоре Цяньлуне, к ним присоединили еще одно знамя, таким образом доведя количество хошунов до 7:

1. Чжунгар левого крыла средний хошун, у Матусовского – Ордосский хошун цзасака туруйнь-хэ-цзюнь-вана, у Попова – Среднее знамя левого крыла, у Коростовца – Джунгар. В 1649 г. цзасак прибыл ко Двору и получил свой титул. Хошун был разделен на 17 сомонов/эскадронов/рот.

2. Оток правого крыла средний хошун, у Матусовского – Ордосский хошун цзасака, туруйнь бэйлэ, у Попова – Среднее знамя правого крыла, у Коростовца – Князь Оток. В 1641 г. цзасак впервые прибыл ко Двору, а в 1650 г. был возведен в достоинство с титулом. Хошун был разделен на 34 сомона/эскадрона/роты.

Ихэ-Чжуский сейм (Ордос) на карте Монголии В.И. Сурина

3. Далат левого крыла передний хошун, у Матусовского – Ордосский хошун цзасака хошунай бэйсэ, у Попова – Юго-восточная часть Ордоса, составляющая переднее знамя левого крыла, у Коростовца – Далат. В 1649 г. дзасак получил титул, поднятый в 1681 г. до бэйлэ, но позднее возвращенный в прежний статус. Хошун был разделен на 42 сомона/эскадрона/роты.

4. Хангин левого крыла тыльный хошун, у Матусовского – Ордосский хошун цзасака хошунай бэйсэ, у Попова – Северо-восточная часть Ордоса, образующая заднее знамя левого крыла, у Коростовца – Князь Хангин. В 1641 г. дзасак впервые прибыл ко Двору, а в 1650 г. ему был пожалован титул. Хошун был разделен на 40 сомонов/эскадронов/рот.

5. Ушин правого крыла передний хошун, у Матусовского – Ордосский хошун цзасака хошунай-бэйсэ, у Попова – Юго-западная часть Ордоса, составляющая переднее крыло правого знамени, у Коростовца – Князь Ушин. В 1649 г. дзасак получил титул. Хошун был разделен на 42 сомона/эскадрона/роты.

6. Ван правого крыла тыльный хошун, у Матусовского – Ордосский хошун цзасака, хошунай бэйсэ, у Попова – Северо-западная часть Ордоса, образующая заднее знамя правого крыла, у Коростовца – Ван Эджен Хоро. В 1698 г. за военные заслуги, совершенные им во время войны с Галданом-Бошогту, дзасак возведен был в достоинство. Хошун был разделен на 36 сомонов/эскадронов/рот.

7. Дзацин в арьергарде, у Матусовского – Ордосский хошун цзасака тайчжия 1-й степени, у Попова – Переднее последнее знамя правого крыла, у Коростовца – Князь Чжасан. В 1649 г. дзасак получил титул и вторую, а в 1675 г. за военные заслуги – первую степень. Хошун был разделен на 13 сомонов/эскадронов/рот.

Как видно из описаний, хошуны Ордоса имели собственные названия, отличные от названия аймака, что для Внутренней Монголии было редким явлением, формируя при этом с Улан-Цабским сеймом «два западных сейма» в условный экономико-географический «противовес» т.н. «четырем восточным сеймам» – тому, что в научной литературе до середины XX в. называли Восточной Монголией.

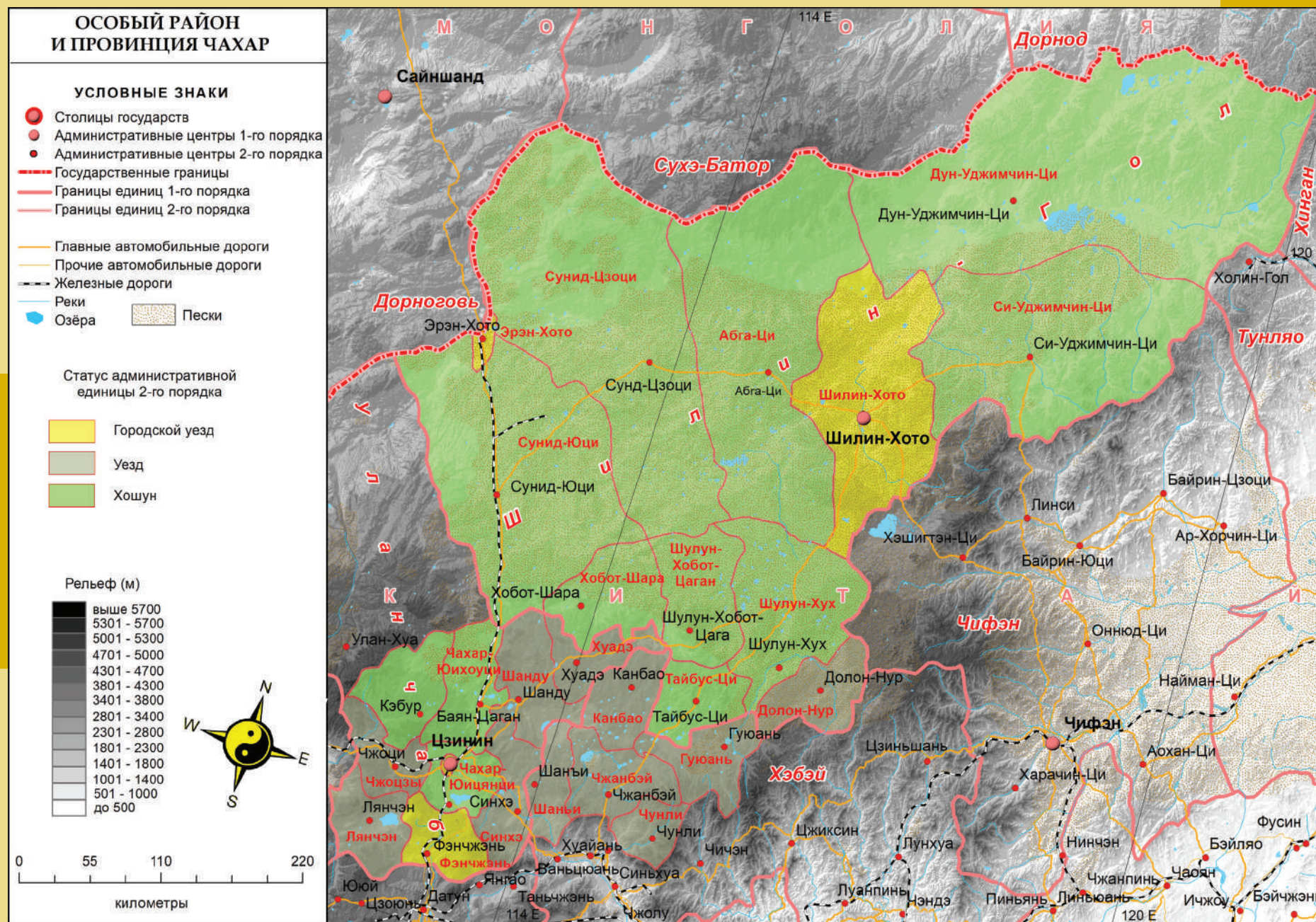
В период существования Мэнцзяна сейм являлся одной из административно-территориальных единиц этой политики, а после поражения Японии во Второй мировой войне и провозглашения здесь власти коммунистов его территория в 1954 г. была включена в состав АРВМ.

2.6. Особый район и провинция Чахар

Физико-географическая характеристика

Географическое положение и административная преемственность

Особый район Чахар, учрежденный в 1914 г. и впоследствии преобразованный в провинцию, представлял собой ключевую в стратегическом отношении территорию, сформированную на стыке Внутреннего Китая и монгольских степей. В отличие от других административных единиц, он был создан путем объединения исторически и географически разнородных земель: его ядро составили территории Чахарского аймака и Шилин-Гольского сейма, к которым были присоединены несколько уездов из состава китайской провинции Чжили (Хэбэй). Таким образом, новая провинция простиралась от Великой Китайской стены на юге до границ с Внешней Монголией на севере. В современном административном делении историческая территория провинции Чахар оказалась разделена: ее северная, монгольская часть сегодня составляет аймак Шилин-Гол Автономного района Внутренняя Монголия, в то время как южная, приграничная часть, включая бывший административный центр Калган, вошла в состав провинции Хэбэй. Эта гетерогенность и пограничное положение определяли его главную функцию как военно-политического буфера, прикрывающего прямые подступы к Пекину, и как плацдарма для дальнейшей административной и экономической экспансии Китая в монгольский мир.

Современные государственные и региональные границы на территории особого района Чахар (по сост. на 1925 г.)

Ландшафт: от предгорий к степному плато

Рельеф провинции Чахар отражал ее композитный характер и делился на две основные зоны, соответствующие ее историческим компонентам.

Южная предгорная и холмистая зона

Эта территория, примыкающая к Великой стене и соответствующая землям Чахарского аймака и присоединенных китайских уездов, представляет собой северные отроги и предгорья хребта Иньшань. Ландшафт здесь сильно расчлененный, холмистый, с многочисленными речными долинами. Эта зона, благодаря более мягкому климату и наличию водных источников, была исторически пригодна как для земледелия, так и для пастбищного скотоводства, являясь классической зоной контакта двух хозяйственных укладов.

Северное степное плато

К северу предгорья переходят в обширное, волнистое и плоское плато Шилин-Гол, занимающее большую часть территории провинции. Это типичный степной и полупустынный ландшафт Центральной Азии с высотами 1000–1200 м, пересеченный невысокими горными грядами (нуру) и сопками. Эта зона, с ее суровым климатом и бессточной гидрографической системой, была пригодна почти исключительно для экстенсивного кочевого скотоводства.

Климат, гидрография и природные ресурсы

Климат на всей территории провинции был резко континентальным, но с заметными различиями между югом и севером. На юге, в предгорной зоне, он был несколько мягче, с большим количеством осадков. На севере, на плато Шилин-Гол, климат становился экстремально сухим и суровым, с очень холодной, малоснежной зимой и коротким, жарким летом.

Гидрографическая система провинции также делилась на две части. На юге существовала сеть небольших рек, стекающих с Иньшаня, которые служили источниками воды. Северная же часть, территория Шилин-Гольского сейма, принадлежала к

бессточному бассейну Центральной Азии. Реки здесь были маловодны (главная — Шилин-Гол) и впадали во внутренние соленые озера, крупнейшим из которых является Далайнор.

Почвенный покров и природные ресурсы отражали этот климатический и ландшафтный дуализм. На юге были распространены относительно плодородные каштановые и горные почвы, пригодные для богарного земледелия. На севере преобладали сухие степные и полупустынные почвы, служившие основой для пастбищ. Минеральные ресурсы провинции, по данным того времени, считались незначительными, за исключением залежей соли и соды в озерах. Таким образом, физико-географические условия провинции Чахар четко делили ее на два мира: южный — зона интенсивного освоения, контактов и конфликтов, и северный — обширное, но изолированное и суровое пространство, остававшееся миром кочевников.

Экономико-географическая характеристика

Демографический ландшафт: два мира в одной провинции

Провинция Чахар в исследуемый период характеризовалась резким демографическим и этническим дуализмом, отражавшим ее составную природу. Территории, прилегающие к Великой стене, включая Калган и присоединенные китайские уезды, были зоной плотного, преимущественно китайского (ханьского) населения. Здесь концентрировались города, торговые пункты и основные очаги земледелия. Монгольское население (чахары), давно находившееся в тесном контакте с китайским миром, было здесь в значительной степени ассимилировано и перешло к полуоседлому и оседлому образу жизни. Обширные территории Шилин-Гольского сейма на севере, напротив, оставались зоной крайне низкой плотности населения, которое было почти исключительно монгольским и кочевым. Китайское присутствие здесь было минимальным и ограничивалось отдельными торговцами при монастырях. Таким образом, провинция представляла собой мозаику из густона-

селенных аграрных районов на юге и почти безлюдных кочевых степей на севере.

Экономическая система: от императорских пастбищ до товарного земледелия

Экономика провинции была столь же неоднородна, как и ее население, и представляла собой сложное сочетание традиционных и новых хозяйственных укладов.

Скотоводство

Скотоводство оставалось важной отраслью, но его характер и роль сильно различались. В Чахарском аймаке оно исторически имело государственно-служилый характер, будучи ориентировано на содержание и охрану императорских табунов и стад. В Шилин-Гольском сейме сохранялось классическое экстенсивное кочевое скотоводство, основанное на сезонных перекочевках и являвшееся единственным источником существования для местного населения.

Земледелие

Земледелие играло доминирующую роль в южной части провинции. Наличие плодородных земель и близость к китайским рынкам способствовали интенсивному развитию товарного земледелия. Выращивались традиционные для Северного Китая культуры — просо, гаолян, пшеница, бобы. Именно аграрный потенциал южных районов Чахара стал главным стимулом для его целенаправленной колонизации со стороны китайских властей.

Инфраструктура и торговля: Калган как главный экономический узел

Вся экономическая жизнь провинции была стянута к ее южной границе, и в первую очередь к ее административному и торговому центру.

Торговля

Ключевым экономическим центром провинции и всей Внутренней Монголии был город Калган (Чжанцзякоу). Благодаря

своему положению на главном проходе в Великой стене, он являлся главными торговыми воротами, через которые осуществлялся товарообмен между Китаем и монгольским миром. Именно через Калган шел основной поток экспорта монгольского сырья (шерсть, кожи, скот) и импорта китайских товаров (чай, ткани, мануфактура). Вторым важным торговым центром на территории провинции был Долоннор, служивший воротами в восточные сеймы.

Транспорт

Транспортная система провинции также была крайне неравномерной. На севере, в Шилин-Голе, она была представлена исключительно караванными тропами, что способствовало изоляции региона. На юге существовала более развитая сеть грунтовых дорог, сходящихся к Калгану. Решающее значение для дальнейшего экономического развития региона имело строительство железной дороги Пекин–Суйюань, которая, хотя и проходила западнее, через соседнюю провинцию, через Калган была связана с ней трактами, что значительно усилило его роль как транспортного и торгового узла. Отсутствие железных дорог, ведущих вглубь провинции на север, было главным фактором, сдерживавшим освоение ее обширных степных территорий.

Политическая характеристика и история

Особый район Чахар юридически возник, так же, как и Суйюань, на основе упоминаемого выше декрета президента республики от 6 июля 1914 г., унаследовав свое название от обитавших здесь монгольских племен и древнего Чахарского ханства. В качестве скрепляющих элементов нового района выступили китайские уезды, создаваемые на отчужденных монгольских территориях китайской администрацией.

Особый район Чахар делился на китайскую и монгольскую части. Китайская часть включала в себя 9 уездов (сянь) в рамках округа (дао) – Синхэ-дао: Долунь из состава бывшего особого района Коубэй-дао, Чжанбэй, Гуюань, Шанду, а также выде-

JAPS PLAN TO SET UP A NEW PUPPET STATE IN N. CHINA

Intend to Name Peiping Capital of 'Republic.'

BY KIMPEI SHEBA.

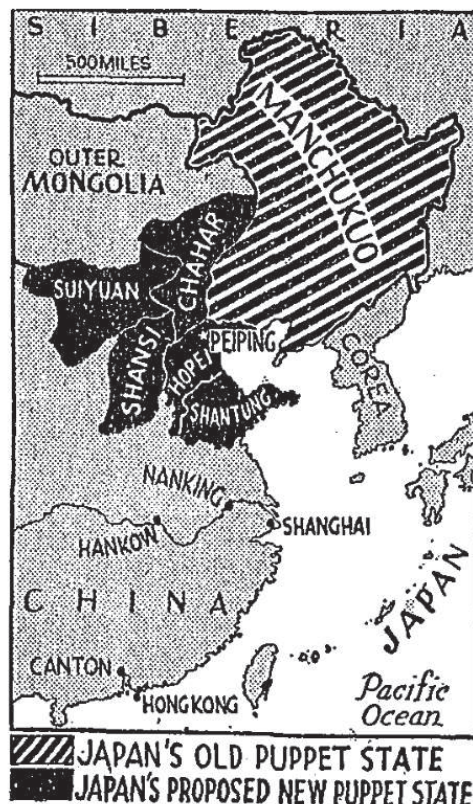
[Chicago Tribune Press Service.]

TOKIO, Oct. 6.—Reconstruction of North China is about to be taken in hand, the Tokio newspaper Nichi Nichi reported today in a dispatch from Tientsin. The Japanese intend to consolidate the five northern provinces of Hopei, Shansi, Shantung, Chahar, and Suiyuan into an autonomous republic.

Газетная вырезка «Japs plan to set up a new puppet state in N. China»
(«Chicago Tribune», октябрь 1935 г.)

Plan New Puppet State

(Story in adjoining column.)

в 1914 г. стал г. Чжанбэй – одна из будущих временных столиц Мэнцзяна, а в 1917 г. – г. Синхэ. В 1928 г. к ним прибавился еще один суйюаньский уезд на северо-востоке.

Монгольская часть включала в себя территорию аймака Чахар с его 8 хошунами Чахарского левого и правого крыла, 4 пастбищами Дариганга (бывш. Далиханские казенные пастбища) и бывш. Шанду-Дубурсун-Нурскими пастбищами, а также Шилин-Гольский сейм с его 5 аймаками и 10 хошунами.

На данном историческом этапе Внутренняя Монголия как часть многонационального Китайского государства сходит с политической арены, исчезает она и из Основного закона страны: китайская Конституция, принятая 10 октября 1923 г. статьей 1 раздела 1 устанавливала: «Китайская республика останется навсегда единой республикой», юридически оформив принцип территориального единства. Статья 3 Конституции закрепляла: «Территория Китайской республики включает в себя все земли, находящиеся во владении Китайской республики. Территория и границы всех владений не могут быть изменены иначе, как по закону», а статья 124 предусматривала только две административные единицы: провинцию (шен) и уезд (сян), в то время как такая административная единица, как округ, не нашла своего конституционного оформления и отсутствовала в последующих Основных законах, продолжая функционировать на практике. И хотя статья 135 устанавливала, что в отношении Внутренней и Внешней Монголии, Тибета и Кукунора их административное устройство должно было быть определено особым законом, он так и не был принят.

В 1928 г. состоялась административная реформа, целью которой было внедрение провинциально-уездной системы управления взамен особых районов Суйюань, Чахар и Жэхэ, что повлекло за собой преобразование их статусов и юридическое закрепление территории Внутренней Монголии как части Китая. Административный центр в 1928–1947 гг. располагался в г. Ваньцюань, а в 1947–1948 гг. – г. Чжанцзякоу. Временная Конституция для периода политической опеки, принятая в 1931 г. на конференции народных представителей статьей 1, устанавливала: «Территория Китайской республики состоит из различ-

ленные из аналогичного округа Гуйсуй-дао особого района Суйюань центральной части Внутренней Монголии уезды Синхэ Фэнчжэн, Лянчэн, Таолин, позднее к ним присоединился образованный на колонизируемых землях переселенческий округ Баочан. В 1928 г. эти уезды снова будут переданы под управление суйюаньских властей. Административным центром округа

ных провинций, из Монголии и Тибета», а в них система местного управления должна была определяться отдельным законом, но с учетом местных условий. Сразу же был принят Закон об организации монгольских хошунов и сеймов, состоявший из 37 статей. Он содержал основные принципы сохранения знаменитой системы по управлению Внутренней Монголии, а также закреплял за центральным правительством право контроля над дипломатией, вооруженными силами и иными сферами государственной жизни, сохраняя при этом традиционный уклад хошунной организации. Однако японское проникновение на континент и военные события 1931–1945 гг. сделали Чахар и инструментом достижения своих политических целей различных акторов эпохи, и буферной зоной, по которой зачастую проходила граница сфер влияния, военных столкновений и межцивилизационных (ханьских, монгольских, маньчжурских и японских) контактов.

В 1935–1937 гг. Чахар становится частью автономии, балансировавшей между нанкинским правительством и командованием Квантунской армией в период наиболее острого невоенного противостояния, когда гражданская администрация двух провинций, Хэбэй и Чахара, оказавшихся на границе гоминьдановской и японской зон влияния, уже не справлялась с политическими задачами. На фоне успешной автономизации японцами Восточного Хэбэя (1935–1938 гг.) во главе с генералом-коллаборационистом Инь Жугэном задачи по снижению градуса конфликта и уменьшению японского влияния в регионе оказалось возможным возложить на новую временную политику – Автономию Хэбэя и Чахара и ее главный орган

управления, вошедший в историю как Хэбэйско-Чахарский политический совет. Эта полития претендовала на управление территориями, выходившими за пределы исторической области Чахар, и охватывала еще и бывш. провинцию Чжили (совр. Хэбэй). Автономия Хэбэя и Чахара была своеобразным отступным японскому генералу Кэндзи Доихаре, которому так и не удалось осенью 1935 г. создать «Регион пяти провинций» как инструмент легального выведения из-под су-

Карта провинции Чахар по сост. на 1950 г. (послевоенный период)

веренитета Нанкина обширных пространств Северного Китая. Вслед за провалом этой идеи возникла другая, более скромная по размеру и охвату – о Хэбэйско-Чахарской автономии, которая даже в усеченном виде представляла и реальную силу (ею управлял командующий расквартированной на этих землях 29-й китайской армии генерал Сун Чжэюань), и реальный политический вес – генерал Сун Чжэюань как ее бессменный глава оказался едва ли не единственным политическим и военным функционером того времени, способным наладить эффективный диалог и с японской, и китайской стороной, что позволило отодвинуть военные действия между этими странами на 1,5 года. Административным центром автономии был Пекин, а полномочия Хэбэйско-Чахарского политического совета распространялись на демилитаризованную зону, институционализированную «Перемирием Тангу» 1933 г. и «Соглашением Хэ – Умэдзу» 1935 г. В состав Политического совета входили видные фигуры Северного Китая, включая отставных президентов и других деятелей эпохи Бэйяна, а сам Совет, как и Автономия, были ликвидированы вскоре после начала летом 1937 г. военных действий, приведших обе страны ко Второй японо-китайской войне, сделав Чахар частью государства Мэнцзян.

В качестве провинции Чахар воссоздается после поражения Японии и возвращения подконтрольных ей обширных пространств в состав Китая, однако гражданская война 1947–1949 гг. внесла в очертания границ свои коррективы, а образование в 1947 г. АРВМ существенно уменьшило его территорию. После крушения в конце 1948 г. режима Гоминьдана и его государственных институтов на севере страны по инициативе Народного правительства Северного Китая 19 января 1949 г. провинция Чахар фактически воссоздается с административным центром в г. Чжанцзякоу, также перешедшему в конце 1948 г. под контроль коммунистов. В отличие от Чахара бэйянского и гоминьдановского периодов, послевоенная эпоха внесла коррективы, и под контроль новой политики попали земли преимущественно исторической области Чахар, а административно-территориальное деление предусматривало 2 города (Чжанцзякоу и Датун, позднее отошедший вместе с округой к провинции Шаньси), район

Яньбэй вокруг Датун с 8 уездами и 5 округами, особый район Чанань в границах провинции Сюаньхуа с 11 уездами, а также особый район Чжанбэй с 9 уездами. Образование политики и ее институтов носило временный характер, и после стабилизации ситуации в стране 15 ноября 1952 г. было принято решение об упразднении провинции Чахар и разделе ее территории между провинциями Хэбэй и Шаньси.

2.7. Шилин-Гольский сейм

Физико-географическая характеристика

Географическое положение и административная преемственность

Шилин-Гольский сейм, расположенный в самом центре Внутренней Монголии, в исследуемый период представлял собой классический образец традиционного монгольского кочевого мира, наименее затронутого процессами китайской колонизации. Его обширная территория простиралась от пустынных степей Гоби на юге до границ с Халхой (Внешняя Монголия) на севере. На западе он граничил с Улан-Цабским сеймом, а на востоке — с Чжоудаским и Чжеримским сеймами. Географическая удаленность от основных земледельческих районов Китая и отсутствие крупных транспортных артерий способствовали его длительной изоляции и консервации традиционного уклада. Эта историческая устойчивость нашла отражение и в современном административном делении: территория Шилин-Гольского сейма практически полностью соответствует границам современного аймака Шилин-Гол Автономного района Внутренняя Монголия, что делает его уникальным примером сохранения историко-географической преемственности.

Рельеф и гидрография

Ландшафт сейма представляет собой обширное волнистое плато, являющееся частью Центрально-Азиатского наго-

рья, со средними высотами 1000–1200 м над уровнем моря. Рельеф преимущественно полого-увалистый, с широкими и плоскими межгорными котловинами (по-монгольски «тала» или «газар»). Территорию пересекают невысокие горные гряды (нуру) и сопки, достигающие 1500–1700 м (например, Хангай-нуру на западе). Эти возвышенности, хотя и не являются серьезным препятствием, играют важную роль в распределении осадков и служат естественными рубежами и местами для зимних пастбищ. Южная часть сейма постепенно понижается, переходя в сухие степи и полупустыню Гоби. Крупнейшей котловиной является впадина озера Далайнор (Далай-нур) на северо-востоке.

Гидрографическая сеть региона принадлежит к бессточным областям Центральной Азии, что является ключевой географической характеристикой. Реки здесь маловодны, часто пересыхают летом и промерзают зимой, впадая в соленые озера. Главной рекой является Шилин-Гол, давшая название всему сейму. Она течет с запада на восток через центральную часть территории и впадает в озеро Далайнор. Озера многочисленны, но преимущественно соленые или горько-соленые, мелководные и часто пересыхающие (Далайнор, Буйр-нур, Татсу-Гол). Эта гидрографическая замкнутость и отсутствие крупных рек, выходящих за пределы региона, были одним из главных факторов, ограничивавших возможности для развития земледелия и масштабного заселения.

Климат, почвы и природные ресурсы

Климат Шилин-Гольского сейма — резко континентальный, сухой и экстремальный. Характерна долгая (6–7 месяцев), чрезвычайно суровая и малоснежная зима со средними температурами января –20...–25 °С и морозами ниже –40 °С. Лето короткое (2–2.5 месяца), с жаркими днями и прохладными ночами. Количество осадков скудное (от 150 мм на юге до 250–300 мм на севере), с ярко выраженной летней максимальной концентрацией, что в сочетании с высокой изменчивостью годовых сумм создавало постоянный риск засух («ган»).

Почвенный покров представлен преимущественно каштановыми почвами разной степени выщелоченности. На севере и в центре они более плодородны (темно-каштановые), к югу, на границе с Гоби, сменяются светло-каштановыми, часто солонцеватыми, и бурыми полупустынными почвами. Растительность представлена видами, типичными для сухих дерновинно-злаковых и опустыненных степей, являющихся основой для пастбищного скотоводства. Леса практически отсутствуют.

С точки зрения полезных ископаемых, регион, по данным источников начала XX в., считался бедным. Отмечались лишь месторождения каменного угля низкого качества в восточных предгорьях, а также каменной соли и соды в соленых озерах. Главным и практически единственным экономическим ресурсом региона были его обширные пастбищные земли. Таким образом, совокупность физико-географических факторов — удаленность, суровый климат, ограниченность водных и минеральных ресурсов — делала Шилин-Гольский сейм территорией, малопривлекательной для аграрной колонизации, но в то же время идеально подходящей для сохранения традиционного монгольского кочевого животноводства.

Экономико-географическая характеристика

Демографический ландшафт и этнический состав

В первой половине XX в. Шилин-Гольский сейм оставался одним из наиболее моноэтнических и редконаселенных регионов Внутренней Монголии. Плотность населения здесь была самой низкой (менее 1 человека на квадратную версту). Население было почти исключительно монгольским и кочевым, состоящим из племенных групп, входивших в пять аймаков сейма (Уцзумчины, Хучиты, Суниты, Абага и Абаганары). Китайское (ханьское) население, по свидетельствам современников, было крайне малочисленно и представлено лишь отдельными торговцами в немногих торговых пунктах при крупных монастырях. Маньчжуры присутствовали в качестве единичных чиновников. Отсутствие плодородных земель, пригодных для земледелия, и удаленность

от основных миграционных путей надежно защищали сейм от массовой китайской колонизации, что позволило сохранить здесь традиционную социальную структуру (князья-нойоны, монастырские владения, рядовые скотоводы-араты) и демографический баланс в наибольшей полноте».

Экономическая система: царство экстенсивного скотоводства

Экономика Шилин-Гольского сейма была абсолютно скотоводческой и носила ярко выраженный экстенсивный, кочевой характер, полностью адаптированный к суровым природным условиям.

Скотоводство

Скотоводство было доминирующей и практически единственной отраслью хозяйства. Основные виды скота соответствовали классической «пятерке»: овцы (преобладали по поголовью, 60–70 % стада, давали мясо, молоко, шерсть для войлока), лошади (монгольская порода, жизненно важные для кочевья и как статусный символ), крупный рогатый скот (в основном яки и хайнаки, использовались как вьючные животные), козы (давали ценный кашемировый пух) и верблюды-бактрианы (основное вьючное животное на юге, у границ с Гоби). Хозяйство было организовано по принципу строго сезонных кочевий: летом стада перегонялись на северные, более влажные пастбища, зимой — на южные, малоснежные склоны, защищенные от ветров. Экономика была крайне уязвима к климатическим бедствиям, прежде всего к «дзуду» — массовому падежу скота от бескормицы после снежных бурь.

Карты Шилин-Гольского сейма из «Материалов по Маньчжурии и Монголии» (1906 г.)

Земледелие и промыслы

Земледелие практически отсутствовало. Климатические условия (короткий вегетационный период, засухи) и кочевой уклад делали его невозможным для аратов. Единичные очаги примитивного огородничества (посевы ячменя, проса) существовали лишь при крупных буддийских монастырях для нужд ламства. Промыслы носили вспомогательный характер и были направлены на удовлетворение собственных нужд: добыча соли и соды из озер, охота на пушного зверя (тарбаган, корсак, волк) и мясную дичь (дзерен), а также сбор дикоросов.

Инфраструктура и торговля: изолированный мир караванных троп

Инфраструктурная и экономическая изоляция была главной характеристикой Шилин-Гольского сейма.

Торговля

Постоянных городов и крупных торговых центров в сейме не было. Торговля носила преимущественно меновой характер и была сосредоточена в нескольких точках: в крупных монастырях (например, Бейлинг – Белэгэй) во время религиозных праздников и во временных ставках князей-нойонов. Скот и продукты скотоводства (живой скот, шерсть, кожи, соль) обменивались на привозные товары оседлого мира (кирпичный чай, ткани, табак, металлоизделия, мука). Торговля велась через китайские передвижные фактории («Цюйхао»), которые кочевали вместе с аилами, и контролировалась китайским капиталом. Русские купцы из Кяхты имели лишь ограниченный доступ через Внешнюю Монголию.

Транспорт

Транспортная система была основана исключительно на вьючных караванных тропах. Основным средством передвижения были верблюды, лошади и волы. Полное отсутствие колесных дорог, мостов и, тем более, железных дорог делало передвижение, особенно в период распутицы и зимних снегов, крайне затруднительным. Основные торговые пути-направления вели на юг — к Калгану (через Гобийские сеймы), на восток — к центрам Чжоудаского сейма, на запад — к Гуйсую, и на север — в Ургу и к русской границе. Эта транспортная изоляция, с одной стороны, способствовала консервации уникального кочевого мира, но с другой — обрекала регион на экономическую отсталость и зависимость от внешних рынков.

Политическая характеристика и история

Шилин-Гольский (или Силин-Гольский) сейм – единственная из древних родовых административно-территориальных ин-

ституций, которая сохранилась в Новом Китае как в названии территории, так и в ее исторических границах, изменив лишь статус – сегодня это не сейм, а аймак в составе двух древних городских уездов, одного уезда и девяти хошунов.

Находясь на пересечении торговых путей, эта территория всегда была объектом борьбы за влияние китайских империй/династий со своими северными соседями – кочевыми племенами, части из которых на различных исторических этапах удавалось сформировать собственную государственность и включить на какое-то время земли Шилин-Гола в орбиту своего влияния.

Впервые визуализировать территорию Шилин-Гола удалось отечественным военным на ретроспективных картах, помещенных в подготовленные по заданию Генерального Штаба офицерами Заамурского округа Отдельного корпуса Пограничной стражи и выпущенные в 1906–1909 гг. сборники различного объема с грифом секретности «Материалы по Маньчжурии и Монголии», «Материалы по Маньчжурии, Монголии и Китаю», «Материалы по Маньчжурии, Монголии, Китаю и Японии». Так, в выпуске 4 впервые показано расположение как самого Шилин-Гольского сейма, так и одного из его аймаков – Узумучин, с двумя хошунами – Цзун и Барун. А в выпуске 16 Шилин-Гол представлен в устоявшихся границах и в составе Сунитского, Абагаского (Абага-Царского), Хучитского и Узумучинского аймаков.

Под управлением сейма находились 5 аймаков, каждый из которых состоял из 2 хошунов – правой и левой руки (крыла):

1. Сунитский аймак на востоке граничил с аймаком Абага, на западе – с аймаком Дурвэнь-Хубут/Дурбэнь-Хухет Улан-Цабского сейма, на юге – с Чахаром, а на севере – с Халхой. В эпоху империи/династии Ранняя/Западная Хань территория аймака образовывала северные пределы областей Шан-гу и Дай-цзюнь; в эпоху империи/династии Поздняя/Восточная Хань здесь поселяются племена Ухуань и Сяньби; в период Северных и Южных династий эпохи империи/династии Цзинь были частью владений рода Тоба; в эпоху империи/династии Суй и в начале эпохи Тан отошли к орхонским тюркам – Тюкуэ;

в эпоху империй/династий Ляо и Цзинь это был округ Фу-чжоу; в эпоху империи/династии Юань – часть области Син-хэ-лу; в эпоху империи/династии Мин отошла к монголам. В аймаке – 2 хошуна:

1.1. Барун-сунитский хошун цзасака туруйнь-дурэн-хэ-цзюнь-вана – у Матусовского, Знамя правого крыла – у Попова, Барун-Сунит – у Коростовца и у Сурина (№ 97). Уходя из-под власти Чахарского ханства, дзасак сначала откочевал на север от Хангая в халхаский аймак Сэцэн-Хана, а в 1638 г. его сын принял подданство империи Цин, за что получил в 1642 г. титул. В составе хошуна – 13 сомонов/эскадронов/рот.

1.2. Цзун-сунитский хошун цзасака туруйнь-хэ-цзюнь-вана – у Матусовского, Знамя левого крыла – у Попова, Цзун-Сунит – у Коростовца и у Сурина (№ 98). Местный властитель, родственник тумэтским ханам, утратив свой ханский титул, сначала признал власть над собой Чахарского ханства, затем откочевал в халхаский аймак Цэцэн-Хана, а в 1639 г. его сын признал над собой суверенитет империи Цин. В 1640 г. взял в жены родственницу императора, а в 1641 г. получил титул. В 1646 г. в сговоре с Тушэту-Ханом и Сэцэн-Ханом поднял восстание против маньчжуров, за что был разбит в бою, бежал в долину р. Селенга и лишился жены, которая была возвращена ко Двору. В 1648 г. дзасак раскаялся и просил вернуть маньчжурское подданство, однако сделано это было только в отношении наследовавшего ему брата, после смерти которого титул получили его дети от брака с императорской родственницей. В составе хошуна – 20 сомонов/эскадронов/рот.

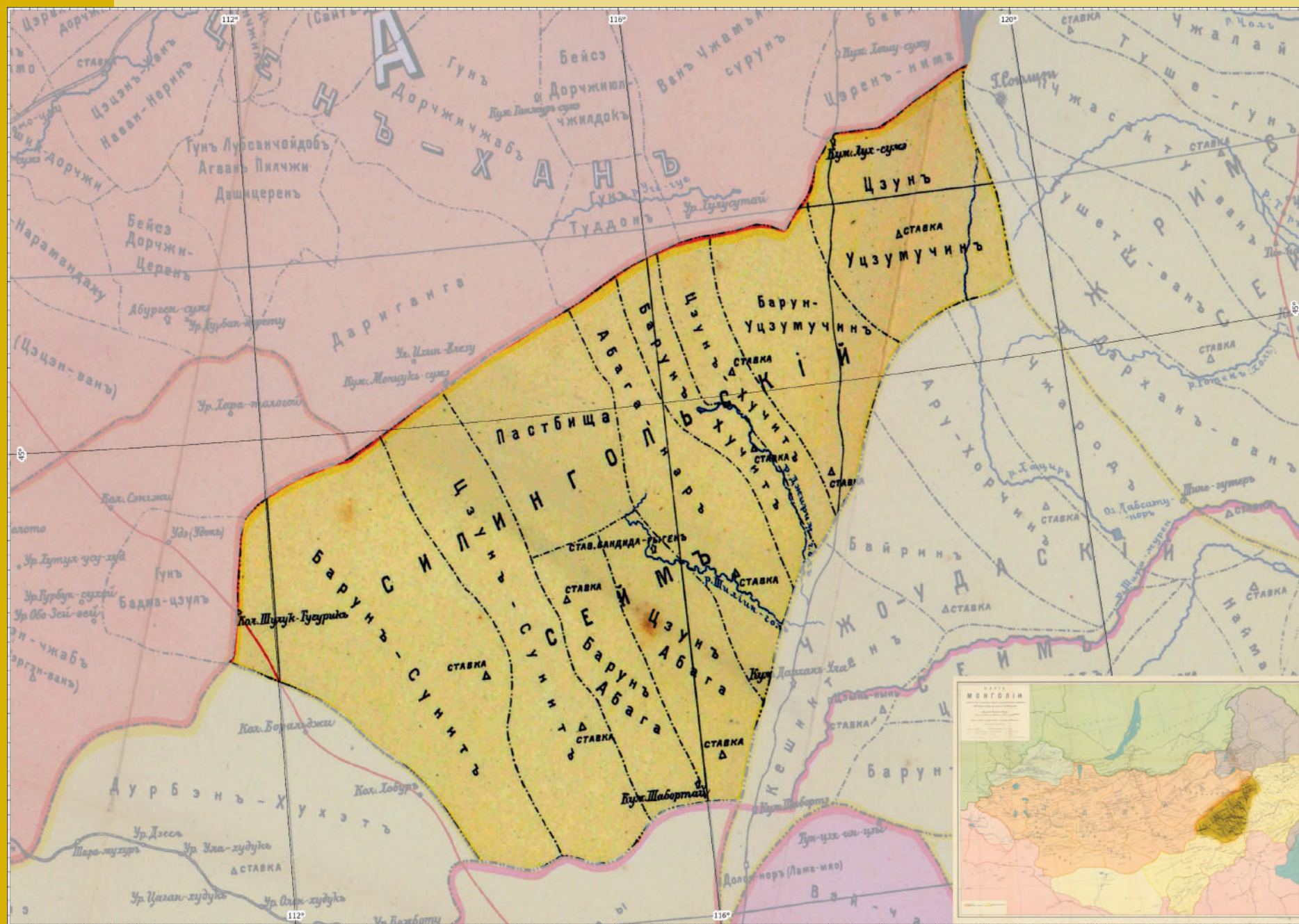
2. Аймак Абага. На востоке граничил с аймаком Абаганор, на западе – с Сунитским аймаком, на юге – с Чахаром, а на севере – с Халхой. В период Северных и Южных династий эпохи империи/династии Цзинь были частью владений рода Тоба; в эпоху империи/династии Суй и в начале эпохи Тан отошли к орхонским тюркам – Тюкуэ; в эпоху империи/династии Ляо составляли западную часть провинции Шан-цзин; в эпоху

империи/династии Цзинь – северо-западную часть провинции Бэй-цзин-лу; в эпоху империи/династии Юань входили в состав провинции Шан-цзин, а в эпоху империи/династии Мин отошли к монголам. В аймаке – 2 хошуна:

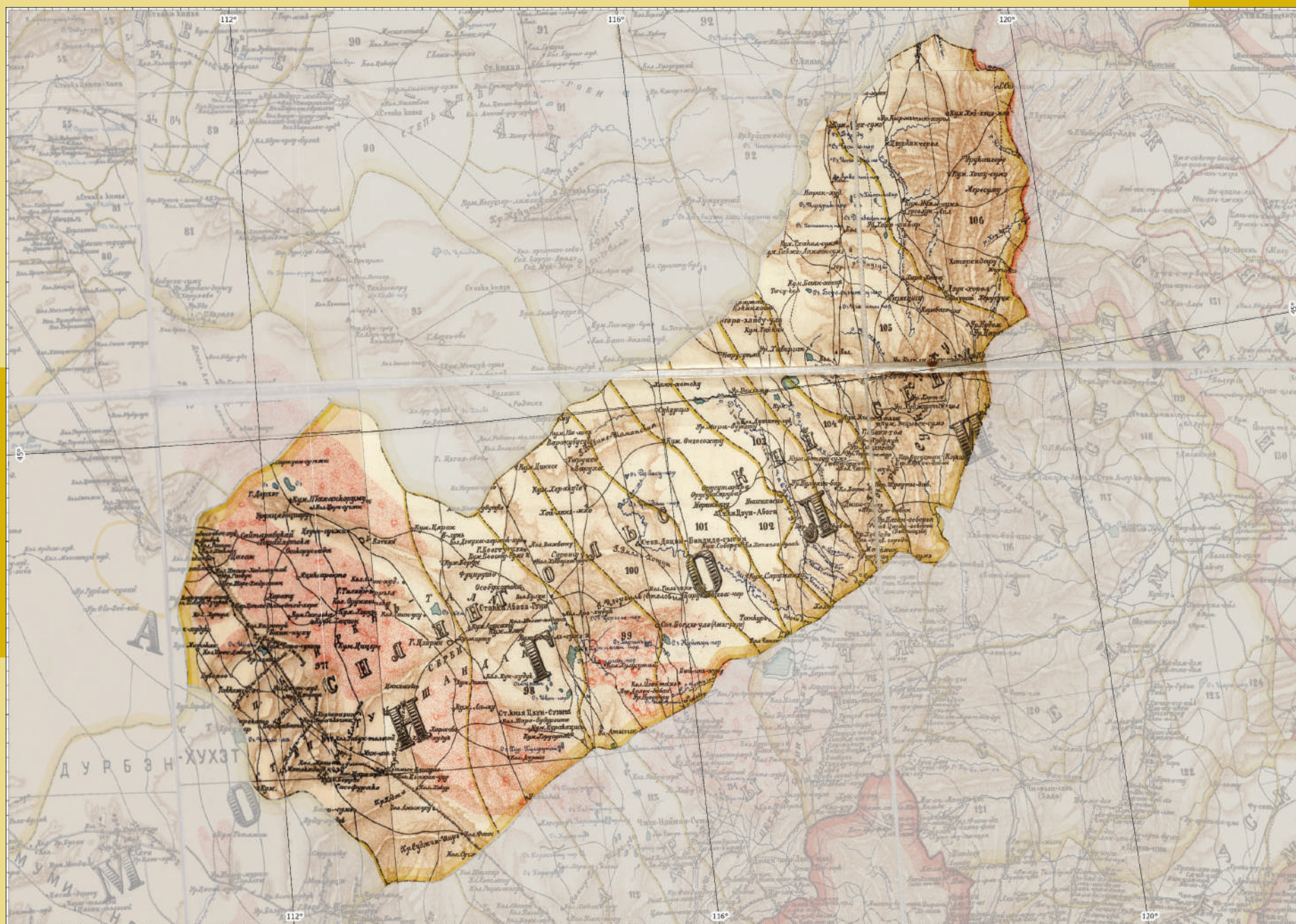
2.1. Цзун-абагаский хошун цзасака туруйнь-хэ-цзюнь-вана – у Матусовского (возможно, ошибка, хотя количество эскадронов (рот – у Попова) одинаковое, Барун – правое знамя, а Цзун – левое, однако титулатура дзасака и у Матусовского, и у Попова совпадают), Знамя правого крыла – у Попова, Барун-Абага – у Коростовца, Барун-Абага-ван – у Сурина (№ 99). Дзасак, изначально титуловавшийся как батур-цзинун, уклоняясь от подданства Чахарскому ханству, сначала откочевал на север, а в 1641 г. принял подданство империи Цин и получил титул. В составе хошуна – 11 сомонов/эскадронов/рот.

2.2. Барун-абагаский хошун цзасака туруйнь-зорикту-хэ-цзюнь-вана – у Матусовского (возможно, ошибка, хотя количество эскадронов (рот – у Попова) одинаковое, Цзун – левое, а Барун – правое знамя, однако титулатура дзасака и у Матусовского, и у Попова совпадают), Знамя левого крыла – у Попова, Цзун-Абага – у Коростовца, Цзун-Абага – у Сурина (№ 100). Находясь в подданстве Чахарского ханства, откочевал в Цэцэн-Ханский аймак Халхи, в 1639 г. принял подданство империи Цин и в 1641 г. был возведен в достоинство. В составе хошуна – 11 сомонов/эскадронов/рот.

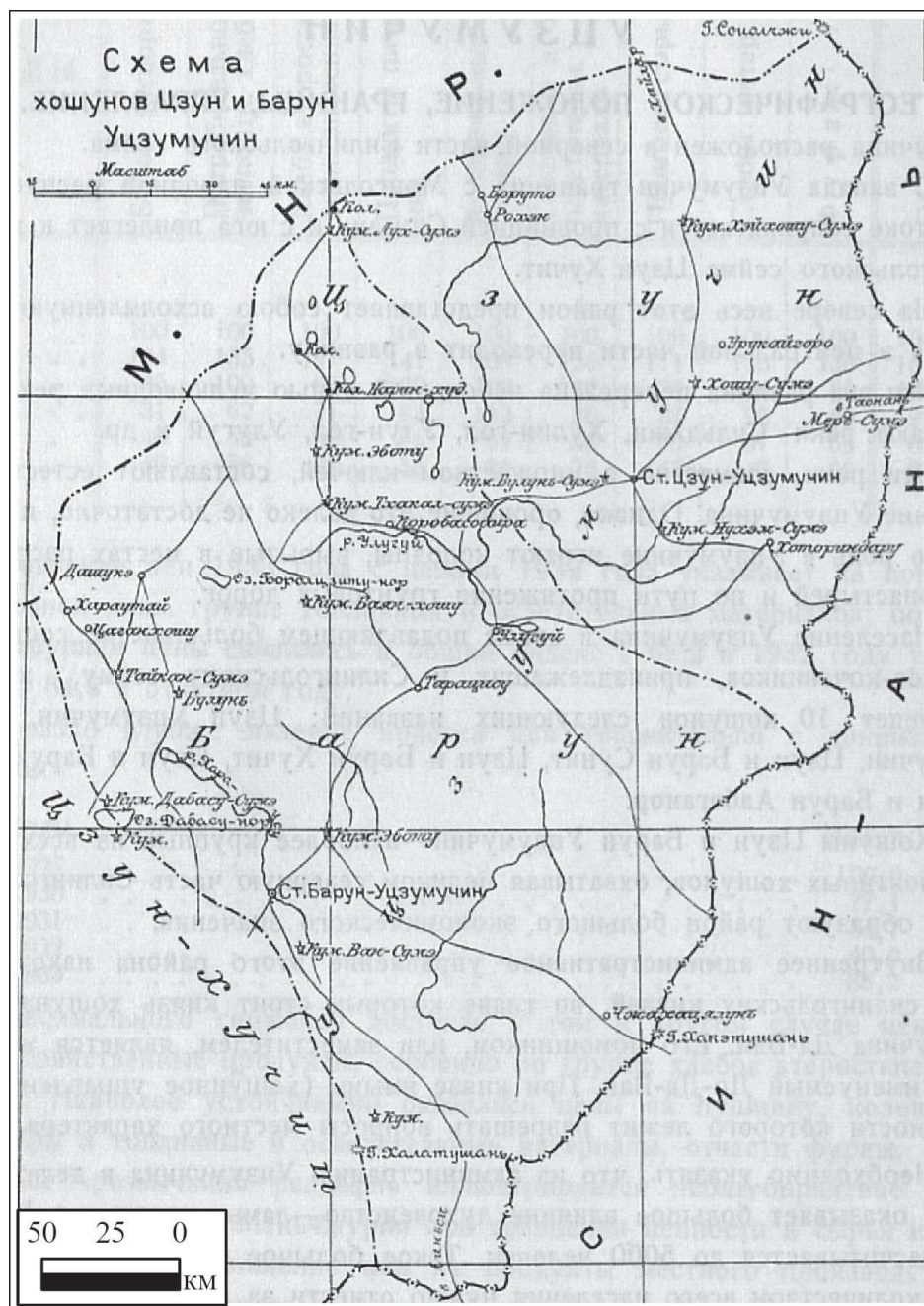
3. Абаганорский аймак, аймак Абаганар – у Попова, Абаганар – у Коростовца. На востоке граничил с Хучитским аймаком, на западе – с аймаком Абага, на юге – с Кешиктэном, на севере – с Халхой. В эпоху империи/династии Хань эти земли составляли северную часть области Шан-гу; в период Северных и Южных династий эпохи империи/династии Цзинь были частью владений рода Тоба; в эпоху империи/династии Суй и в начале эпохи Тан отошли к орхонским тюркам – Тюкуэ; в эпоху империи/династии Ляо составляли западную часть провинции Шан-цзин; в эпоху империи/династии Цзинь – северо-западную

Шилин-Гольский сейм на карте Монголии И. Я. Коростовца

Шилин-Гольский сейм на карте Монголии В. И. Сурина

Карта аймака Узумучин из работы Э.Л. Теслера (1934 г.)

часть провинции Бэй-цзин-лу; в эпоху империи/династии Юань отошли к монголам. В аймаке – 2 хошуна:

3.1. Цзун Абаганарский хошун цзасака хошунай-бэйсэ – у

Матусовского (возможно, ошибка, поскольку 9 эскадронов (рот – у Попова) имело правое знамя, Барун, а 7 – левое, Цзун), Знамя правого крыла – у Попова, на карте Коростовца аймак Абаганар не делится на хошуны, Барун-Абаганор – у Сурина (№ 101). Маньчжурское подданство принято в 1655 г. В составе хошуна – 9 сомонов/эскадронов/рот.

3.2. Барун Абаганарский хошун цзасака туруйнь-бэйлэ – у

Матусовского (возможно, ошибка, поскольку 7 эскадронов (рот – у Попова) имело левое знамя, Цзун, а 9 – правое, Барун), Знамя левого крыла – у Попова, на карте Коростовца аймак Абаганар не делится на хошуны, Цзун-Абаганор – у Сурина (№ 102). Маньчжурское подданство принято в 1666 г. В составе хошуна – 7 сомонов/эскадронов/рот.

4. Хучитский аймак (Хаоцитский аймак – у Попова). На востоке граничит с Уцзумучинским аймаком, на западе – с Абаганарским аймаком, на юге – с Кешиктэнским аймаком, а на севере простирается до границ с Халхой.

При Ляоской династии земля, занимаемая ныне этим аймаком, составляла западные пределы провинции Шан-цзин, при династии Гинь входила в состав провинции Бэй-цзин-лу, при Юаньской она принадлежала к провинции Шан-ду, а при Минской отошла к монголам. После Туру-болота, потомка Чингисхана в 16-м поколении, власть над этой землей перешла к Худэнь-хану, который и дал аймаку его настоящее название. В аймаке – 2 хошуна:

4.1. Хучитский хошун цзасака, туруйнь-эрдэни-хэ-

цзюнь-вана – у Матусовского, Знамя правого крыла – у Попова, Барун-Хучит – у Коростовца и у Сурина (№ 103). Ища убежища от Чахарского ханства, мать малолетнего цзасака сначала обратилась за подданством к халхаскому Цэцэн-Хану, но в 1651 г. повзрослевший князь принял подданство империи Цин и в 1653 г. был

возведен в достоинство. В составе хошуна – 5 сомонов/эскадронов/рот.

4.2. Хучитский хошун цзасака, туруйнь-хэ-цзюнь-вана – у Матусовского, Знамя левого крыла – у Попова, Цзун-Хучит – у Коростовца и у Сурина (№ 104). Также, как и сородичи, пытаюсь уклониться от Чахарского ханства, цзасак сначала искал подданства у халхаского Цэ-цэн-Хана, в 1637 г. принял подданство империи Цин и в 1646 г. был возведен в достоинство бэйлэ, а в 1650 г. – цзюнь-вана. В составе хошуна – 5 сомонов/эскадронов/рот.

5. Уцзумучинский аймак, Учжумучинский аймак – у Попова. На востоке граничил с солонами, на западе – с аймаком Хучит, на юге – с аймаками Байрин и Ару-Хорчин и на севере – с Халхой, выходя на пустыню Гоби. В эпоху империи/династии Ляо эта территория была северной частью провинции Шан-цзин; при империи/династии Цзинь здесь была провинция Бэй-цзин; при империи/династии Юань эти земли входили в состав провинции Шан-ду, а при империи/династии Мин отошли к монголам. В аймаке – 2 хошуна:

5.1. Учжумучинский хошун цзасака туруйнь-эрдэни-бэйлэ – у Матусовского, Знамя правого крыла – у Попова, Барун-Уцзумучин – у Коростовца и у Сурина (№ 105). Маньчжурское подданство принято в 1637 г., возведение в достоинство осуществлено в 1646 г. В составе хошуна – 9 сомонов/эскадронов/рот.

5.2. Учжумучинский хошун цзасакахошой-сэцэн-цин-вана – у Матусовского, Знамя левого крыла – у Попова, Цзун-Уцзумучин – у Коростовца и у Сурина (№ 106). Цзасак сначала признал над собой власть Чахар, однако затем, вследствие конфликта с Линдан-Ханом, вместе с своим племянником перекочевал на север Гоби и опирался на Халху. В 1634 г. прибыл ко Двору маньчжурского императора, получив в 1637 г. титул. В составе хошуна – 21 сомон/эскадрон/рота.

В отличие от других сеймов, имевших стабильные название по местам своего собора, шилин-гольские цзасаки вплоть до

второй трети XVIII в. меняли дислокацию и на некоторое время делили его с цзасаками Тушету-Ханского аймака Внешней Монголии/Халхи. Лишь в период с 1706 по 1710 г. император Канси определяет местом встречи со своими подданными долину р. Шилин-Гол, что дает название сейму и входит в привычный внутримперский обиход.

Что касается периода Китайской Республики (1912–1949 гг.), то в это время Шилин-Гольский сейм входит в состав сначала особого района, затем – провинции Чахар. Наиболее драматичный этап и в истории Внутренней Монголии Новейшего времени, и в истории современного Шилин-Гола – период японского присутствия на континенте, когда сначала как автономия в составе Китайской Республики (1934–1937 гг.), затем – как автономное Монгольское государство (Монгол-Го, 1937–1939 гг.), претендующее на независимость (и на короткий миг получившее его осенью 1939 г. – весной 1940 г.), и наконец – как автономия в составе альтернативной Китайской Республики под управлением Ван Цзинвэя под названием Мэнцзян.

После поражения Японии во Второй мировой войне эти земли были возвращены Китаю, а старинная система управления была восстановлена. В 1947 г. сейм включается в состав АРВМ и более не подчиняется властям провинции Чахар, которая значительно уменьшается по сравнению с довоенным периодом. При этом внешние границы Шилин-Гола сохраняли удивительную стабильность в течение рассматриваемого периода и их актуальный вид практически полностью совпадает с историческим, за исключением южной части – к землям современного аймака относится часть северных территорий бывшего аймака Чахар. В административно-территориальном отношении бывший сейм (в границах, задокументированных на карте В.И. Сурина, 1925 г.) ныне разделен на хошуны Абга-Ци (39694,3 км²), Дун-Уджимчин-Ци (66749,8 км²), Си-Уджимчин-Ци (46926,1 км²), Сунид-Цзоци (63740,4 км²), Сунид-Юци (35079,8 км²), Хобот-Шара (134,4 км²), Шулун-Хобот-Цаган (10,5 км²), Шулун-Хух (115,5 км²) и два городских уезда – Шилин-Хото (27888,2 км²) и Эрэн-Хото (353,4 км²). Несмотря на череду политических преобразований и изменения статуса

региона, традиционные формы управления, адаптируясь к новым условиям, сохранились на местном уровне до настоящего времени. Шилин-Гол, пройдя через этапы включения в состав провинции Чахар и пережив период японского вмешательства, демонстрирует уникальный пример устойчивости и гибкости традиционных институтов власти в условиях модернизации и внешнего давления.

2.8. Чахар и Тумэт

■ Физико-географическая характеристика

Географическое положение и административная преемственность

Чахарский и Тумэтский аймаки, в отличие от шести самоуправляемых сеймов, представляли собой не внутренние монгольские территории, а стратегический пограничный пояс, непосредственно примыкавший с севера к Великой Китайской стене. Их земли образовывали протяженную дугу, которая служила «предпольем» и буферной зоной для столичной китайской провинции Чжили (Хэбэй) и провинции Шаньси. Эта исключительная географическая близость к политическим и экономическим центрам Внутреннего Китая была ключевым фактором, который предопределил их особый военно-административный статус, интенсивный характер хозяйственного освоения и, в конечном счете, их судьбу как плацдарма для дальнейшей административной интеграции всех монгольских земель. В республиканский период именно на основе этих территорий, дополненных частями соседних сеймов и китайских провинций, были созданы Особые районы Чахар и Суйюань, ставшие авангардом нового административного порядка.

Чахарский аймак занимал восточную и центральную часть этого пояса. Его земли простирались к северу от Великой стены, напрямую прикрывая подступы к Пекину. Его военно-административным и главным торговым центром был город Калган (Чжанцзякоу). Этот город, расположенный в одном из важней-

ших проходов в Стене, исторически функционировал как главные «ворота» из Китая в Монголию и далее в Россию, что делало его ценнейшим стратегическим пунктом.

Тумэтский аймак располагался западнее, занимая территорию между Улан-Цабским сеймом, Ордосом и северной границей провинции Шаньси. Его центром политического и экономического притяжения был город Гуйсуй (Гуйхуачэн, совр. Хух-Хото), также являвшийся крупным и давним центром китайской торговли в монгольских степях.

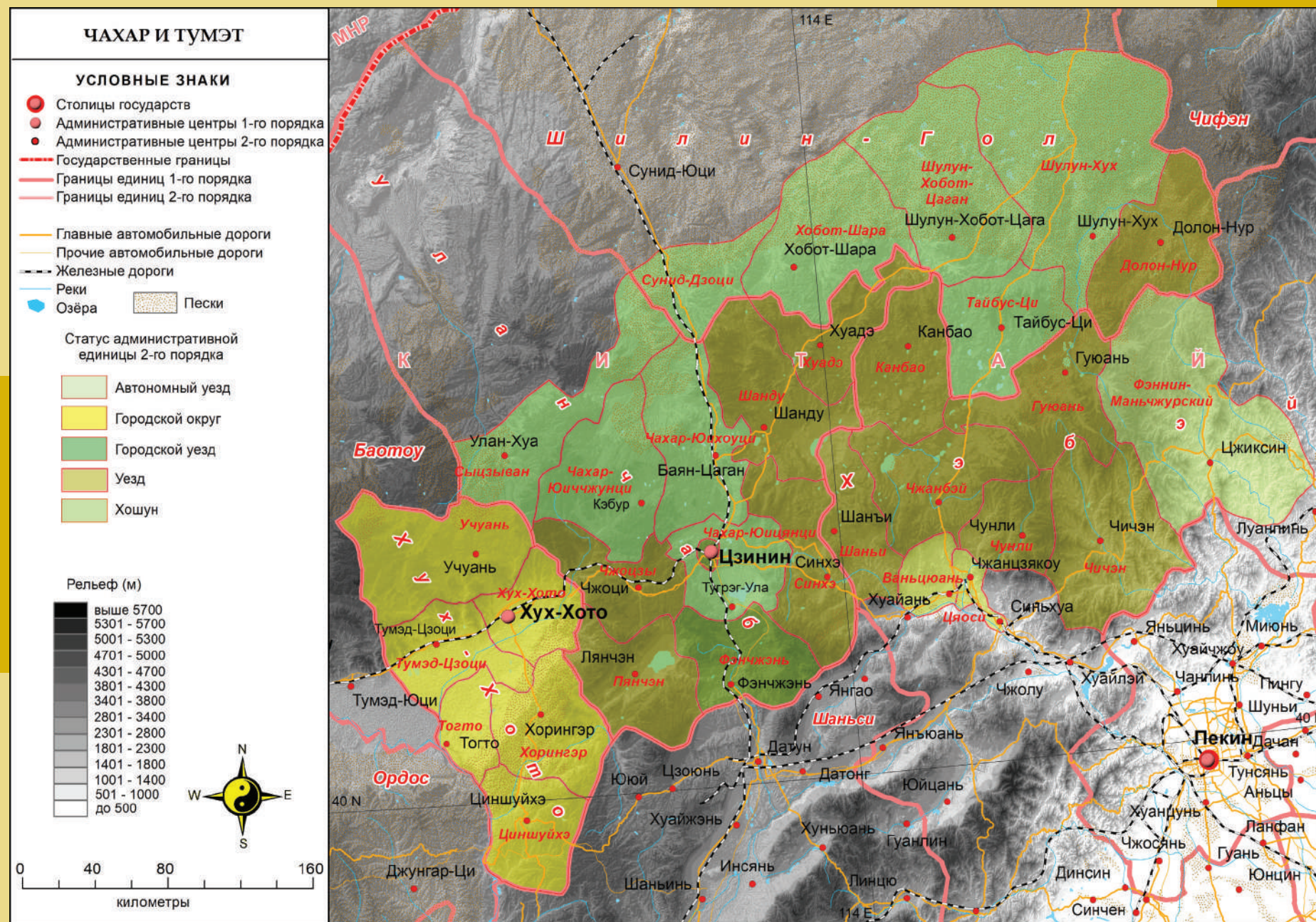
Рельеф и гидрография

Ландшафт этих аймаков носил ярко выраженный переходный характер, отражая их пограничное положение. На юге доминировали предгорья и северные отроги хребта Иньшань, которые постепенно, по мере продвижения на север, сменялись обширными волнистыми степными и лесостепными равнинами и плато. Рельеф был преимущественно холмистым и сильно расчлененным речными долинами, что создавало мозаичную картину ландшафтов, где участки, удобные для пастбищного скотоводства, чередовались с долинами, идеально подходящими для богарного земледелия. Эта географическая особенность способствовала не вытеснению одного хозяйственного уклада другим, а их сложному, часто конфликтному, сосуществованию.

Гидрографическая сеть была развита значительно лучше, чем в более засушливых Шилин-Голе или Ордосе, но уступала Маньчжурии. Она представлена в основном небольшими реками, берущими начало на северных склонах Иньшаня, такими как Шан-ту-хэ и Хэй-хэ. Эти реки, хотя и не имели серьезного транспортного значения (многие из них были сезонными), играли важнейшую роль как источники воды для населения, скота и очагового орошения, делая их долины наиболее ценными и освоенными землями.

Климат, почвы и природные ресурсы

Климат, как и в соседних регионах, был резко континентальным и засушливым, но в целом более мягким и влажным

Современные государственные и региональные границы на территории аймаков Чахар и Тумэт (по сост. на 1925 г.)

по сравнению с внутренними сеймами. Близость к горам Иньшань, задерживавшим часть влаги, обеспечивала большее количество осадков, особенно в южных, предгорных районах. Это создавало относительно благоприятные условия для неполивного земледелия.

Почвы на этих территориях были разнообразны и отличались более высоким плодородием, чем в центральной и западной Монголии. Здесь были широко распространены каштановые и черноземные почвы, которые, при достаточном количестве влаги, давали хорошие урожаи. Именно наличие этих пригодных для распашки земель, в сочетании с близостью к перенаселенным китайским провинциям, сделало Чахар и Тумэт первыми и главными объектами китайской аграрной колонизации. Исторически эти земли покрывали богатые разнотравные степи, которые служили прекрасными пастбищами и были основой для хозяйства, специализировавшегося, как в Чахаре, на содержании элитных императорских табунов. Природные ископаемые, по данным источников, в пределах исторических аймаков Чахар и Тумэт не играли значительной роли, хотя в предгорьях и имелись выходы каменного угля. Главным и оспариваемым ресурсом здесь была земля. Совокупность этих факторов — стратегическое приграничное положение, наличие плодородных земель и относительная доступность водных ресурсов — предопределила судьбу Чахарского и Тумэтского аймаков как зоны наиболее раннего и глубокого синтеза (и конфликта) монгольского кочевого и китайского земледельческого миров.

Экономгеографическая характеристика

Демографический ландшафт и этнический состав

В первой половине XX в. Чахар и Тумэт представляли собой регионы интенсивного межэтнического взаимодействия, где процессы китаизации проявились раньше и глубже, чем в самоуправляемых сеймах. Демографический ландшафт здесь был сложным и динамичным, отражал многовековую историю контактов на границе степи и пашни.

Хотя монголы (чахары и тумэты) являлись коренным населением, их доля в общей численности неуклонно сокращалась. В отличие от жителей изолированных сеймов, они давно были вовлечены в тесные контакты с китайским миром. Многие из них, особенно в Тумэтском аймаке, как отмечали современники, перешли к полuosедлому и даже оседлому образу жизни, сочетая скотоводство с земледелием. Это приводило к постепенной утрате традиционного уклада и, по словам исследователей того времени, к сильной культурной и даже языковой ассимиляции.

Китайские переселенцы составляли значительную, а в некоторых районах и преобладающую часть населения. Процесс колонизации здесь начался значительно раньше, чем в других частях Внутренней Монголии, и носил как стихийный, так и организованный характер. Китайцы концентрировались в городах, таких как Калган и Гуйсуй, и плотно заселяли наиболее плодородные долины, занимаясь земледелием, торговлей и ремеслами.

Экономическая система: принудительный синтез хозяйственных укладов

Экономика Чахара и Тумэта характеризовалась не просто столкновением, а уже глубоким проникновением и синтезом двух хозяйственных систем, который часто носил принудительный характер, диктуемый китайской администрацией и экономическим давлением.

Трансформация скотоводства

Традиционное кочевое скотоводство хотя и сохранялось, было сильно трансформировано. В Чахаре оно было встроено в имперскую систему и специализировалось на содержании государственных (императорских) табунов и стад. Это была уже не свободная кочевая экономика, а своего рода государственная служба. В обоих аймаках по мере сокращения пастбищных угодий из-за распашки скотоводство становилось все более оседлым и интенсивным.

Доминирование земледелия

Земледелие, ведомое китайскими колонистами, стало доминирующей отраслью, особенно в южных, прилегающих к Стене районах. Выращивались традиционные для Северного Китая культуры: просо, гаолян, пшеница, бобы. Именно аграрный потенциал этих земель, как отмечалось в китайских официальных документах, был главной причиной целенаправленной государственной политики по их освоению, начавшейся еще в 1904 г. с учреждения Калганского Колонизационного Управления.

Инфраструктура и торговля: ворота в Монголию

Благодаря своему географическому положению, Чахар и Тумэт играли роль главных экономических ворот, через которые осуществлялась торговля между Внутренним Китаем и Монголией.

Торговля

Ключевыми и крупнейшими торговыми центрами всей Внутренней Монголии были Калган и Гуйсуй. Калган, как отмечалось в отчетах того времени, был главным центром мировой торговли монгольским сырьем (шерсть, кожи, пушнина) и одновременно главным пунктом, через который в Монголию поступали китайские товары (чай, ткани, мануфактура). Торговля здесь была полностью в руках китайских купеческих гильдий (особенно из Шаньси).

Транспорт

Основой транспортной системы служили великие караванные тракты, расходившиеся веером от Калгана и Гуйсуя на север и запад. Именно здесь начинался главный путь на Ургу и в Кяхту. Решающее значение для экономики Тумэтского аймака имело строительство железной дороги Пекин–Суйюань, которая, достигнув Гуйсуя, еще сильнее интегрировала его в экономическое пространство Северного Китая. Отсутствие прямого железнодорожного сообщения с Калганом (до постройки ветки в более поздний период) было фактором, сдер-

Смешанное
земледелие
и выпас скота.
The Geographical
Journal. 1938. Vol. 91,
No. 1

Mixed grazing and farming land: southern pastures of Chahar Mongols now colonized by Chinese

Уступ Внутренне-
Монгольской
платформы, перевал
из Калгана.
The Geographical
Journal. 1938. Vol. 91,
No. 1

The escarpment of the Inner Mongolian plateau: the pass from Kalgan to the Chahar pastures

Пахотные земли
в бывшей степи,
провинция Суйюань.
The Geographical
Journal. 1938. Vol. 91,
No. 1

Good steppe converted into poor farmland, in the northern part of the former Tümet territory in the province of Suiyüan

живавшим его развитие по сравнению с портами Маньчжурии, но не умаляло его роли как главного центра караванной торговли.

■ Политическая характеристика и история

Чахар и Тумэт (у Коростовца и Сурина – Туметы) представляли собой аймаки без традиционного для остальных монгольских земель управления: они не входили в состав сеймов и не имели собственных дзасаков и соответствующей администрации, в связи с чем на каждом из них следует остановиться отдельно.

Чахар в качестве аймака был образован в ядре Чахарского ханства, долгое время существовавшего на стыке монгольской и ханьской цивилизационных зон, и ликвидированного в середине 1630-х гг. первыми маньчжурскими властителями Китая. В отличие от других аймаков, Чахар с 1675 г. управлялся военным чиновником – Чахар-датуном, назначаемым из столицы Маньчжурской империи, тогда как общее управление этими землями осуществляло Лифаньюань через специальное подразделение – Дань-шу-сы.

Само же новое образование по-прежнему называлось «Чахар», или «Восьмизнаменный Чахар», сохраняя некую историческую, но не институциональную преемственность некогда грозной империи Северная Юань. Резиденцией датуна в 1761 г. стал г. Чжанцзякоу (Калган), позднее превратившийся в крупный торговый центр, также оказавшийся на перекрестке цивилизационных зон и важнейших торговых путей.

Географическая близость к центру империи Цин способствовала ускорению ассимиляции, а властные структуры были полностью интегрированы в маньчжурский государственный механизм, хотя и сохраняли старинные названия, 4 хошуна – Гули, различаемые между собой по цвету знамени (по Сурину): красного — **Гули-улан** (Гуль-улан, № 109), жёлтого — **Гули-шара** (Гуль-шара, № 110), белого — **Гули-цаган** (Гуль-цаган, № 112), синего — **Гули-хуху** (Гуль-хуху, № 114); и другие аналогично 4 хошуна – Хуботу, различаемые между собой также по цвету зна-

мени: красного с каймой – **Хуботу-улан** (Кувот-улан, № 108), желтого с каймой – **Хуботу-шара** (Кувот-шара, № 111), белого с каймой – **Хуботу-цаган** (Кувот-цаган, № 113) и синего с каймой – **Хуботу-хуху** (Кувот-хуху, № 107).

Как наиболее привилегированная часть монгольского социума, пользовавшаяся особенно милостью императоров, чахарская знать отвечала за императорские стада: так Иакинф Бичурин указывал на наличие 120 чахарских пастухов, а упоминаемые в разделе 2.6. 4 пастбища – хошуна, которые обычно назывались: Адучин (табунщики), Ухрчин (пастухи рогатого скота), Хончин (пастухи овец) и Темечин (пастухи верблюдов), освобождались от податей, облагались воинской повинностью и выставляли особое чахарское войско. Однако для китайской стороны Чахар был привлекателен не военным, а экономическим потенциалом и обширными пространствами, способными в короткий промежуток времени быть преобразованными из пастбищ в пахотные поля. Несмотря на то что на начало XX в. активно колонизировалась значительная часть земель на востоке Внутренней Монголии (в первую очередь этот процесс коснулся хошунов Чжеримского сейма: Дурбета, Северного Горло-са, Чжалайта и Чжасайту (Хорчинского правого крыла передний хошун)), Чахару этой судьбы избежать не удалось. Вслед за восточными монголами чахарским и харачинским монголам было вменено в обязанность выкупать земли, которые уже по праву принадлежали им ранее, что означало фактическую ликвидацию этих княжеств ввиду вывода из-под власти местных князей значительной части земель. Здесь, в 1904 г. было основано Калганское Главное Колонизационное Управление Чахарского Левого Крыла (Ча-ха-эрр цзо-и кэнь-ву чжан-цзя-коу цзун-цзюй), однако с началом Синьхайской революции 1911–1912 гг. колониционные управления были переданы под контроль министерства земледелия и торговли Китайской Республики, а начальником их по совместительству назначался провинциальный комиссар из этого ведомства.

Революционные события оказывали влияние на изменение статуса этих земель постепенно. Так, административно-территориальное устройство Китая, после провозглашения

в 1912 г. республики, формировалось на основе Конституции от 11 марта 1912 г., где значилось, что территорию Китайской Республики составляли 22 провинции, Внутренняя и Внешняя Монголия, Тибет и Цинхай. Новая Конституция 1914 г. закрепила, что территория Китайской Республики включала в себя всю бывшую империю Цин. Органы управления оставались прежними, а национальные окраины не упоминались. Таким образом, к началу Синьхайской революции 1911–1912 г. аймак Чахар находился на волне глубоких территориальных трансформаций, а в период республики входил в состав особого района/провинции Чахар.

Ситуация изменилась к середине 1930-х гг., когда японцы, до этого присутствовавшие в Маньчжурии, стали продвигаться вглубь континента. В этот драматичный и кровопролитный для Китая и Внутренней Монголии период с 1937 по 1945 г. историческая область Чахар, находясь в центре японо-китайского противостояния, становится ареной ожесточенной борьбы. Вдоль границы российской/советской сферы специальных интересов японцы стремились создать цепь автономных режимов во главе с председателями местных элит, конструируя, с одной стороны, антикоммунистический буфер, а с другой – закрепляясь в регионе. Поэтому Чахар с населением ок. 500 тыс. монголов как одна из приграничных областей в полной мере испытал весь негатив японского присутствия, поскольку для Квантунской армии существовала потенциальная угроза со стороны СССР, в связи с чем японцы стремились обезопасить свой левый фланг с целью исключить возможность вторжения с этой стороны. Однако, чтобы не вызвать активное вмешательство международного сообщества, автономные режимы сохраняли свою формальную подчиненность центральному правительству в Нанкине, но фактически все ресурсы, и политические, и экономические, и военные, и символические, контролировала японская сторона.

Для политики, в которой центральная часть бывшей китайской провинции Чахар формирует территориальную основу, будучи преобразованной в одноименный сейм, используется в обиходе название «Монгол-Го» (Mengkukuo или Mongokuo) –

страна монголов, становясь общепринятым, созвучное с «Manchukuo» – Маньчжоу-Го, а рубежной датой его образования можно считать 27 октября 1937 г., когда в г. Гуйсуй, переименованный в Хух-Хото, был проведен IV съезд монгольской знати, утвердивший Организационный план автономного правительства Монголии, Временный органический закон автономного правительства Монголии и ряд других документов, а сам город стал административным центром нового режима. 29 августа 1939 г. на VI съезде монгольской знати было принято решение об объединении всех подконтрольных японцам автономий и 1 сентября 1939 г. на их базе создается федеративное государство – Мэнцзян. Весной 1940 г. на правах автономного государства Мэнцзян включается в состав «Китайской Республики» под управлением Ван Цзинвэйя и прекратившее свое существование в августе 1945 г. после поражения Японии во Второй мировой войне. В составе этих политий Чахар преобразуется в одну из административно-территориальных единиц – сейм в весьма усеченном составе 4 хошунов (Хуботу-шара, Гули-цаган, Хуботу-цаган и Гули-хуху, а также 4 пастбищ, тогда как 4 других хошуна передаются в состав Баянтальского сейма, созданного на основе хошунов Тумэта.

Тумэтский аймак, или Тумэт, был одной из административно-территориальных единиц Внутренней Монголии, который после включения в состав Маньчжурской империи не сохранил родовые институты управления, а был подчинен маньчжурским военным чиновникам. Название «Тумэт» происходит от старинного монгольского племени, издревле обитавшего по берегам оз. Байкал, однако сам термин как обозначение конкретной местности в границах монгольского мира появляется в исторических источниках лишь к концу XV в. и связан с именем одного из последних великих монгольских властителей – Даян-Хана, объединившего Восточную Монголию, где Тумэт был одним из 30 000 домохозяйств правого крыла, составивших опору для его потомков.

Внук Даян-хана Алтан-Хан и его наследники управляли этой территорией до 1632 г. На волне ослабления властных институтов в начале XVII в. представители тумэтов двинулись на восток

Аймаки Чахар и Тумэт на карте Монголии В.И. Сурина

в западный Ляонин и основали Тумэтский аймак Чжосотуского сейма.

После поражения Лигдан-Хана и включения южных пределов Внутренней Монголии в состав Маньчжурской империи последний потомок Алтан-Хана по имени Эмубу в 1635 г. попытался восстать против императора, однако был разбит, а Тумэт лишился права на внутреннюю автономию, был подчинен Суйюань-чэн-цзянь-цзюню и разделен на 2 крыла: **Хух-Хотский (Гуйсуйский) хошун левого крыла** в составе 25 сомонов/эскадронов/рот и **Хух-хотский (Гуйсуйский) хошун правого крыла** в составе 22 сомонов/эскадронов/рот. При этом потомки Эмубу не были лишены почетных званий: им было позволено титуловаться как «улус-тур-тусалакчи-гун», однако запрещено принимать участие в делах управления аймаком. Административные функции на местах, включая разрешение некриминальных дел, перешли в руки чиновников – тун-чжи, а вопросы криминального правосудия разрешились другими чиновниками – тун-панями. В имперский период подчиненность Тумэта тем или иным центральным институтам менялась: имело место управление наследственных датунов, ламская власть с отнесением 4 хошунов в состав Улан-Цабского сейма («хошуны дзасака тумэтского Гуйсуй-чэна в 1756–1760 гг.), централизованное управление из Пекина и, наконец, переподчинение суйюаньскому цзян-цзюню.

В результате административных реформ 1914 и 1928 гг. территория Тумэта вошла в состав особого района/провинции Суйюань, а с приходом в регион японцев и созданием Мэнцзяна Тумэтский аймак стал ядром сейма Баян-Тал, созданного специально для дяди президента Мэнцзяна Дэ Вана (Дэмчиг Донрова). Чтобы увеличить территорию Баянтальского сейма, в его состав включили 4 хахарских хошуна: Гули-улан, Гули-шара, Хуботу-улан и Хуботу-хуху. После поражения японцев во Второй мировой войне эти земли были возвращены Китаю, а в настоящее время они составляют городской округ Хух-Хото и восточную часть городского округа Баотоу АРВМ КНР.

2.9. Особый район и провинция Жэхэ

Физико-географическая характеристика

Географическое положение и административная преемственность

Особый район Жэхэ, позже преобразованный в провинцию, был уникальным административным образованием, созданным на северо-восточной границе Внутреннего Китая. Его территория была сформирована путем объединения северной части китайской провинции Чжили (Хэбэй) с южными монгольскими землями, в основном из Чжосотуского и Чжоудаского сеймов. Таким образом, Жэхэ представлял собой переходную зону, простиравшуюся от Великой Китайской стены на юге до степных плато Внутренней Монголии на севере. На западе он граничил с Чахаром, а на востоке — с маньчжурской провинцией Фынтянь (Ляонин). В современном административном делении историческая территория Жэхэ оказалась разделена: его южная, китайская часть, включая бывшую столицу Чэндэ, вошла в состав провинции Хэбэй, а северная, монгольская, часть стала ядром городского округа Чифэн в АРВМ. Административным центром провинции был г. Чэндэ, знаменитый своей исторической ролью в качестве летней резиденции маньчжурских императоров династии Цин.

Рельеф: сложный горно-котловинный ландшафт

Рельеф провинции Жэхэ отличался чрезвычайной сложностью и контрастностью, формируя естественную преграду между Северо-Китайской равниной и Маньчжуро-Монгольским нагорьем. Доминирующим элементом ландшафта были горные системы. Горы Яньшань – основной горный хребет, простирающийся с юго-запада на северо-восток, занимал южную и центральную части провинции. С средними высотами 1000–1500 м (отдельные вершины до 2000 м) хребет был глубоко расчленен долинами и имел крутые склоны, что де-

лало его серьезным препятствием для коммуникаций. На северо-западе в территорию провинции заходили южные отроги Цицикарского Хингана, имевшие более сглаженные формы. На юго-востоке граница с Маньчжурией проходила по горам Нуэрхулу. Между горными хребтами располагались многочисленные впадины и котловины. Крупнейшей из них была Чэндэская котловина в центре региона. На севере и западе горные массивы постепенно переходили в монгольские степные плато (например, плато Вэйчан), которые служили основной зоной для скотоводства.

Климат, гидрография и природные ресурсы

Климат Жэхэ был резко континентальным, с выраженным муссонным влиянием на юго-востоке. Это создавало значительные климатические различия внутри провинции. На юго-востоке, на наветренных склонах Яньшаня, климат был более влажным (500–700 мм осадков в год), в то время как на северо-западе, на подветренных склонах и плато, он становился значительно суше (300–400 мм). Зимы были длительными и очень холодными, особенно в котловинах, где застаивался холодный воздух.

Гидрографическая сеть была хорошо развита и принадлежала к бассейнам рек Ляохэ и Ланьхэ. Основные реки, такие как Ляохэ и Далинхэ, имели горный характер с быстрым течением и паводковым режимом. Почвы региона сильно варьировались в зависимости от рельефа: от горно-лесных буроземов в горах до плодородных луговых и аллювиальных почв в долинах и котловинах, а также каштановых и черноземных почв на плато.

Провинция Жэхэ обладала значительным и разнообразным минеральным потенциалом, что привлекало к ней особое внимание, в том числе со стороны Японии. Главными ресурсами были: золото (крупнейшие россыпные месторождения в Северном Китае (бассейны рек Ляохэ, Шара-Мурэн)), каменный уголь (месторождения в котловинах (Чэндэ, Пинцюань, Чаоян)) и цветные металлы (имелись также месторождения серебра, свинца, цинка и меди.)

Горные склоны, особенно на востоке, были покрыты лиственными и смешанными лесами (дуб, сосна, клен, липа),

что создавало базу для лесного хозяйства. Таким образом, сочетание разнообразных ландшафтов, плодородных долин, значительных минеральных и лесных ресурсов делало провинцию Жэхэ регионом с высоким экономическим потенциалом, но ее сложный рельеф серьезно затруднял транспортную доступность и внутренние коммуникации.

Экономико-географическая характеристика

Демографический ландшафт: этническая мозаика

Провинция Жэхэ в исследуемый период отличалась сложным этническим составом и неравномерным расселением, обусловленным ее контрастным рельефом. Общая численность населения в начале XX в. оценивалась в 3–4 миллиона человек, с устойчивой тенденцией к росту за счет китайской миграции. Китайское (ханьское) население составляло абсолютное большинство (более 60–70 %). Это были крестьяне-переселенцы из соседних провинций Хэбэй и Шаньдун, а также торговцы, ремесленники и горнорабочие. Они плотно заселяли южные земледельческие долины и котловины (особенно Чэндэскую), а также горнорудные районы. Монгольское население составляло значительное меньшинство (около 20–30 %) и было коренным населением северных степных плато и горных долин. Монголы, организованные в хошуны Чжосотуского и Чжоудаского сеймов, традиционно занимались кочевым и полукочевым скотоводством, но под давлением колонизации подвергались ассимиляции и вытеснению с лучших земель. Маньчжуры имели значительное присутствие в Чэндэ (бывшей летней императорской резиденции) и вдоль основных транспортных путей, где они занимали административные посты и служили в гарнизонах. Также существовали общины хуэйцзу (дунган) в торговых центрах. Расселение было крайне неравномерным: густонаселенные земледельческие долины на юге контрастировали с редконаселенными горными и степными районами севера и запада.

**Экономическая система:
смешанное хозяйство
с региональной специализацией**

Хозяйство Жэхэ имело смешанный характер с сильной региональной дифференциацией, сочетая в себе элементы аграрной, скотоводческой и горнорудной экономики.

Земледелие

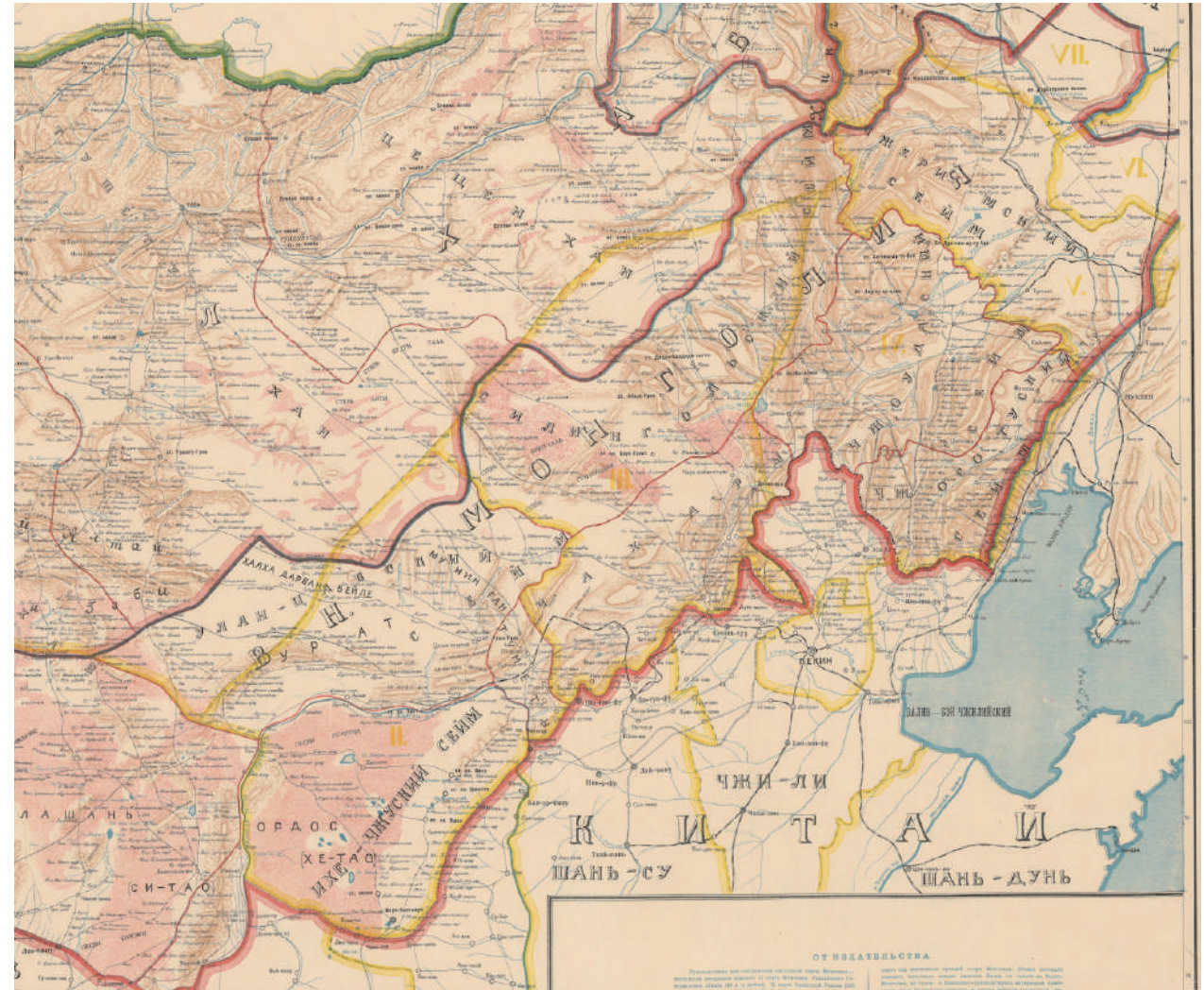
Земледелие доминировало на юге и в котловинах. Практиковалось как орошаемое, так и богарное земледелие на террасированных склонах. Основными культурами были просо (чумиза) и гаолян, а также кукуруза, пшеница, бобы (соя). В северных районах выращивали озимые хлеба. Вблизи городов было развито овощеводство и садоводство.

Скотоводство

Скотоводство было основным занятием монгольского населения на севере и западе. Носило кочевой и полукочевой характер. Разводили овец, коз, лошадей, крупный рогатый скот (включая яков в горах).

Горнорудный промысел

Горнорудный промысел являлся ключевой и наиболее известной отраслью экономики Жэхэ. Золотодобыча была крайне важной отраслью, велась как многочисленными артелями старателей, так и крупными концессиями (в том числе с иностранным участием). Основные золотonosные районы — бассейны рек Ляохэ и Шара-Мурэн. Также велась добыча каменного угля, серебра, свинца и меди. Именно богатый минеральный потенциал, по свидетельствам современников, делал регион объектом пристального внимания Японии.

Карта Внутренней Монголии М.В. Зайцева (1925 г.)

Другие промыслы

В регионе было развито лесное хозяйство (заготовка древесины для строительства и топлива), а также побочные промыслы, такие как сбор дикорастущих плодов, лекарственных трав (женьшень) и пушной промысел.

Карта провинции Жэцзе из издания Экономического бюро КВЖД

Инфраструктура и торговля: изолированный регион с богатым потенциалом

Экономическое развитие Жэцзе серьезно сдерживалось его транспортной изолированностью, обусловленной сложным горным рельефом.

Транспорт

Основой транспортной системы был гужевой и вьючный транспорт. Тележные и вьючные тропы проходили через многочисленные горные перевалы. Речной транспорт был развит слабо. Железные дороги в исследуемый период практически отсутствовали, за исключением линии Бэйпин-Ляонин, проходившей по самой южной окраине. Проекты строительства железных дорог вглубь провинции (например, на Чэндэ) активно продвигались Японией в 1930-е годы, что подчеркивало стратегическую важность региона, но на начальном этапе они не были реализованы.

Торговля

Ключевыми торговыми центрами были Чэндэ (административный, религиозный и торговый центр), Чаоян и Чифэн (важные узлы на путях в Маньчжурию и к золотым приискам). Экспортировались в основном минеральные ресурсы (золото, серебро, уголь), продукты сельского хозяйства (зерно, бобы), скотоводства (шерсть, кожи) и лесоматериалы. Импортировались промышленные товары, чай, ткани, соль. Политически и экономически Жэцзе находился на острие геополитического противостояния, меняя свой статус от цинских владений и монгольских сеймов до китайской провинции, а затем став одной из первых целей японской экспансии за Великой стеной.

Политическая характеристика и история

Название «Жэцзе» произошло от горячих источников вблизи г. Чэндэ, находящегося ныне на территории провинции Хэбэй КНР, вблизи от «Горного пристанища от летнего зноя» — резиденции маньчжурских императоров, построенной между 1703 и 1792 гг.

к северу от Пекина, включенных в число памятников Всемирного наследия ЮНЕСКО. В 1724 г. император Южчжэн учреждает должность Жэхэ-датуна с резиденцией в г. Жэхэ/Чэндэ, однако уже в 1738 г. она упраздняется и восстанавливается в 1810 г. по указу императора Цзяцина с передачей ему императором Деагуаном в 1827 г. всех полномочий, касающихся отправления правосудия, хозяйственных вопросов, аттестации гражданских и военных чинов и т.д.

В январе 1914 г. району был придан особый статус, к июлю того же года его территория была сформирована в составе 15 уездов: Чендэский; Луаньпинский; Пинцюаньский; Лунхуаский; Фыннинский; Линюаньский; Чаоянский; Фусинский; Цзяньпинский; Суйдунский; Чифынский; Кайлуский; Линьсинский; Вэйчанский; Цзиньпэнский.

17 сентября 1928 г. особый район стал провинцией. Монгольская часть включала земли Чжоудаского и Чжосотуского сеймов, а также ламские земли с общим количеством монгольского населения около 500 тыс. человек.

В период японского присутствия в регионе территория Жэхэ в 1933 г. вошла в состав Маньжоу-Го, а из ее монгольских земель было создано Южное губернаторство провинции Хинган. Активная поддержка японцев здесь объясняется тем, что этот регион был в числе первых, колонизируемых ханьцами в конце XIX – начале XX в., когда политика местных дзасаков, в определенной мере более мягкая и соглашательская, позволила китайской стороне продвинуться вглубь Монголии быстро и без особых осложнений. Это в свою очередь снискало среди других монгольских хошунов в их отношении недобрую славу – в среде монгольского населения, сохранившего исторический кочевой образ жизни, бытовало мнение как о «слишком окитаевшихся» и отошедших от древних устоев и традиций. В дальнейшем именно Жэхэ, благодаря своему приграничному положению и горным проходам, станет объектом противостояния китайской и японской сторон.

После победы над японцами провинция была восстановлена в составе 20 районов и 20 хошунов. В период гражданской войны фактически полностью контролировалась коммуниста-

ми. В 1955 г. была упразднена, а ее территория разделена между провинциями Хэбэй, Ляонин и Внутренней Монголией.

2.10. Чжоудаский сейм

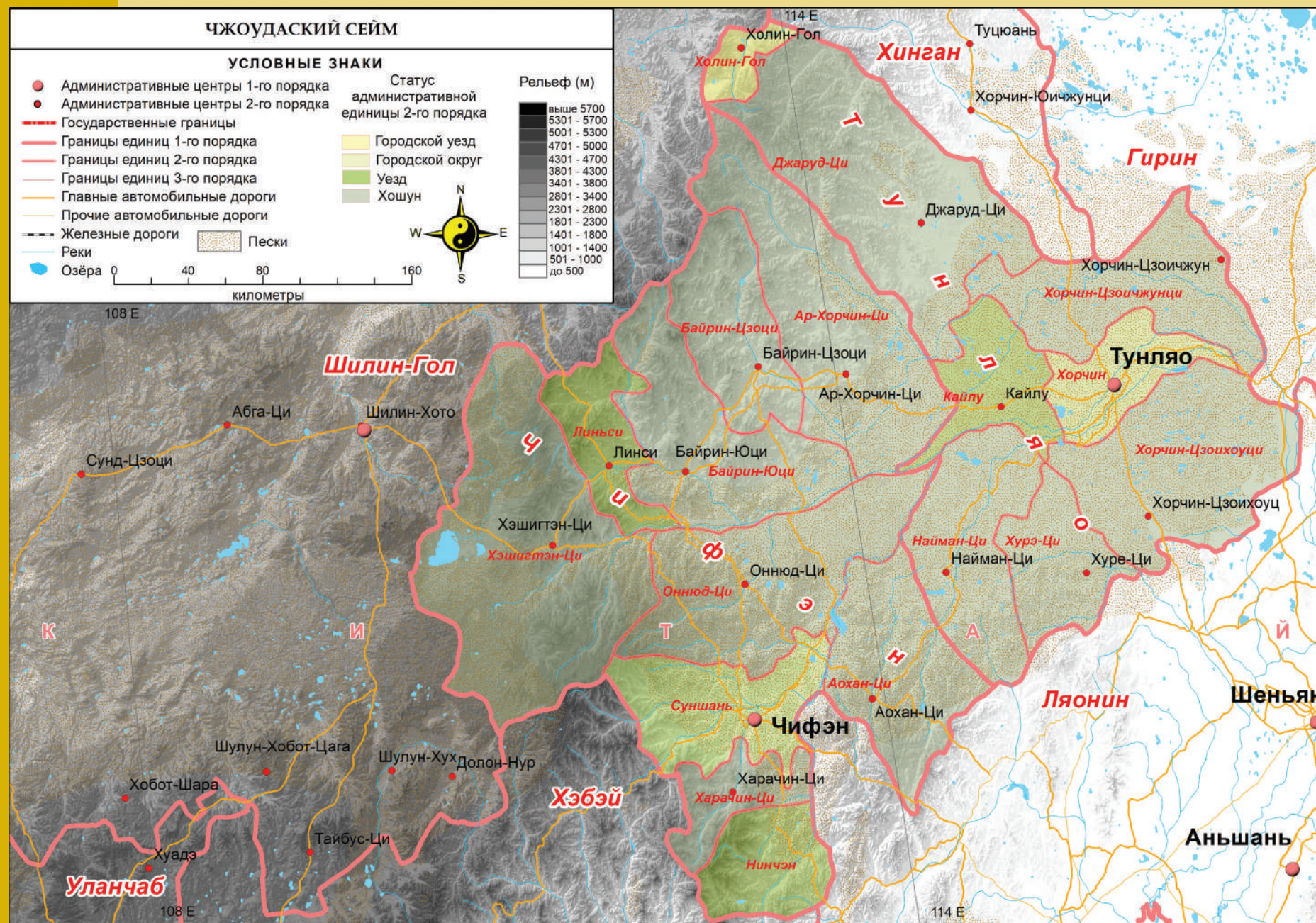
■ Физико-географическая характеристика

Географическое положение и административная преемственность

Чжоудаский сейм располагался в восточной части Внутренней Монголии, занимая обширное пространство между Шилин-Гольским сеймом на западе, Чжеримским сеймом на востоке и провинцией Жэхэ на юге. Его территория представляла собой сложный переходный ландшафт от степей центральной Монголии к горно-лесным массивам Маньчжурии. Стратегическое положение на путях, связывающих центральную Монголию с Маньчжурией, и наличие плодородных земель в южной части предопределили его активное вовлечение в процессы китайской колонизации. В современном административном делении историческая территория Чжоудаского сейма составляет ядро городского округа Чифэн Автономного района Внутренняя Монголия, что свидетельствует о сохранении этим регионом своей исторической и географической целостности. Административным центром сейма, давшим ему название, служило урочище Чжоуда, расположенное у р. Шара-Мурэн, которое с древних времен было традиционным местом сбора монгольских племен.

Рельеф

Ландшафт Чжоудаского сейма был крайне сложен и контрастен, что напрямую влияло на характер расселения и хозяйственной деятельности. Его территорию можно четко разделить на три основные зоны. Восточную треть сейма занимали предгорья и южные отроги Большого Хингана. Высоты здесь постепенно возрастали с запада на восток, достигая 1500–1800 м, а

Современные государственные и региональные границы на территории Чжоудаского сейма (по сост. на 1925 г.)

отдельные вершины — до 2000 м. Склоны хребтов, особенно в северной части, были крутыми и покрыты густыми лесами, что делало эти районы труднодоступными для освоения. К западу от Хинганских отрогов простиралось волнистое Монгольское плато, постепенно понижающееся с востока на запад. Высоты здесь колебались от 800 до 1200 м. Поверхность плато была увалистой, с многочисленными невысокими грядами и сопками, представляя собой классическую степь, идеально подходящую для кочевого скотоводства. На юге плато ступенчато спускалось к долине р. Силяохэ (Западная Ляохэ), образуя холмистую лесостепную зону, которая служила переходом к горам Яньшань на территории провинции Жэхэ. Именно в этой южной части, с ее более мягким рельефом и плодородными долинами, концентрировались основные очаги земледелия и китайской колонизации.

Климат, гидрография и природные ресурсы

Климат сейма был резко континентальным, но с заметным влиянием муссонов с востока. Это выражалось в суровой, малоснежной зиме и коротком, но жарком и относительно влажном (особенно на востоке) лете. Количество осадков было неравномерным: на востоке, в предгорьях Хингана, выпадало до 400–500 мм/год, в то время как в центральных и западных степных районах — лишь 250–350 мм.

Гидрографическая сеть принадлежит бассейнам рек Ляохэ и Лаохахэ. Главной водной артерией была р. Силяохэ, протекавшая по южной границе сейма. Она и ее притоки, бравшие начало в Хингане, имели муссонный режим с летними паводками и зимней меженью, играя ключевую роль в орошении южных земледельческих районов. Почвы региона также были разнообразны: от горно-лесных буроземов в Хингане до каштановых почв на степном плато. Наибольшим плодородием отличались черноземовидные почвы в южной лесостепной зоне, ставшие главным объектом аграрного освоения.

Природные ресурсы Чжоудаского сейма были значительно богаче, чем у его западных соседей. Источники начала XX в. отмечают наличие месторождений каменного угля (особенно в южных предгорьях), железной руды, россыпного золота (в ре-

ках Хингана), свинца и меди. Хотя разработка велась в основном кустарными методами, сам факт наличия этих ресурсов делал регион привлекательным для дальнейшего промышленного освоения. Восточные горные районы были богаты лесными ресурсами (даурская лиственница, корейская сосна, дуб, береза), что создавало потенциал для лесопромышленности. Таким образом, Чжоудаский сейм, обладая разнообразными ландшафтами, плодородными землями на юге, значительными водными ресурсами и залежами полезных ископаемых, представлял собой регион с высоким экономическим потенциалом, что и предопределило его активное вовлечение в орбиту китайской колонизации и модернизации.

Экономико-географическая характеристика

Демографический ландшафт и этнический состав

Чжоудаский сейм в исследуемый период представлял собой регион с высокой степенью этнической неоднородности и интенсивными миграционными процессами. Общая численность населения к началу 1910-х годов оценивалась в 500–700 тысяч человек, с явной тенденцией к росту за счет китайской колонизации. Плотность населения была крайне неравномерной: высокой в южных земледельческих долинах и низкой в северных и центральных степных районах. Монгольское население, являясь коренным, было представлено множеством племенных групп, входивших в восемь аймаков сейма (Аохань, Найман, Барин, Чжарут и др.). Монголы вели преимущественно кочевой и полукочевой образ жизни, концентрируясь в центральных и северных степных хошунах. Однако, особенно в южной части, значительная их часть уже переходила к оседлости и земледелию, испытывая сильное культурное и экономическое влияние со стороны китайских переселенцев. К началу XX в. китайцы уже составляли значительную, если не преобладающую, часть населения, особенно в южных уездах вдоль р. Силяохэ и в предгорьях Яньшаня. Это были в основном крестьяне-переселенцы,

занимавшиеся земледелием, а также торговцы и ремесленники. Маньчжурское население было представлено в административных центрах, таких как Чифэн и Линьси, где маньчжуры занимали посты в администрации и служили в гарнизонах, постепенно ассимилируясь с китайским большинством.

Экономическая система: смешанное хозяйство на переходной территории

Экономика Чжоудаского сейма носила смешанный, переходный характер с сильной региональной дифференциацией, отражая его положение между кочевым и земледельческим мирами.

Скотоводство

Скотоводство оставалось основой традиционного хозяйства монголов в северных и западных степных районах. Особо развито было коневодство; сейм славился поставками лошадей монгольской породы для армии и транспорта. Также в больших количествах разводили овец (курдючных, грубошерстных), крупный рогатый скот и, на западных окраинах, верблюдов. Хозяйство велось экстенсивно, с сезонными перекочевками: летом стада перегонялись на высокогорные пастбища Хингана, зимой — в защищенные южные долины.

Земледелие

Земледелие доминировало в южных и восточных районах, где его вели как китайские колонисты, так и перешедшие к оседлости монголы. Системы земледелия варьировались от примитивной подсечно-огневой в предгорьях Хингана до более развитой трехпольной на равнинах. Основными культурами были засухоустойчивые злаки: чумиза (просо), гаолян (сорго), ячмень, овес, гречиха. На юге также выращивали кукурузу и сою. Урожайность была невысокой и сильно зависела от осадков.

Промыслы

Регион обладал значительным промысловым потенциалом. Велась добыча золота (китайскими артелями в предгорьях

Хингана), каменного угля и соли для местных нужд. В восточных горных районах были развиты лесные промыслы. Также население занималось сбором дикоросов (грибы, ягоды, лекарственные травы, кедровые орехи) и охотой.

Инфраструктура и торговля

Чжоудаский сейм, благодаря своему положению, являлся важным торговым и транспортным узлом.

Торговля

Ключевыми торговыми центрами были Чифэн (главный административный и торговый узел), а также Линьси, Цзинпэн, Кайлу. Торговля была оживленной. Экспортировался в основном скот (особенно лошади), шерсть, кожи, пушнина, соль и золото (часто контрабандой). Импортировались из Китая хлеб, кирпичный чай, ткани, металлоизделия, табак. Торговлю контролировали китайские купеческие фирмы, имевшие свои филиалы в монгольских центрах.

Транспорт

Основой транспортной системы были выючные тропы и грунтовые дороги (тракты). Колесный транспорт был развит слабо. Основные торговые пути шли в нескольких направлениях: на юг — в Калган и далее в Китай; на восток — в Гири (Маньчжурия); на запад — в Ургу (через соседние сеймы); на север — в Хайлар. Появление в начале XX в. Южно-Маньчжурской железной дороги, проходившей южнее и восточнее, начало постепенно переориентировать грузопотоки, однако в силу удаленности ее влияние на глубинные районы сейма было ограниченным. Основным транспортом оставались верховые лошади, волы и верблюды.

Политическая характеристика и история

Чжоудаский сейм, расположенный на периферии империи Цин, граничил с такими же периферийными институтами: на севере и востоке — с Чжеримским сеймом, на западе — с

Шилин-Гольским сеймом и Чахарским аймаком, на юге – с округом Жэхэ, а также с Чжосотуским сеймом.

Структурно сейм включал в себя 8 аймаков и 11 хошунов:

1. Кэшиктэнский аймак – у Попова, Кэшиктэн – у Коростовца и Сурина (№ 115), на востоке граничил с Цзун-Оннютским хошуном и Байринским аймаком, на западе – с Хучитским аймаком Шилин-Гольского сейма и с Чахарским аймаком, на юге – с округом Жэхэ и Барун-Оннютским хошуном, на севере – с Абаганорским и Хучитским аймаками Шилин-Гольского сейма. В эпоху империи/династии Ляо эти территории были провинцией Шан-цзин, в эпоху империи/династии Цзинь входили в состав провинции Бэй-цзин-лу, в эпоху империи/династии Юань – провинций Шан-ду-лу и Инь-чан-фу, а в эпоху империи/династии Мин отошли к монголам. Подданство империи Цин принято в 1643 г., в 1652 г. осуществлено сомонное деление, а дзасак возведен в достоинство. В составе аймака – 1 хошун, Кэшиктэнский хошун цзасака тайчжия 1-й степени – у Матусовского, разделенный на 10 сомонов/эскадронов/рот.

2. Баринский аймак – у Попова, Байрин – у Коростовца и Сурина (№ 116), на востоке граничил с аймаком Ару-Хорчин, на юге – с Цзун-Оннютским хошуном, на западе – с Кэшиктэном и на севере – с Барун-Уцзумучинским хошуном Шилин-Гольского сейма. В эпоху империй/династий Ляо и Цзинь судьба этих земель схожа с судьбой Кэшиктэна, в эпоху империи/династии Юань данная территория отошла к провинции Цянь-нин-лу и составляла удел князя Лу, в начальный период эпохи империи/династии Мин входила в состав северного округа Цзинь-вэй, но с началом XV в. отходит к монголам. В 1628 г. после нападения чахарцев байрины откочевали в пределы Маньчжурской империи и приняли ее подданство, в 1648 г. было произведено сомонное разделение, а дзасаки получили левое и правое крыло во управление. В составе аймака – 2 хошуна:

2.1. Бариньский хошун цзасака хошунай бэйсэ – у Матусовского, Знамя левого крыла того же аймака – у Попова, у Коростовца и Сурина аймак на хошуны не разделен. В составе хошуна 16 сомонов/эскадронов/рот.

2.2. Бариньский хошун цзасака цинь-вана, туруйнь-хэ-цзюнь-вана – у Матусовского, Знамя правого крыла Баринского аймака – у Попова. В составе хошуна 26 сомонов/эскадронов/рот.

3. Ару-корцинский аймак – у Попова, Ару-Хорчин – у Коростовца и Сурина (№ 117), на востоке граничил с Чжародским, на юге – с Найманским, на западе – с Байринским аймаком, а на севере – с Уцзумучинским аймаком Шилин-Гольского сейма. В эпоху империи/династии Ляо эти земли входили в состав области Линь-хуан-фу, в эпоху империи/династии Цзинь составляли северные пределы области Да-дин-фу, в эпоху империи/династии Юань – удел князя Ляо, а в начальный период империи/династии Мин здесь был образован военный округ, однако очень быстро перешедший во владение монголов. Местный дзасак сначала вошел в чахарское подданство, затем, спасаясь от Лигдэн-Хана, в 1629 г. принял маньчжурское подданство. Его сын в 1642 г. женился на маньчжурской принцессе и получил титул княжеского зятя, а спустя 5 лет возведен в достоинство. В составе аймака 1 хошун – Ару-хорчинский хошун цзасака туруйнь-бэйлэ – у Матусовского, разделенный на 50 сомонов/эскадронов/рот.

4. Чжарутский аймак – у Попова, Чжарод – у Коростовца, на севере и востоке граничил с Чжеримским сеймом, на юге – с Найманским, а на западе – с Ару-Хорчинским аймаками. В эпоху империи/династии Хань земли аймака были северными пределами округа Ляо-дун, в эпоху империи/династии Тан входили в состав восточного округа Инь-чжоу, а затем отошли к Татабам, в эпоху империи/династии Ляо вошли в состав провинции Шан-цзин (цзин), в эпоху империи/династии Цзинь – в состав провинции Бэй-цзин (лу), в эпоху империи/династии Юань – провинции Шан-ду (лу), а в эпоху империи/династии Мин отошли к монголам. Признавая изначально над собой власть халхаских ханов, местные дзасаки ощутили притеснения Лигдэн-Хана, пытались объединиться с хорчинами, но в 1628 г. приняли маньчжурское подданство. В 1648 г. обрели сомонное деление и были возведены в достоинство. В составе аймака находились 2 хошуна:

4.1. Чжарутский хошун цзасака туруйнь-дархан-бэйлэ – у Матусовского, у Коростовца не делится на хошуны, Барун-Чжарод – у Сурина (№ 118), разделен на 16 сомонов/эскадронов/рот.

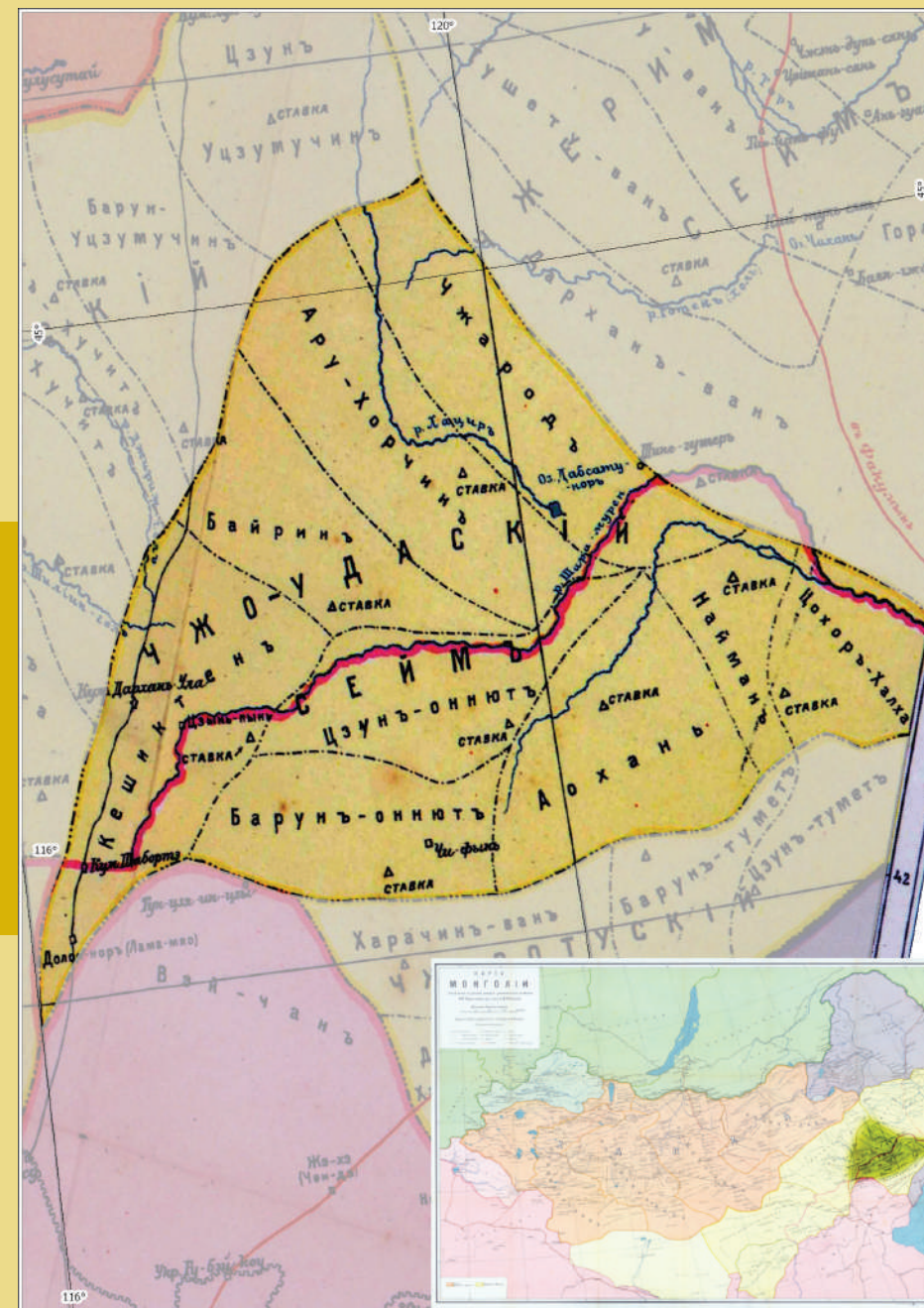
4.2. Чжарутский хошун цзасака туруйнь-бэйлэ – у Матусовского, у Коростовца не делится на хошуны, Цзун-Чжарод – у Сурина (№ 119), разделен на 16 сомонов/эскадронов/рот.

5. Онютский аймак на востоке граничил с аймаками Аохань и Найман, на юге – с Харачинским аймаком Чжосотуского сейма, на западе – с округом Жэхэ, а на севере – с Кэшиктэнским и Байринским аймаками. В эпоху империи/династии Тан земли аймака входили в состав военного округа Жао-ло, в эпоху империи/династии Лоя здесь был учрежден военный округ Жао-чжоу-куан-цзюнь, подчиненный области Шанцзин; в эпоху империи/династии Цинь территория входила в состав области Бэй-цзин-лу, в эпоху империи/династии Юань являлась частью удела князя Ляо, в начале эпохи империи/династии Мин здесь был учрежден военный округ, но в начале XV в. эта земля отошла к монголам. В составе аймака было 2 хошуна:

5.1. Онютский хошун цзасака туруйнь-дурэн-хэ-цзюнь-вана – у Матусовского, Знамя левого крыла Онютов – у Попова, Цзун-Оннют – у Коростовца и у Сурина (№ 120). Выходя из-под власти Чахарского ханства, в 1631 г дзасаки перешли в подданство Маньчжурской империи, в 1636 г. осуществлено сомонное разделение, а дзасаки возведены в достоинство. В составе хошуна – 20 сомонов/эскадронов/рот.

5.2. Онютский хошун цзасака туруйнь-дархан-дайчин-бэйлэ – у Матусовского, Знамя правого крыла Онютов – у Попова, Банур-Оннют – у Коростовца и у Сурина (№ 121). В составе хошуна – 38 сомонов/эскадронов/рот.

6. Аоханский аймак – у Попова, Аохань – у Коростовца и у Сурина (№ 122), на востоке граничил с аймаком Найман, на юге – с Чжосотуским сеймом, на западе и севере – с Онютским

Чжоудаский сейм на карте Монголии И. Я. Коростовца

Чжоудаский сейм на карте Монголии В. И. Сурина

аймаком. В древние времена здесь обитали Сяньби, в эпоху империи/династии Суй этой территорией впервые завладели Кидани, в эпоху империи/династии Тан она входила в состав округа Инь-чжоу, после распада державы отошла к Татабам, в эпоху империй/династий Ляо и Цзинь составляла северную часть области Син-чжун-фу, в эпоху империи/династии Юань – удел князя Ляо, в начале эпохи империи/династии Мин отошла к монголам. Маньчжурское подданство принято в 1627 г., женившийся на маньчжурской царевне дзасак в 1629 г. возведен в статус имперского зятя. В 1636 г. осуществлено распределение сомонов, а сам дзасак возведен в достоинство. В составе аймака был 1 хошун: Аоханьский хошун цзасака туруйнь-хэ-цзюнь-вана – у Матусовского, в составе 55 сомонов/эскадронов/рот.

7. Найманский аймак – у Попова, Найман – у Коростовца и у Сурина (№ 123), на востоке граничил с Чжеримским сеймом и Цохор-Халхой, на юге – с Тумэтским аймаком Чжосотуского сейма, на западе – с Цзун-Онютским хошуном и на севере – с Чжарутским аймаком. Судьба этих земель схожа с судьбой Аоханского аймака, однако в эпоху империи/династии Тан она входит в состав области Ляо-чжоу, затем ей тоже завладевают Татабы, и она повторяет судьбу Аохани, так же, в 1627 г., перейдя в подданство маньчжуров и в 1636 г. с распределением сомонов дзасак получил титул. В составе аймака был 1 хошун, Найманьский хошун цзасака туруйнь-дархан-хэ-цзюнь-вана – у Матусовского, который делился на 50 сомонов/эскадронов/рот.

8. Левое Халхаское крыло – у Попова, Цохор-Халха – у Коростовца и у Сурина (№ 124), граничил на востоке с Чжеримским, на юге – с Чжосотуским сеймами, на западе и севере – с Найманом. Судьба этих земель схожа с судьбой Аоханского аймака до эпохи империи/династии Ляо, когда они составили южную часть провинции Шан-цзин, в эпоху империи/династии Цзинь входили в состав провинции Бэй-цзин-лу, и в эпоху империи/династии Мин их захватили халхасцы, откуда и произошло название аймака-хошуна. В подданство империи Цин дзасак, после убийства его детей сородичами, перешел в 1664 г. с воз-

ведением его в том же году в достоинство. В составе аймака был 1 хошун – Хошун халхаского левого крыла цзасака туруйнь-бэйлэ – у Матусовского, который в свою очередь состоял из 1 сомона/эскадрона/роты.

2.11. Чжосотуский сейм

■ Физико-географическая характеристика

Географическое положение и административная преемственность

Чжосотуский сейм располагался на юго-восточной оконечности Внутренней Монголии, занимая исключительно важное стратегическое и экономическое положение. Он представлял собой клин, глубоко вдававшийся между китайскими провинциями Жэхэ на западе и Фынтянь (Ляонин) на востоке. Его южная граница примыкала к Великой Китайской стене и предгорьям Яньшаня, а восточная проходила вдоль «Ивовой изгороди». Эта география — зажатость между двумя наиболее развитыми регионами Северного Китая и Маньчжурии — предопределила его судьбу как объекта наиболее ранней и интенсивной китайской колонизации. В современном административном делении историческая территория Чжосотуского сейма в основном соответствует западным частям городского округа Чаоян и юго-западным частям городского округа Фусинь провинции Ляонин, что свидетельствует о его полном административном поглощении и интеграции в состав Маньчжурии.

Рельеф

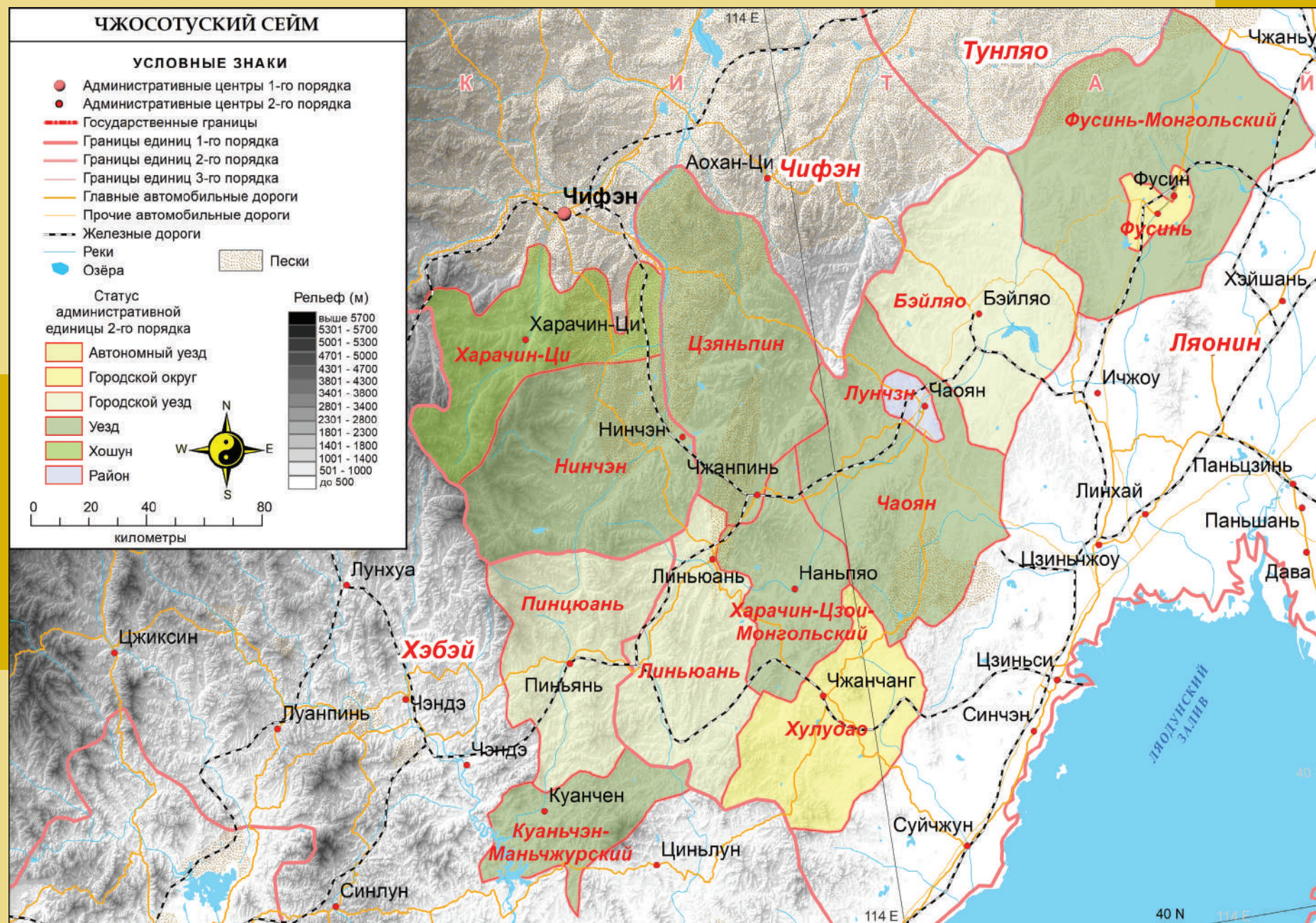
Рельеф Чжосотуского сейма отличался высокой контрастностью, представляя собой сложную систему горных хребтов и межгорных долин, что создавало мозаику разнообразных ландшафтов. Западную и центральную части сейма занимали восточные отроги гор Яньшань и южные отроги хребтов Да-

хутуншань и Нуэрхулуншань. Эти горные массивы, сложенные древними кристаллическими породами, имели высоты 800–1500 м (отдельные вершины до 1800 м) и характеризуются крутыми склонами и глубокими, узкими ущельями. Эти горы служили естественным барьером, но их долины в то же время являлись путями для проникновения переселенцев. Между горными хребтами располагались обширные и плодородные межгорные котловины, наиболее значительными из которых были Чаоянская и Чифэнская (частично). Эти котловины, с их относительно выровненным рельефом и высотами 300–600 м, представляли собой наиболее ценные в хозяйственном отношении земли, где и были сосредоточены основные очаги земледелия и расселения. На северо-востоке горные массивы переходили в более пологие холмы и низкогорья, являвшиеся юго-западными отрогами Большого Хингана.

Климат, гидрография и природные ресурсы

Климат Чжосотуского сейма был умеренным, с чертами муссонного, что выгодно отличало его от более засушливых центральных и западных сеймов. Зимы были холодными и ветреными, но лето — теплым, влажным и достаточно продолжительным для ведения продуктивного сельского хозяйства. Годовое количество осадков составляло 400–600 мм, что было значительно выше, чем в соседних монгольских регионах.

Гидрографическая сеть была хорошо развита и принадлежала в основном к бассейну р. Ляохэ. Главными водными артериями были реки Далинхэ и Лаохахэ, которые дренировали центральную и южную части сейма. Реки имели муссонный режим с резкими летними паводками, что создавало риски наводнений, но в то же время обеспечивало возможность орошения. Почвы региона отличались большим разнообразием и высоким плодородием. В горных районах преобладали горные буроземы и лесные почвы. В котловинах и на предгорных равнинах были широко распространены черноземы (оподзоленные и выщелоченные) и темно-каштановые почвы, которые были широко распаханы и служили основой для интенсивного земледелия.

Современные государственные и региональные границы на территории Чжосотуского сейма (по сост. на 1925 г.)

Природные и минеральные ресурсы Чжосотуского сейма были значительны. Его главным богатством были плодородные земли и относительно благоприятный климат. Растительность была представлена лесостепью: участки широколиственных лесов (монгольский дуб, береза, липа) на склонах гор чередовались с разнотравно-ковыльными степями на равнинах. К началу XX в. леса были в значительной степени сведены. Из полезных ископаемых источники отмечают крупные месторождения каменного угля, особенно в районе Фусиня и Бэйпяо, которые впоследствии стали одними из крупнейших центров угледобычи во всем Китае. Также имелись месторождения золота, железа, меди и свинца. Такое сочетание плодородных земель, достаточных водных ресурсов и наличия ключевых полезных ископаемых (угля) создало исключительно благоприятные условия для его раннего и всестороннего экономического освоения.

Экономико-географическая характеристика

Демографический ландшафт: регион почти полной китаизации

Чжосотуский сейм в исследуемый период представлял собой самый густонаселенный и этнически трансформированный из всех монгольских сеймов. По оценкам начала XX в., общая численность населения могла достигать 1–1.5 миллиона человек, что резко контрастировало с пустынными пространствами западных сеймов. Китайское (ханьское) население составляло подавляющее большинство населения (возможно, в соотношении 3:1 или 4:1). Процесс китайской колонизации, как отмечают источники, начался здесь значительно раньше, чем в других регионах (уже в XVIII–XIX вв.), и был наиболее интенсивным. Китайцы плотно заселили все межгорные котловины и предгорные равнины, создав густую сеть земледельческих деревень, торговых сел и городов, таких как Чифэн и Чаоян. Коренные монголы (преимущественно тумэты, харачины, оннюты) оказались в меньшинстве. Значительная их часть к началу XX в. уже перешла к полuosедлому и оседлому образу жизни, активно включившись в земледелие. Этот процесс сопро-

вождался глубокой культурной ассимиляцией. Кочевой и полукочевой уклад сохранялся лишь в северных и западных, менее плодородных хошунах. Социальная структура была сложной и запутанной, с переплетением монгольской родовой знати, ламаистского духовенства, китайских землевладельцев, арендаторов и торговцев.

Экономическая система: доминирование земледелия и зарождение промышленности

Экономика Чжосотуского сейма почти полностью утратила традиционный монгольский характер, превратившись в аграрный регион китайского типа с зарождающейся промышленностью.

Земледелие

Земледелие было абсолютно доминирующей отраслью, особенно на юге и востоке. Хозяйство велось как на богарных, так и на ограниченно орошаемых землях в долинах рек. Основными культурами были просо (чумиза), гаолян, кукуруза, пшеница и бобы (соя). В предгорьях было развито садоводство (яблоки, груши, сливы). Интенсивная распашка степей и вырубка лесов привели к обострению земельного вопроса, социальным конфликтам и значительным экологическим последствиям.

Скотоводство

Скотоводство играло второстепенную роль. Полукочевое скотоводство сохранялось в основном в северных и западных хошунах. В южных, земледельческих районах оно трансформировалось в оседлое, стойловое содержание скота, который использовался преимущественно как тягловая сила. Сезонные перекочевки были значительно менее протяженными, чем в западных сеймах.

Промышленность и горное дело

Благодаря богатым залежам угля, в регионе начала формироваться добывающая промышленность. Главным минеральным богатством был каменный уголь. Его месторождения, особенно в районе Фусиня и Бэйпяо, стали разрабатываться в промыш-

ленных масштабах, особенно после строительства железных дорог. Разработка велась как кустарными шахтами, так и более крупными компаниями. Также добывались золото, железо, медь. Обработывающая промышленность носила в основном кустарный и мануфактурный характер и была представлена мукомольными, маслобойными, винокурными (производство водки «маотайцзю» из гаоляна) и кирпичными мастерскими.

Инфраструктура и торговля

Чжосотуский сейм был глубоко интегрирован в экономическую и транспортную систему соседних китайских регионов.

Торговля

Ключевыми торговыми центрами были Чифэн (Улан-Хада) и Чаоян. Это были крупные узлы, через которые шла торговля зерном, скотом, шерстью и, главное, углем. Регион был тесно связан с рынками Калгана и провинции Жэхэ. Ламаистские монастыри также играли роль важных торговых и финансовых центров.

Транспорт

Регион пересекала густая сеть грунтовых дорог, связывавших города, монастыри и сельские поселения. Речной транспорт был развит слабо. Решающее значение для экономики имело начало строительства железных дорог. Прокладка Южно-Маньчжурской железной дороги японцами, проходившей восточнее, и проектирование ее веток на запад (например, к копиям Фусиня) создавали предпосылки для коренной переориентации товарных потоков и ускоренного промышленного развития. Инфраструктурная связанность с Китаем и Маньчжурией была здесь несравнимо выше, чем в любом другом монгольском сейме.

Политическая характеристика и история

Чжосотуский сейм граничил на севере с Чжоудаским сеймом, на западе и юге – с китайской провинцией Чжили (Хэбэй),

на северо-востоке – с Чжеримским сеймом, а на востоке примыкал к исконным маньчжурским землям и именно по его границе проходила «Ивовая изгородь».

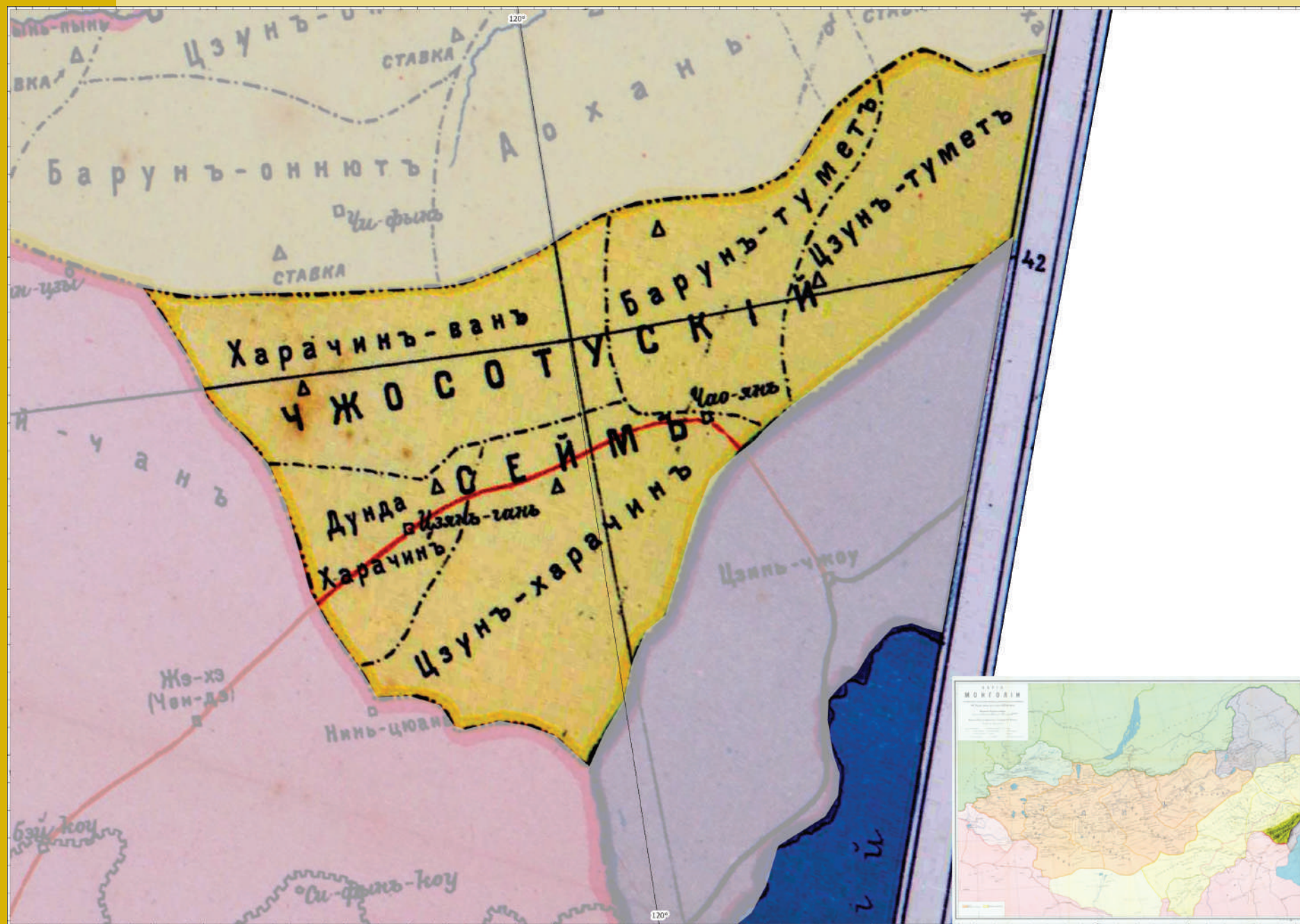
Сейму подчинялись 2 аймака, разделенных на 5 хошунов:

1. Харачинский аймак (Карцинский аймак – у Попова)

на востоке граничил с Тумэтским аймаком, на западе – с китайским районом Жэхэ, на севере – с Онгутами Оннютского аймака и аймаком Аохань Чжоудаского сейма, а на юге его огибала Ивовая изгородь. В период Вёсен и Осеней эпохи империи/династии Восточная Чжлу здесь поселились Шаньжуны (или Горные жуны); в эпоху империй/династий Цинь и Хань эти земли входили в состав провинции Ляо-си; в эпоху империи/династии Цзинь они принадлежали роду Мужун; в период Северных и Южных династий эпохи Северная Вэй здесь обитали племена Татабов/Кумохов/Си; с установлением власти империи/династии Тан были включены в ее состав, и на этой территории учреждается военное губернаторство Жяо-ло (ху-фу); в эпоху империи/династии Цзинь здесь образуется провинция Бэй-цзин, ставшая при империи/династии Юань областью Да-нин (лу), входившей в состав провинции Ляо-ян; в начале эпохи империи/династии Мин здесь учреждается военное генерал-губернаторство (ду-чжи-хуй-ши-сы) Да-нин, но позднее эти земли отходят к монголам. В состав аймака входило 3 хошуна:

1.1. Харачинский хошун цзасака хошунай-бэйсэ, состоявшего прежде в звании табунана – у Матусовского, Знамя правого крыла Карцинского аймака – у Попова, Барун-Харачин – у Коростовца и Сурина (№ 125). Маньчжурское подданство принято в 1634 г. В составе хошуна – 40 сомонов/эскадронов/рот.

1.2. Харачинский хошун цзасака хошунай-бэйсэ – у Матусовского, Знамя среднего крыла Карцинского аймака – у Попова, Дунда-Харачин – у Коростовца и Сурина (№ 126). Прибыв ко двору в 1629 г., дзасак был возведен в достоинство бэйлэ. В 1705 г. хошун поделен на 38 сомонов/эскадронов/рот, в 1719 г. к ним прибавлен еще 1, а к 1821 г. еще 1. Попов указывает, что в 1831 г. дзасак получил достоинство бэйлэ, но Матусовский

Чжосотуский сейм на карте Монголии И. Я. Коростовца

Чжосотуский сейм на карте Монголии В. И. Сурина

указывает на бэйсэ. В составе хошуна – 40 сомонов/эскадронов/рот.

1.3. Харачинский хошун цзасака дурэн-хэ-цзюнь-вана – у Матусовского, Знамя левого крыла Карцинского аймака – у Попова, Цзун-Харачин – у Коростовца и Сурина (№ 127). Спасаясь от Лигдэн-Хана, в середине 1620-х гг. местный дзасак откочевал во владения империи Цзинь, а в 1635 г. последовал императорский указ о подданстве и возведение его сына в достоинство. В составе хошуна – 44 сомона/эскадрона/роты.

2. Тумэтский аймак (Тумотский аймак – у Попова) на востоке граничил с Хорчинским левого крыла передним хошуном (Бинту-вана) Чжеримского сейма, на юге обрамлялся Ивовою изгородью, на севере примыкал с Чжоудаскому сейму, а на западе – к Харачинскому аймаку. В древности здесь кочевали племена Гу-си/Кумо-Си/Си – исконное древнее монголызычное население Маньчжурии на склонах Хинганских гор. В эпоху империи/династии Хань здесь был образован уезд Ляо-чансянь, при императоре Чэн-ди в эпоху империи/династии Цзинь здесь была построена одна из императорских резиденций, в эпоху империи/династии Суй снова образован уезд, Ляо-чэн, в эпоху империи/династии Тан размещена резиденция ин-чжоуского генерал-губернатора (ду-ду), в эпоху империи/династии Ляо формируется область Синь-чжун-фу, в эпоху империи/династии Юань – область Синь-чжун-фу, позднее преобразованная в округ с подчинением провинции Да-нин, на начальном этапе империи/династии Мин учреждаются военные округа (сань-вэй), объединенные общим названием местности Тай-нин-вэй, однако очень быстро эти земли отходят к монголам. В состав аймака входило 2 хошуна:

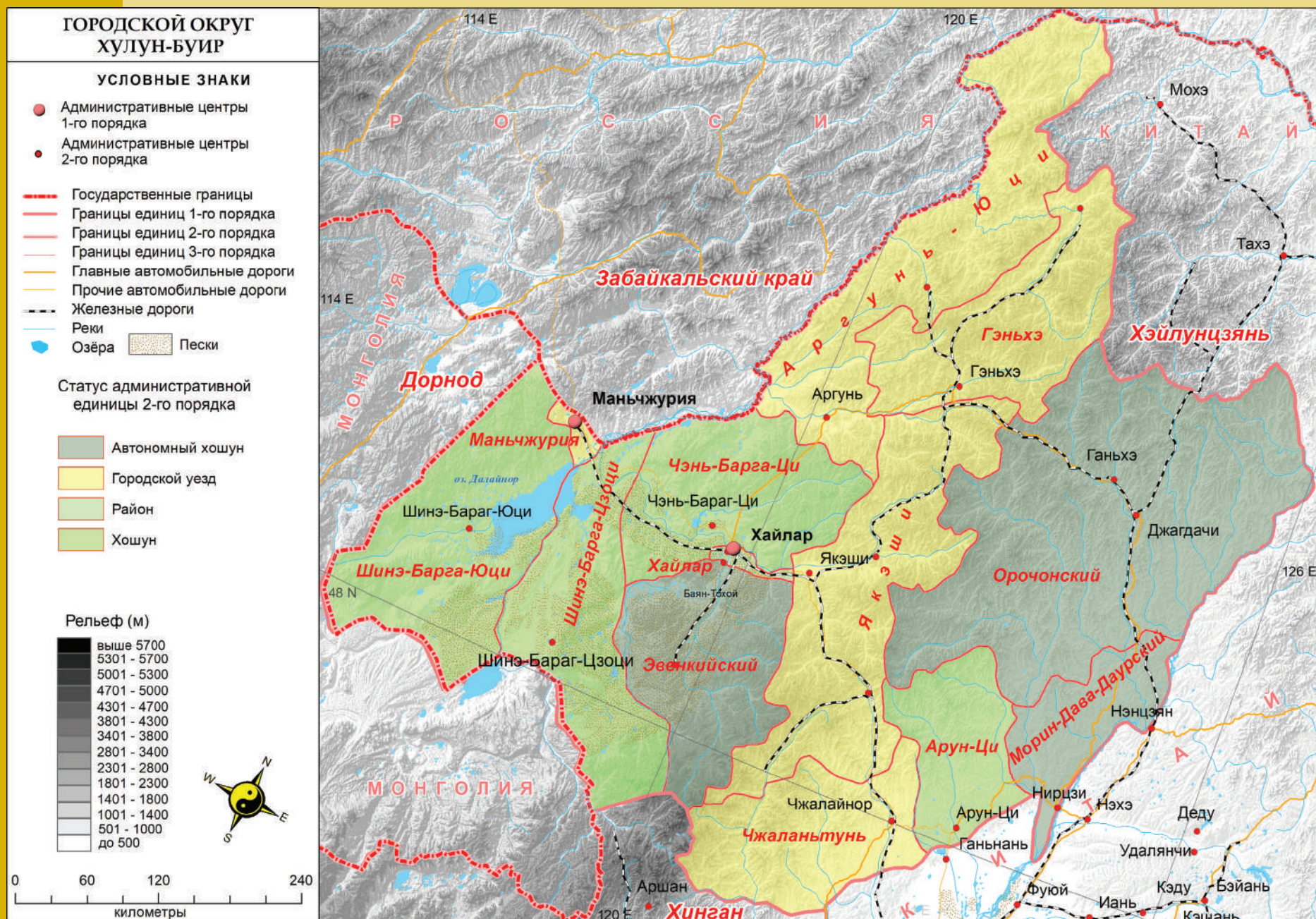
2.1. Тумэтский хошун правого крыла цзасака хошунай – бэйсэ – у Матусовского, Знамя правого крыла Тумотов – у Попова, Барун-Тумет – у Коростовца и Сурина (№ 128). Насление хошуна считалось ближайшими родичами хух-хотским (гуйсуйским) тумэтам. Объединившись с харачинами против Чахарского ханства, разбили его войска в сражении при г. Чжань-чжэн, од-

нако, опасаясь мести Ликдэн-Хана, в 1628 г. вместе с харачинами же дзасак обратился за помощью к маньчжурскому императору и на следующий год прибыл ко Двору, а в 1636 г. окончательно принял подданство империи Цин. После его смерти в 1639 г. его сын в 1648 г. возведен в достоинство, в 1663 г. ему пожалован титул бэйсэ с управлением, как говорит Попов, 79 ротами, однако Матусовский указывает на 2 эскадрона. У Попова есть добавление о том, что имелся Особый отдел, отложившийся в левое крыло Тумэтов, относившийся ранее к кочевью халхаского бэйлэ аймака Чжасакту-Хана, однако из-за убийства в 1662 г. своим родичем местного хана его преемник откочевал во владения империи Цин и согласно императорскому указу был подчинен левому крылу Тумэтского аймака с титулом бэйлэ и с подчинением ему 2 рот. У Матусовского Тумэтский хошун правого крыла делился на 2 эскадрона.

2.2. Тумэтский хошун левого крыла цзасака туруйнь-дархан-бэйсэ – у Матусовского, Знамя левого крыла Тумотов – у Попова, Цзун-Тумет – у Коростовца и Сурина (№ 129). Маньчжурское подданство принято в 1629 г., в достоинство дзасак возведен в 1635 г. с подчинением ему, как указано у Попова, 30 рот, однако Матусовский указывает 49 эскадронов.

Уникальным для Внутренней Монголии являлся единственный в этой части монгольских земель ламский хошун **Шилин-ту-Хурэ**, дзасаком которого с 1646 г. являлся лама, утверждавшийся Лифаньюань, но фактически сохранявший власть в рамках своего рода. Относительно небольшой по площади, ок. 75 км в длину и 30 км в ширину, он располагался в окрестностях современного хошуна Хурэ-Ци городского округа Тунляо АРВМ. После образования хошуна маньчжурский император отдал распоряжение дзасакам о направлении в данный хошун лам из их подконтрольных им территорий. В 1931 г. также вошел в состав Маньчжоу-Го, в 1934 г. вошел в состав провинции Синь-ань/Хинган, а в следующем году был ликвидирован.

Современные государственные и региональные границы на территории городского округа Хулун-Буир

М	М	В
А	И	П
Н	Р	Е
Ь		Р
Ч	В	В
Ж	Н	О
У	У	Й
Р	П	
О	Р	П
,	Е	О
М	Н	А
О	Н	О
Н	Е	В
Т	Й	И
О		Н
А	А	Е
Ь	З	
С	И	Х
К	И	Х
И		
Й		в.

Глава III. МАНЬЧЖУРСКИЙ МИР – БАРГА

3.1 Современный Хулун-Буир

Физико-географическая характеристика Хулун-Буира

Географическое положение и административная преемственность

Современная территория, практически полностью совпадающая с границами исторической Барги, сегодня входит в состав Китайской Народной Республики как городской округ Хулун-Буир, являющийся частью Автономного района Внутренняя Монголия. Это огромная по площади административная единица (свыше 250 000 км²), расположенная на крайнем северо-востоке Китая и играющая важнейшую стратегическую роль благодаря своему пограничному положению.

На севере и западе Хулун-Буир граничит с Российской Федерацией (Забайкальский край) по р. Аргунь, на юго-западе — с Монголией. На востоке и юго-востоке он примыкает к провинции Хэйлунцзян. Таким образом, современный Хулун-Буир, как и его исторический предшественник Барга, является контактной зоной трех государств и цивилизаций. Административным центром округа является г. Хайлар, который сохранил свою историческую столичную функцию. Территория округа полностью включает в себя как степные пространства Хучин-Барги и Шин-Барги, так и таежные районы Прихинганья, ранее населенные ороचनाми.

Рельеф и гидрография

Главной орографической осью региона является хребет Большой Хинган, который пересекает территорию в меридиональном направлении, разделяя ее на две совершенно разные в геоморфологическом отношении части. К западу от Хингана простирается знаменитое Хулунбуирское плато — обширная, преимущественно равнинная или пологоволнистая степь, являющаяся одним из величайших и наиболее сохранившихся пастбищных ландшафтов в мире. Средняя высота плато составляет 600–700 м над уровнем моря. В южной части степной рельеф прерывается массива-

ми песчаных дюн. Восточная часть округа представляет собой западные склоны Большого Хингана. Это горно-таежный ландшафт с сильно расчлененным рельефом, глубокими речными долинами, каньонами и лесистыми склонами.

Гидрографическая сеть Хулун-Буира густа и принадлежит к бассейну Амура. Ее основу составляют два великих пресноводных озера: Хулун (исторический Далай-нор) и Буир. Главной рекой является Аргунь и ее верховье — р. Хайлар, которая берет начало на склонах Хингана. Важную роль играет также р. Кэрулен, текущая с территории Монголии и впадающая в озеро Хулун. Эти реки и озера не только являются важнейшими источниками пресной воды, но и формируют уникальные экосистемы и служат основой для рыболовства и туризма.

Климат, почвы и природные ресурсы

Климат Хулун-Буира резко континентальный, с экстремально низкими зимними температурами (до -40 °С и ниже) и коротким, но теплым и даже жарким летом. Большой Хинган выступает в роли климатического барьера: его восточные склоны получают больше осадков под влиянием летних муссонов, в то время как западное плато находится в «дождевой тени», что и определяет его степной характер.

Почвенный и растительный покров четко зонирован в соответствии с рельефом и климатом. На Хулунбуирском плато преобладают плодородные каштановые почвы и черноземы, создающие основу для знаменитых степей, которые называют «жемчужиной Северного Китая». Растительность представлена ковылем, типчаком и богатым разнотравьем. Склоны Большого Хингана покрыты подзолистыми и горно-таежными почвами, на которых произрастает девственная тайга, состоящая преимущественно из даурской лиственницы, березы, сосны и кедра.

Современный Хулун-Буир — регион, обладающий колоссальными природными ресурсами. Обширные пастбища остаются основой для развитого животноводства. Плодородные земли в речных долинах используются для земледелия. Хинганская тайга является одной из важнейших лесосырьевых баз Китая. Регион богат полезными ископаемыми. Ключевое значение

имеют огромные запасы бурого угля в районе Чжалайнор, который является одним из крупнейших угольных бассейнов страны. Также имеются месторождения золота, серебро-свинцовых руд, соли, соды и известняка. Чистые реки и озера, уникальные ландшафты и минеральные источники (такие как Халхин-Халун-Аршан) делают регион одним из важнейших центров экологического и лечебно-оздоровительного туризма в Китае.

Экономико-географическая характеристика

Демографический ландшафт и этническая приемственность

Современный Хулун-Буир — это регион с динамично растущим населением и сложной этнической структурой, которая является прямым наследием его бурной истории. Если в начале XX в. общая численность населения едва превышала 70,000 человек, то сегодня она составляет около 2.5 миллиона. Этот демографический рост отражает экономическую трансформацию региона от кочевой периферии до важного промышленного, аграрного и транспортного узла Северо-Восточного Китая.

Этнический состав также претерпел кардинальные изменения. Если в исследуемый период основу населения составляли кочевые монгольские племена (баргуты, солоны, олёты) и таежные охотники (орочоны), то сегодня абсолютное большинство (более 80 %) составляют ханьцы (китайцы). Их массовая миграция в регион, начавшаяся с постройкой КВЖД и усилившаяся после образования КНР, стала главным фактором освоения природных ресурсов и развития современной экономики. Тем не менее Хулун-Буир сохраняет свой уникальный многонациональный характер. Монголы (около 250 000 человек), прямые потомки ново- и старо-баргутов, остаются второй по численности этнической группой, сохраняя язык, культуру и традиции скотоводства. Также на территории округа проживают дауры, эвенки (исторические солоны и орочоны) и русские, что делает Хулун-Буир одним из самых полиэтничных регионов Китая. Рас-

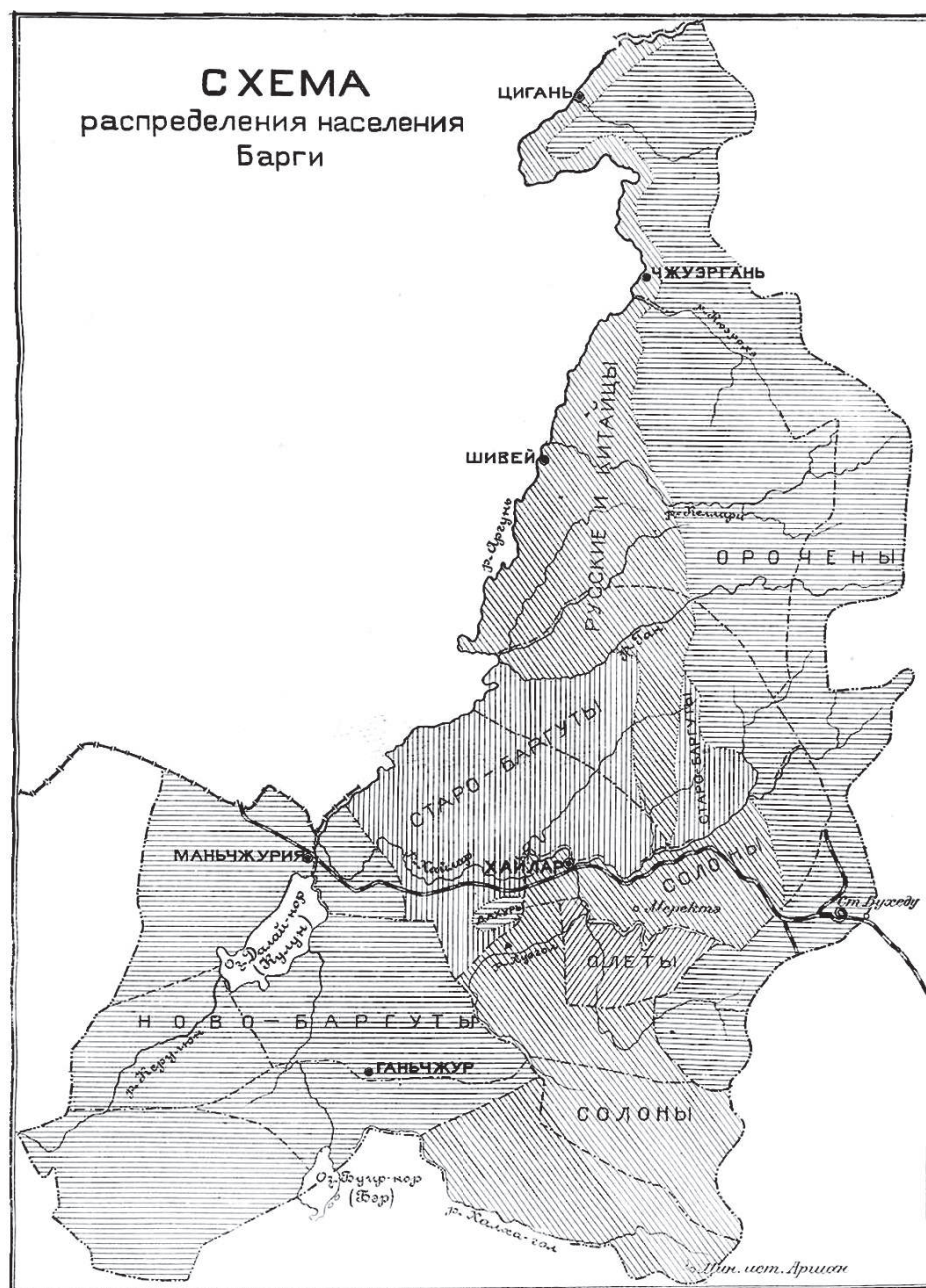

Схема распространения населения Барги (В.А. Кормазов, «Вестник Маньчжурии», 1928 г.)

селение сохраняет историческую преемственность: городское и промышленное население сконцентрировано вдоль линии железной дороги (Хайлар, Маньчжурия, Чжалайно́р), а сельское монгольское население — в степных хошунах, продолжая заниматься традиционным хозяйством.

Экономическая система: от кочевий к индустриальной экономике

Современная экономика Хулун-Буира представляет собой многоотраслевой комплекс, в котором исторические хозяйственные уклады были глубоко трансформированы, но не исчезли, а интегрировались в новую реальность.

Промышленность

Промышленность – ведущая отрасль современной экономики, возникшая на базе богатейших минеральных ресурсов, разработка которых началась еще в начале XX в. Исторические копи в Чжалайно́ре, дававшие в 1920-х годах около 200 тыс. т угля, превратились в гигантские угольные разрезы, являющиеся одними из крупнейших в Китае и основой энергетики всего Северо-Востока. На базе угольных месторождений построены мощные тепловые электростанции, снабжающие энергией не только местную промышленность, но и соседние регионы. Исторические лесные концессии в предгорьях Хингана эволюционировали в современную лесную индустрию с центрами в Якэши и Гэньхэ.

Сельское хозяйство

Традиционное скотоводство, оставаясь культурным символом региона, претерпело качественные изменения.

Животноводство

Исторические миллионные стада баргутов стали основой для современного высокопродуктивного животноводства. Экстенсивное кочевое хозяйство постепенно уступает место современным формам пастбищного и стойлового содержания, с практикой сенокошения и заготовки кормов, которую в регион принесли забайкальские переселенцы. Хулун-Буир сегодня — одна из важнейших

баз животноводства в Китае, поставляющая на рынок мясо, молоко и шерсть.

Земледелие

Распашка земель, начатая русскими и китайскими переселенцами в начале XX в. в долинах рек, значительно расширилась. Сегодня Хулун-Буир является важным производителем зерновых (пшеница, ячмень), масличных (рапс) и кормовых культур.

Инфраструктура и внешние связи

Транспорт

Историческая линия КВЖД остается главной транспортной осью региона, но теперь она дополнена густой сетью автомобильных дорог, соединяющих все районы округа. Хайлар превратился в крупный транспортный узел с международным аэропортом.

Торговля и туризм

Историческая роль Барги как «ворот» в Монголию и Россию сегодня реализуется через пограничные переходы и торговые зоны в Маньчжурии (на границе с РФ) и других пунктах. Хайлар, унаследовав от Ганьчжурской ярмарки функцию торгового центра, превратился в современный город. Уникальные природные ландшафты (степи, леса, озера) и самобытная культура кочевых народов стали основой для бурно развивающейся туристической отрасли, привлекающей миллионы туристов.

Таким образом, современный Хулун-Буир демонстрирует впечатляющий пример экономической трансформации, где историческое наследие — от кочевых традиций до первых промышленных предприятий — стало фундаментом для создания мощного и диверсифицированного хозяйственного комплекса.

Общая информация о Хулун-Буире

Городской округ Хулун-Буир автономного района Внутренняя Монголия, расположенный на стыке границ Китая, России и

Монголии, состоит из степной части, именуемой в отечественной литературе первой половиной XX в. как Барга, и ряда таежных районов Прихинганья (Чжаланьтунь, Якэши, Арун, Гэньхэ и др.). Для удобства работы с представленными картами далее используем в большинстве случаев термин «Барга».

С древних времен регион населяли кочевые племена дунху, хунну, сяньби, шивэй, киданей, чжурчженей, монголов. В период Монгольской империи Барга являлась одним из ее уделов. В XV–XVI вв. здесь имелись отдельные кочевья монгольского племени хорчинов, в разные периоды проникали также и другие монгольские и тунгусо-маньчжурские этнические группы. Возвышение маньчжуров и начавшееся затем вооруженное противостояние Цинской империи с Русским государством привели к созданию в регионе отдельной военно-административной единицы – Хулун-буирского наместничества, возглавляемого фудутунгом (др. назв. амбань). В 1732 г. из юго-западной части Халхи в Баргу прибыла группа олетов; из окрестностей Цицикара и Бутхи были переселены 1636 солонов, 730 дауров, 275 баргутов, 359 ороحوнов вместе с семьями. В 1734 г. из пределов Цэцэн-хановского аймака Халхи в Баргу перекочевала группа, получившая название «новых баргутов».

Из этих кочевых и охотничьих групп были созданы 18 знамен (хошунов), в начале XX в. объединенных в 6 знаменных участков. Их распределение было следующим:

I. Солон-баргутский, восточного крыла.

1. Хошун Хуво-шара (желтого с каймой знамени).
2. Хошун Гул-цаган (белого знамени).
3. Хошун Хуво-цаган (белого с каймой знамени).
4. Хошун Гул-хухэ (синего знамени).

II. Солонский, западного крыла.

5. Хошун Гул-шара (желтого знамени).
6. Хошун Гул-улан (красного знамени).
7. Хошун Хуво-улан (красного с каймой знамени).
8. Хошун Хуво-хухэ (синего с каймой знамени).

III. Ново-баргутский, восточного крыла.

9. Хошун Куво-шара (желтого с каймой знамени).
10. Хошун Гул-цаган (белого знамени).
11. Хошун Хуво-цаган (белого с каймой знамени).

12. Хошун Гул-хухэ (синего знамени).

IV. Ново-баргутский, западного крыла.

13. Хошун Гул-шара (желтого знамени).

14. Хошун Гул-улан (красного знамени).

15. Хошун Хуво-улаан (красного с каймой знамени).

16. Хошун Гул-хухэ (синего знамени).

V. Олетский.

17. Хошун Хуво-шара (желтого с каймой знамени).

VI. Ороchonский.

18. Хошун Хуво-хухэ (синего с каймой знамени).

Администрация амбана, имевшего военные полномочия, располагалась в Хайларе.

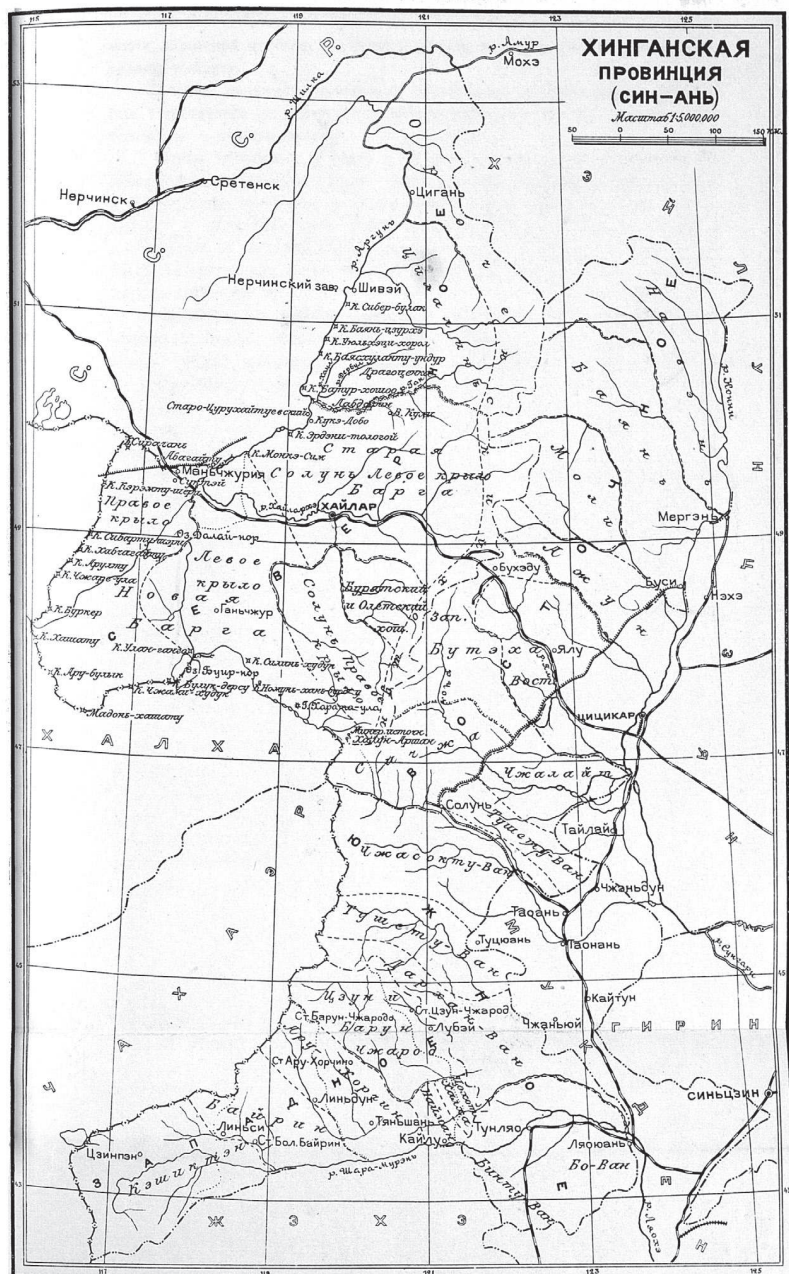
В 1900 г. баргинские войска во главе с амбанем Ашинга потерпели поражение в сражении с отрядом генерал-майора Н. А. Орлова. Снятые баргинские караулы были восстановлены в 1904 г., но уже в 1905 г. заменены китайскими. Тогда же была упразднена должность амбана и управление Баргой передано китайскому чиновнику – фудуну, с 1909 г. – даотаю. Баргинские чиновники сохранили свои должности, но не имели, как прежде, полной власти. Необходимо заметить, что наряду с усилением китайского влияния в Барге наблюдалось и достаточно интенсивное политико-экономическое проникновение России по линии КВЖД и несколько позже Японии.

В конце 1909 г. китайские власти выделили два района – Хайлар и Маньжурию как пригодные для ханьской колонизации. Однако они не рискнули провести коренное реформирование знаменной организации Барги.

Серьезные изменения в Барге произошли в 1912 г., когда повстанцы захватили Хайлар и изгнали китайскую администрацию. Были провозглашены независимость Барги во главе с Шэнфу

Схема административного деления Северной Маньчжурии из «Справочника по Северной Маньчжурии...» (1927 г.)

Карта Хинганской провинции (Синь-Ань) из работы В.А. Кормазова за 1934 г.

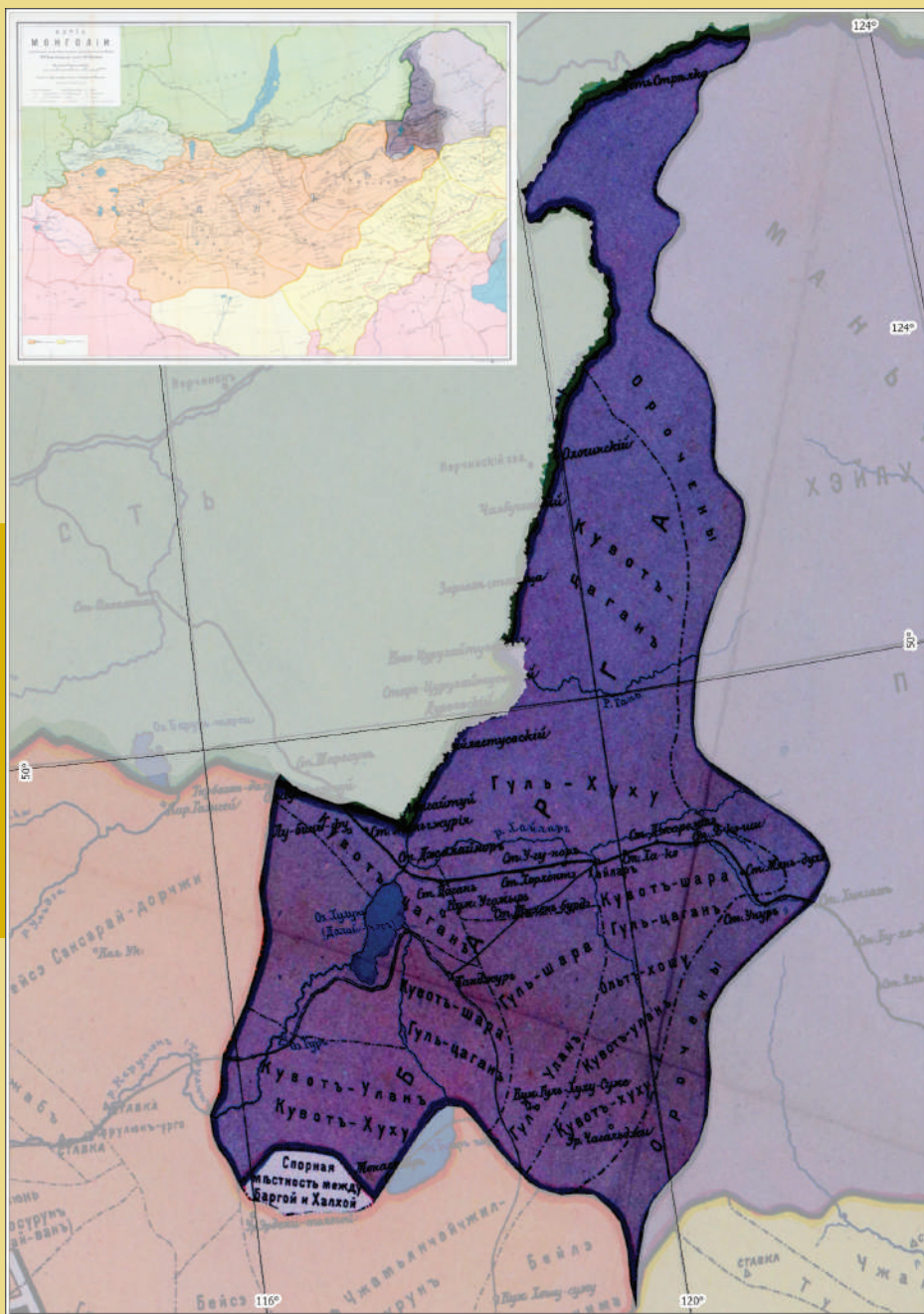
и последующее вхождение в состав владений Богдо-гэгэна. Эти шаги, не получившие признания со стороны Китайской Республики, однако, были успешно использованы российскими властями, усилившими экономическое влияние в регионе. Спустя некоторое время разочарование баргинской знати в неопределенном статусе Внешней Монголии вылилось в противодействие монгольским чиновникам и раскол на две группировки – сторонников объединения с Внешней Монголией и восстановления Цинской династии. Важную роль в этих событиях и в целом в политической жизни региона играли дауры. Не имея своего даурского хошуна, они, тем не менее, составляли основное население хошунов Хуво-шара и Гул-цаган (желтого с каймой и белого знамени) солон-баргутского восточного крыла. Вместе с ними в небольшом количестве проживали солоны.

Вслед за Хятинским тройственным договором 24 октября 1915 г. между Россией и Китайской Республикой было подписано Соглашение о Хулунбуирском округе, по которому он приобретал статус специального округа, непосредственно подчиненного правительству Китая, но являющегося самостоятельным в финансовых вопросах, в деле внутренней организации органов управления и др. Документ также юридически защищал экономические интересы России и права российских подданных на территории Барги.

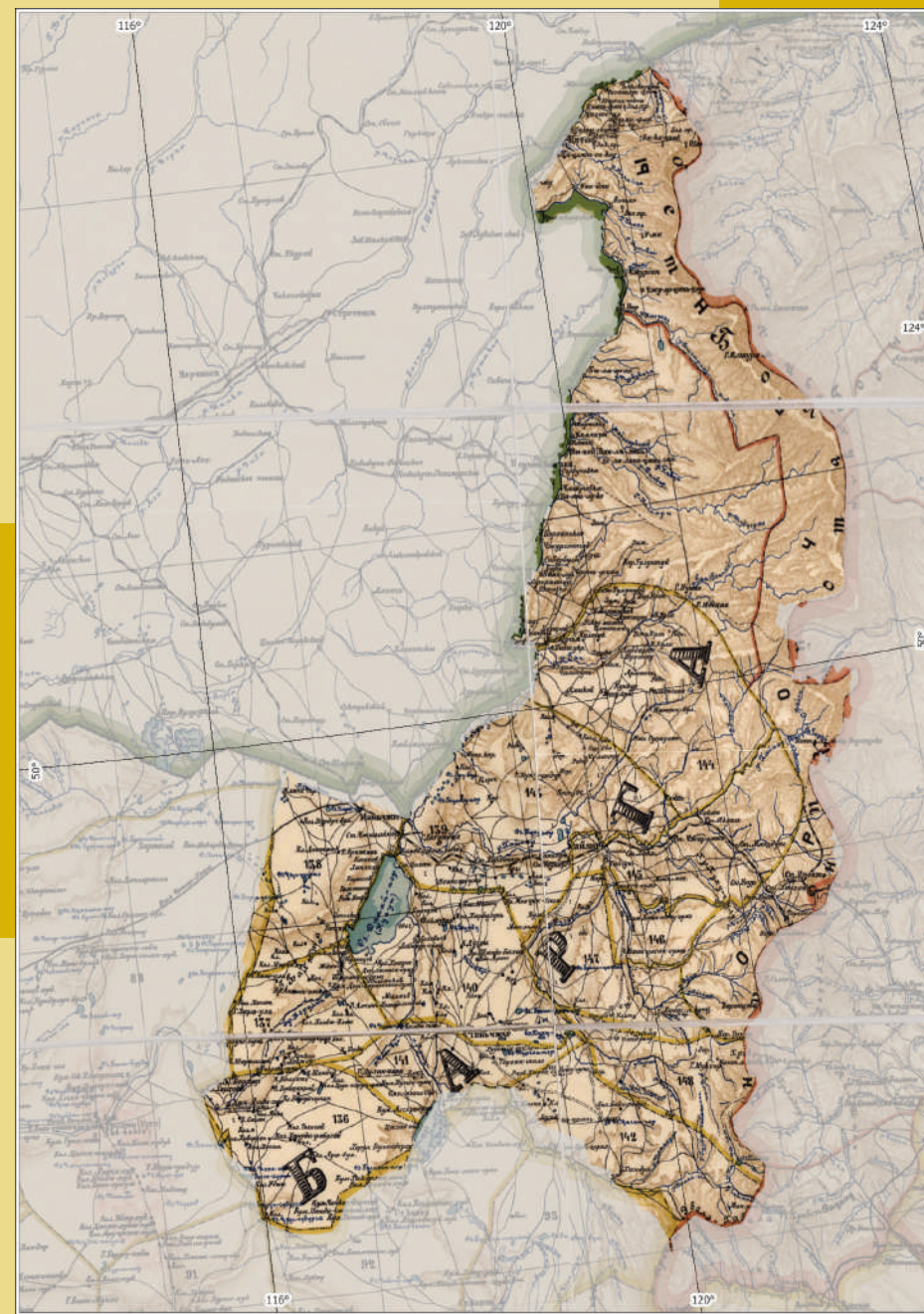
В мае 1917 г. харчинский отряд во главе с Сэбжингэ и Бумбажавом, под предлогом устранения амбана Шэнфу, захватил Хайлар и его окрестности. Баргинская администрация из числа дауров, выехавших в Цицикар, сумела собрать отряд и совместно с полком пограничной стражи Заамурского округа изгнать харчинов в августе 1917 г. за пределы Барги.

Крушение Российской империи и смута, воцарившаяся в приграничье, привели к усилению прокитайской ориентации ряда баргинских чиновников. В январе 1920 г. администрация Барги приняла решение войти в состав Китайской Республики. Статус специального округа после неоднократных обсуждений был упразднен, и Барга вошла в состав провинции Хэйлуцзянь.

В 20–30-х гг. XX в. баргинская молодежь примкнула к общенациональному монгольскому и революционному движениям, создала Народно-революционную партию Восточного края (НРПВК). Их лидеры Мэрсэ и Фуминтай приняли участие в создании Народно-революционной партии Внутренней Монголии (НРПВМ). Большое значение для баргинских революционеров имела проблема возвращения Барге статуса независимого региона, что, по их мнению, было возможно лишь с отстранением от власти старых чи-

Территория Барги на карте Монголии И. Я. Коростовца

Территория Барги на карте Монголии В. И. Сурина

новников и изгнанием китайской власти путем вооруженного восстания. Баргинское восстание 1928 г. началось в августе в хошуне Гул-хухэ (синего знамени) восточного крыла Новой Барги, охватило также хошуны Хуво-хухэ, Гул-цаган и Гул-шара (синего с каймой, белого и желтого знамен). Ожидания повстанцев на помощь Коминтерна не оправдались, и восстание было подавлено китайскими войсками.

После завершения японского присутствия северо-восточного Китая и создания Маньчжоу-Го в марте 1932 г. на территории Барги была создана Северная область провинции Хинган, в 1934 г. преобразованная в самостоятельную провинцию Северный Хинган. Административным центром района стал г. Хайлар, губернатором провинции был назначен Линшэн. В апреле 1936 г. он был схвачен японскими властями по подозрению в контактах с СССР и МНР и казнен вместе с тремя сподвижниками-даурами.

В годы Второй мировой войны активная антияпонская деятельность развернулась в Хайларе, и особенно в его пригороде, пос. Наньтунь, во главе с Найралту (кит. Го Вэнгуи). Ядро подпольной группы составили бывшие студенты советских и монгольских учебных заведений. Разведданные первоначально передавались через агентов в Харбин, затем непосредственно советским разведчикам.

В местностях Агуйт и Имин солонского хошуна провинции Северный Хинган в 1942–1944 гг. японцы проводили испытания бактериологического оружия, что усиливало антияпонские настроения среди населения.

С объявлением войны Японии 9 августа 1945 г. войска Забайкальского фронта за 3–4 дня молниеносно заняли всю территорию Хулун-Буира. Серьезное сопротивление оказывал лишь гарнизон Хайларского укрепрайона, сдавшийся 18 августа 1945 г. В конце сентября–начале октября 1945 г. состоялся исход около 1000 юрт из трех хошунов Новой Барги в МНР. Позже в Восточном аймаке МНР из них был создан сомон Хулунбуир. Поводом для переселения явилась неразрешенность высшими кругами СССР и МНР вопроса о воссоединении Барги с МНР.

С поражением Квантунской армии завершилось существование государственного образования Маньчжоу-Го, власти

провинции Северный Хинган также лишились своих полномочий. До середины сентября 1945 г. Барга пребывала в режиме безвластия, образовывались различные политические группировки, претендовавшие на правление. Не имеющее реальной силы в регионе, правительство Китайской Республики, тем не менее, в спешном порядке подготовило административно-территориальную документацию, где отнесло регион к провинции Синьань (монг. Хинган). Сигнал к активным действиям был дан представителем советского командования в Хайларе, напомним о необходимости введения самоуправления. 18 сентября 1945 г. было провозглашено о создании Хулун-Буирского монгольского хошуна, 1 октября 1945 г. – автономной провинции Хулун-Буир. На должность главы правительства был приглашен Эрхимбато, бывший губернатор провинции Северный Хинган. В марте 1946 г. провинциальная администрация была преобразована во Временное региональное автономное правительство Хулунбуирского округа, в октябре 1946 г. – в автономное правительство Хулунбуирского округа.

1 января 1948 г. решением правительства автономной Внутренней Монголии Хулун-Буирский автономный округ был упразднен и включен в состав Внутренней Монголии в качестве аймака. В состав нового правительства вошли 11 человек, из них Эрхимбато был назначен главой правительства, Гонгоржав – его заместителем.

11 апреля 1949 г. правительство АРВМ издало указ об объединении аймаков Хулун-Буир и Навэньмужэнь (монг. Нонни-мурэн). Новая административно-территориальная единица стала называться аймак Хулун-Буир-Навэньмужэнь. В 1953 г. аймак был расформирован в результате выделения восточной части Внутренней Монголии в особую административную единицу. В 1954 г. в результате отказа от особого статуса восточной части Внутренней Монголии на землях бывших аймаков Хулун-Буир-Навэньмужэнь и Хинган был создан аймак Хулун-Буир. В 1969 г. большую часть аймака Хулун-Буир включили в состав провинции Хэйлунцзян, часть – в провинцию Гирин. В 1970 г. два хошуна (орочонский и даурский) выделили из аймака и передали в провинцию Хэйлунцзян. В 1979 г. Хулун-Буирский аймак

вновь включили в состав автономного района Внутренняя Монголия в границах 1969 г. (за исключением районов Джагдачи и Сунлин Орочонского автономного хошуна, оставшихся в ведении властей округа Да-Хинган-Лин). В 1980 г. восстановили аймак Хинган, и Хулун-Буир вернулся к границам 1953 г. В 2001 г. по постановлению Госсовета КНР аймак Хулун-Буир был преобразован в городской округ.

3.2. Хучин-Барга

■ Физико-географическая характеристика

Географическое положение и административная преемственность

Хучин-Барга, или Старая Барга, — историческое ядро всего баргинского региона, занимающее его центральные и западные территории. Ее географические границы были четко определены цинской администрацией: на западе они проходили по рекам Аргунь, Оршунь и озерам Далай-нор и Буир-нор; на востоке — по главному хребту Большого Хингана; на юге естественным рубежом служила р. Халха. Эта обширная территория стала объектом целенаправленного заселения в 1732 г., когда по императорскому указу сюда из района р. Нонни были переселены первые военно-служилые группы: 1636 солонов, 730 дауров, 265 баргутов (чипчинов) и 359 орохонов. Именно эти племена, составившие основу «восьмизнаменной» военной организации, и сформировали этнографический и политический ландшафт Старой Барги.

Административным центром, основанным в 1734 г. специально для управления этими новыми землями, стал г. Хайлар (по-монгольски «Амбань-Хото» — город наместника). В административной системе Барги начала XX в. территория Хучин-Барги включала в себя Олётский хошун, два чипчинских (старо-баргутских) и шесть солонских хошунов. В современном административном делении исторические земли Старой Барги в основном соответствуют Эвенкийскому автономному

хошуну, городскому округу Хайлар и западным частям городского округа Хулун-Буир.

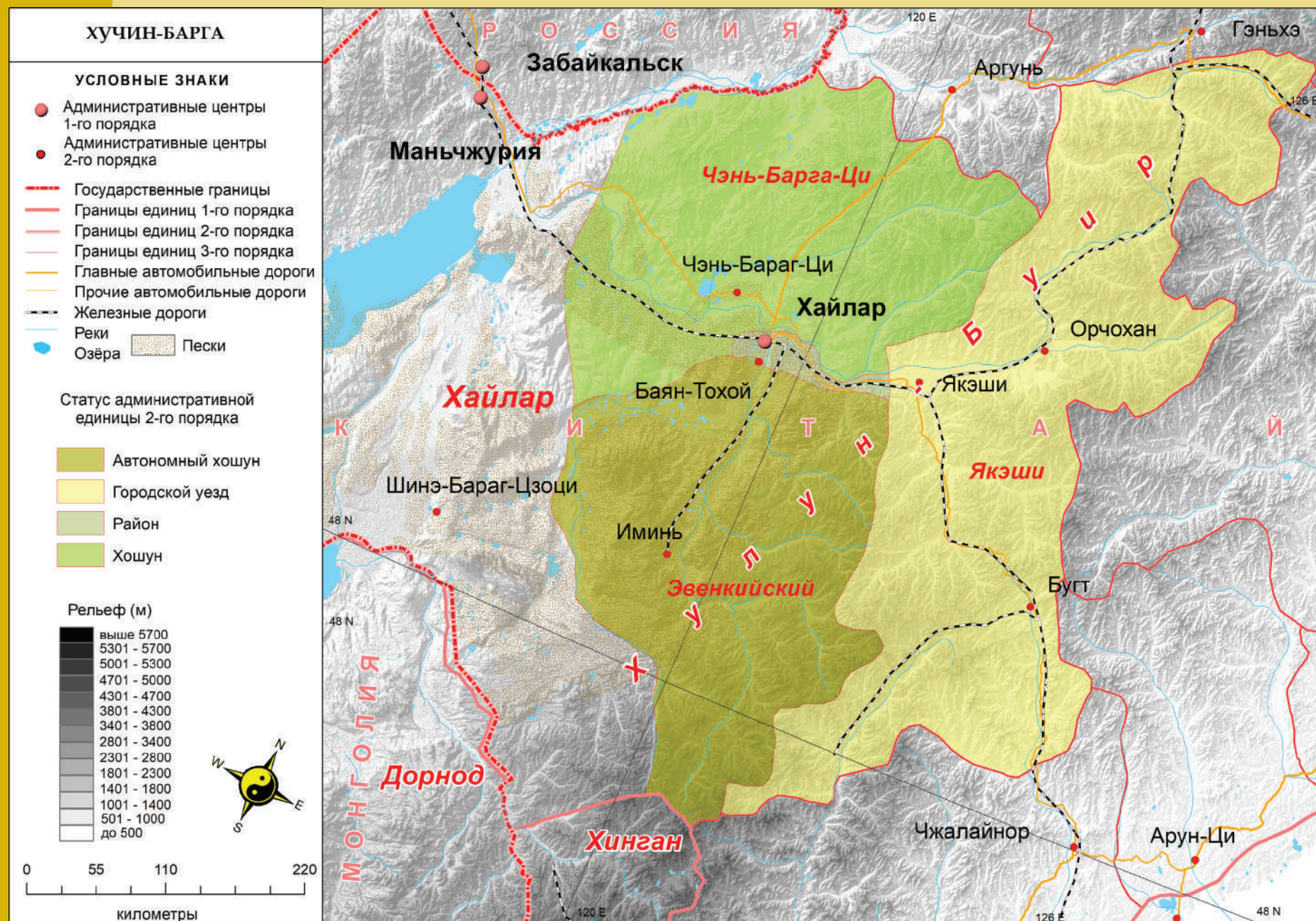
Рельеф и гидрография

Ландшафт Старой Барги представляет собой обширное плоскогорье со средней высотой 640 м над уровнем моря, которое можно разделить на несколько физико-географических зон. Восточная часть, примыкающая к Хингану, представляет собой холмистую местность, постепенно переходящую в лесистые увалы и предгорья. Центральная часть — это классическая волнистая степная равнина, пересеченная широкими речными долинами. Для южной части, особенно в районе между озерами Далай-нор и Буир-нор, характерен рельеф, прерываемый песчаными буграми и дюнами, среди которых разбросано множество соленых и содовых озер в глубоких бессточных впадинах.

Гидрографическая сеть региона густа и играет ключевую хозяйственную роль. Главной водной артерией является р. Хайлар (верхнее течение Аргуни), которая берет начало на западных склонах Хингана и течет в широтном направлении, принимая множество притоков, важнейшим из которых является Имингол. Реки региона, как правило, имеют извилистые русла, каменистое дно и не имеют весеннего половодья; их водный режим полностью зависит от летних муссонных дождей, вызывающих сильные паводки в июле–августе. На западе территории расположены два «внутренних моря» Барги — пресноводные озера Далай-нор (Хулун) и Буир-нор, соединенные р. Оршунь. Эти озера, богатые рыбой (сазан, карась, щука), исторически служили важнейшим источником пропитания и объектом промысла.

Климат, почвы и природные ресурсы

Климат Старой Барги — резко континентальный, суровый, с коротким, но жарким летом и долгой, очень холодной и малоснежной зимой. Среднегодовая температура в Хайларе отрицательная (–2,3 °С). Безморозный период крайне короток

Современные государственные и региональные границы на территории Хучин-Барги (Старой Барги) (по сост. на 1925 г.)

(90–100 дней), что серьезно ограничивает возможности земледелия. Открытость ландшафта делает его уязвимым для сильных ветров. В северной, таежной части региона широко распространена многолетняя мерзлота, которая оттаивает летом лишь на небольшую глубину.

Почвенный покров отражает ландшафтное разнообразие. На востоке, в предгорьях, преобладают серые лесные и подзолистые почвы. Центральная степь покрыта светло-каштановыми почвами, которые, в сочетании с обширными участками солончаков, создают основу для богатейшего травостоя, идеально подходящего для кочевого скотоводства. Флора представлена засухоустойчивыми злаками: острец, пырей, кислица, осока, вязиль, морковник.

Главным природным богатством Старой Барги всегда были ее пастбища и промысловые угодья. Степь была богата тарбаганом, лисицей, волком. Лесные массивы на востоке давали пушнину (белка, соболь) и служили местом обитания крупных копытных (лось, изюбрь). Важнейшими минеральными ресурсами являются крупнейшие в регионе залежи бурого угля в районе Чжалайнора, а также многочисленные озера с самосадочной солью (оз. Баин-нор) и содой (оз. Худи-нор). Имеются также значительные запасы извести, огнеупорной глины и серебро-свинцовых руд. Такое сочетание богатых пастбищ, водных ресурсов и полезных ископаемых сделало Старую Баргу ключевым экономическим районом всего региона.

Экономико-географическая характеристика

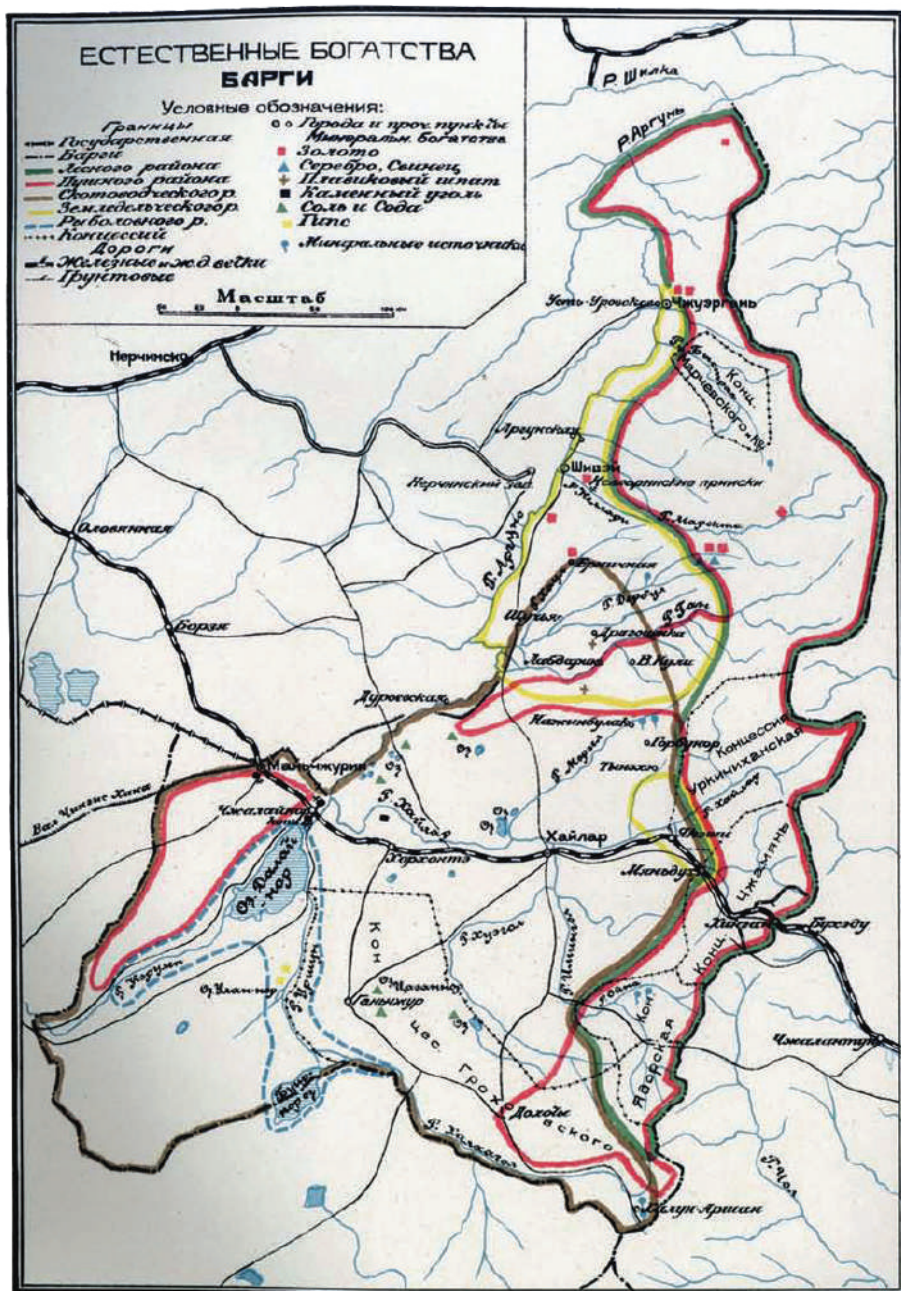
Демографический ландшафт и этнический состав

Старая Барга в исследуемый период представляла собой уникальный полиэтнический регион, где различные народы, сохраняя культурную самобытность, были интегрированы в единую военно-административную и хозяйственную систему. Согласно данным на начало 1920-х годов, кочевое население Хучин-Барги насчитывало около 14 700 человек, что составляло почти половину всех кочевников Барги. Этническую основу составляли не-

сколько ключевых групп: солоны (~8 000 человек) и чипчины (старо-баргуты, ~5 000 человек) были наиболее многочисленными. Они занимали степные и лесостепные районы, формируя ядро кочевого скотоводческого хозяйства; олёты (~900 человек) — потомки джунгаров, переселенные в 1732 г., представляли собой отдельную группу, постепенно ассимилировавшуюся, но сохранявшую свою идентичность; орочоны (~2 000 человек) и якуты — классические таежные охотники, занимавшие северные лесные массивы Хингана. Их хозяйственный уклад и образ жизни кардинально отличались от степных скотоводов; дауры (~1 000 человек) являлись единственным коренным оседлым народом региона. Они проживали в Старом Хайларе и нескольких деревнях поблизости, занимаясь земледелием, торговлей и составляя основу местной администрации. Помимо коренного населения, с постройкой КВЖД в регионе стали формироваться центры русского и китайского расселения, в первую очередь в Хайларе и на станции Чжалайнор. К 1919 г. население этих двух пунктов уже превышало 10 000 человек, что создавало новые рынки сбыта и приводило к глубокой трансформации традиционной экономики.

Экономическая система

Экономика Старой Барги была построена на сочетании трех принципиально разных укладов, соответствовавших ее географическому и этническому зонированию. Традиционное хозяйство (скотоводство и охота): Основой экономики для подавляющего большинства населения было экстенсивное кочевое скотоводство. Согласно статистике 1908 г., только в Старой Барге насчитывалось около 68 тыс. лошадей, 32 тыс. голов КРС и 346 тыс. овец и коз. Хозяйство было полностью адаптировано к суровым природным условиям, но крайне уязвимо к природным катаклизмам (джутам) и эпизоотиям (чума, сибирская язва), которые периодически приводили к массовому падежу скота. Северные таежные районы занимали охотники-орочоны, чей промысел на пушного зверя (белка, соболь, лисица) и копытных (изюбрь, лось) был важной частью региональной экономики.

Карта «Естественные богатства Барги»
 («Справочник по Северной Маньчжурии...», 1927 г.)

Новая экономика (промышленность и торговля)

Ключевым катализатором экономических изменений стало строительство КВЖД. Возникновение станций Хайлар и Чжалайнор превратило их в ключевые экономические центры. Началась промышленная разработка минеральных ресурсов. Угольные копи в Чжалайноре, открытые в 1901 г., к 1920-м годам давали уже свыше 200 тыс. т угля в год, став главным источником топлива для железной дороги. Соляные и содовые промыслы на озерах к югу от Хайлара (Баин-нор, Худи-нор) обеспечивали не только местные нужды, но и экспорт. В Хайларе возникли первые предприятия по переработке местного сырья: шерстомойки, кожевенные и мыловаренные заводы, маслодельные артели.

Инфраструктура и внешние связи

Хайлар стал главным транспортным и торговым узлом. Отсюда расходились караванные пути вглубь Монголии (на Ургу и Сан-Бэйсэ), в Китай и к русскому Забайкалью. Именно здесь происходила основная торговля продуктами скотоводства (шерсть, кожи, скот) и пушниной. Развитие торговли и промышленности стимулировало кредитные отношения, что привело к открытию в Хайларе отделений китайских и русских банков и появлению многочисленных меняльных контор. Таким образом, Старая Барга в первой четверти XX в. представляла собой динамичный регион, где традиционные кочевые уклады вступали в сложное взаимодействие с новой индустриальной и торговой экономикой, принесенной железной дорогой.

Политическая характеристика и история

В 1732 г. по приказу цицикарского цзянцзюня для несения пограничной службы из окрестностей Цицикара и Бутхи в Хулун-Буир были переселены 275 баргутов вместе с солонями, даурами и орочами. Эти баргуты, именовавшиеся с этих пор «старыми баргутами» (монг. хуучин-барга), образовали два хошуна Гул-хухэ и Хуво-цаган (синего и белого с каймой знамен)

солон-баргутского восточного крыла Барги. В начале XX в. район проживания старых баргутов называли «Богатая Барга» (монг. «Баян Барга»), поскольку на 1 человека приходилось 160 голов скота.

Высшие чиновники из числа старых баргутов поддержали перемены в Барге, имевшие место в начале 1912 г. Об этом свидетельствует активное участие в вопросе присоединения региона к Внешней Монголии Дэгчжинбу, дзангина хошуна Гул-хухэ (синего знамени) солон-баргутского восточного крыла. По состоянию на октябрь 1917 г. он вместе с двумя другими чиновниками возглавлял левое отделение администрации, а Баданга – правое. Известно, что в июле 1916 г. угурда Баданга был награжден российскими властями орденом Станислава 2-й степени по случаю подписания русско-китайского соглашения по Барге 24 октября 1915 г.

В начале XX в. старо-баргутская знать стремилась выйти из состава солон-баргутского крыла и образовать отдельный хошун. Дэгчжинбу неоднократно подавал прошения о создании отдельного старо-баргутского хошуна в высшие инстанции, но они не получали одобрения. В октябре 1918 г. Баданга инициировал подачу очередного прошения баргинским ямынем, которое в январе 1919 г. было одобрено президентом Китайской Республики. В рамках единого старо-баргутского хошуна оставалось прежнее деление на два хошуна. Новым было создание 12 сомонов в них: по 6 в каждом. Для этого из хошуна Гул-цаган (белого с каймой знамени) солон-баргутского восточного крыла были выделены 2-й и 3-й сомоны, а также три сомона из хошуна Гул-хухэ (синего знамени) того же крыла. К ним были добавлены новые (очевидно, укрупненные мелкие административно-территориальные единицы. – Авт.) 7 сомонов. Главой старо-баргутского хошуна стал Дэгчжинбу. На первых порах в кочевом хошунном управлении (стационарное здание появилось позже. – Авт.) работали 5 писарей (чиновников-делопроизводителей). 16 марта 1921 г. неподалеку от караула Мунгэн-Шили в результате разбойного нападения Дэгчжинбу был убит. Дело осталось нераскрытым, неясным было и количество похищенного имущества, поскольку

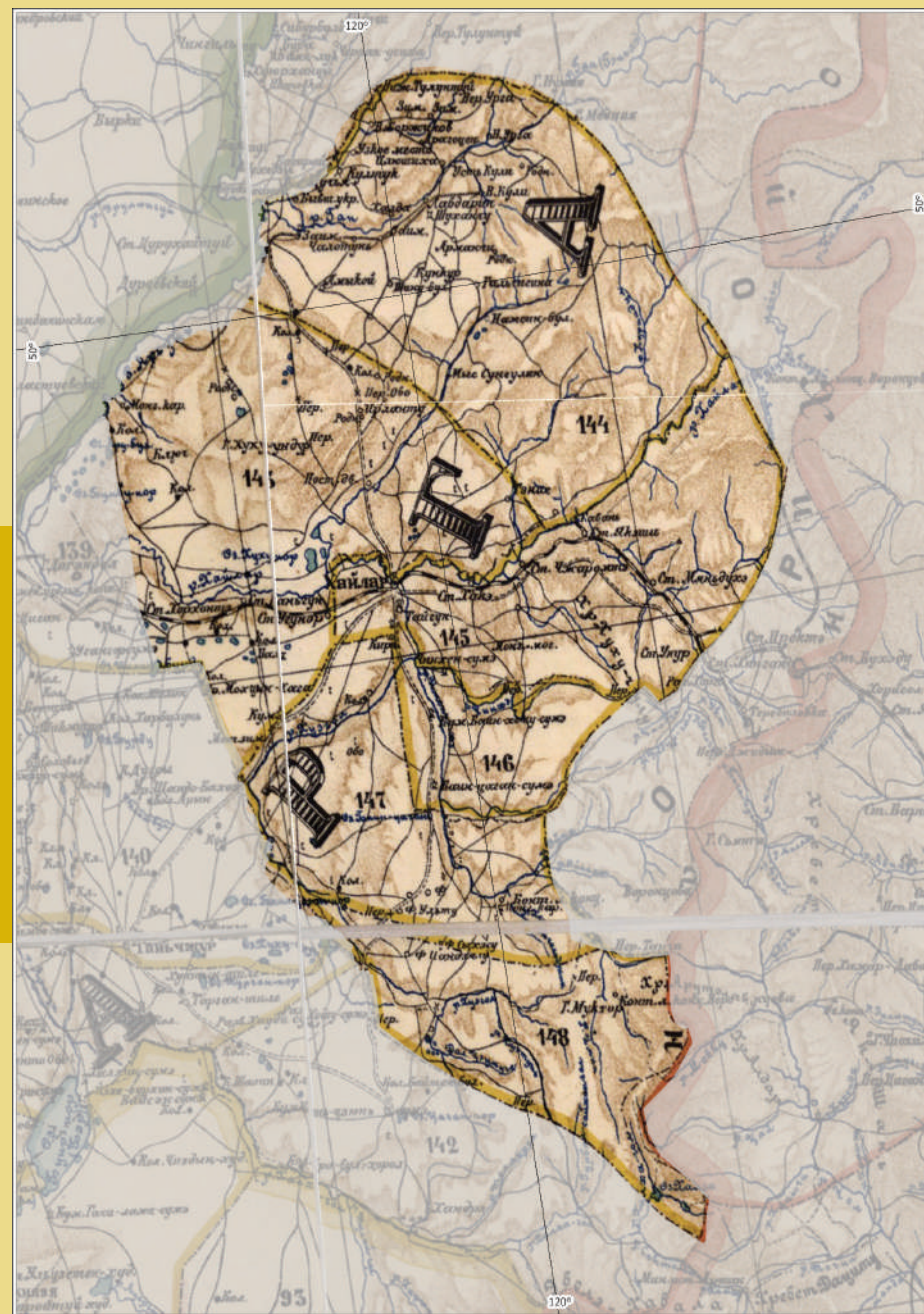
все 12 членов его семьи также погибли от рук разбойников. На основании неявных показаний скотоводов-соседей предполагали, что нападение мог устроить русский отряд численностью около 10 человек. До назначения главой хошуна Баданги исполнение обязанностей угурды было возложено на Лун Аня, дзанги военного ведомства баргинского ямыня. С 1 июня 1921 г. Баданга приступил к обязанностям главы хошуна. Хошунное управление оставалось кочевым, и он со всеми также совершал перекочевки. После него хошун возглавляли следующие чиновники: с 1 апреля 1926 г. – Ширабу из хошуна Гул-хухэ (синего знамени), с 7 августа 1927 г. – Добдабу из хошуна Хуво-цаган (белого с каймой знамени), с 1929 г. по 1932 г. – Пунцаг, в молодости работавший во Внешней Монголии и удостоенный там титула «тусалаху-гун». Он явился последним угурдой старо-баргутского хошуна.

В начальный период Маньчжоу-Го в составе старо-баргутского хошуна, как и прежде, было 12 сомонов. В 1934 г. японские власти основали стационарное хошунное правление в Хухэ-нур – административном центре сомона Онгон, в 1936 г. оно было перенесено в Баян-хурэ. Главой хошуна в 1932 г. стал Пунцаг, его советником был назначен японец Цусия. С самого начала их отношения не сложились, слишком разными по характеру были эти деятели. В конце 1936 г. Цусия был направлен в Ваньмяо, в разведывательное управление. В 1937 г. Пунцаг также был переведен в т.н. ведомство «по народным делам» провинции Северный Хинган. В том же году в результате «чистки» на северных границах, проведенной японцами, 2 сомона Тэнихэ и Мэргэл из солонского хошуна были переданы старо-баргутскому хошуну. Из них был образован сомон Тэнихэ, главой избран хамниган Барди. Так в составе хошуна появился хамниганский (эвенкийский) сомон.

Вместо Пунцага главой хошуна был назначен старо-баргут Пинфу, работавший ранее в должности писаря в баргинском ямыне, руководителя окружной администрации. В начале 1937 г. советником стал Икэда. До него некоторое время должность советника совмещал начальник полицейского участка Ямада, отличавшийся вспыльчивостью и грубостью. Невзлюбив

Хучин-Барга (Старая Барга) на карте Монголии И. Я. Коростовца

Хучин-Барга (Старая Барга) на карте Монголии В. И. Сурина

нового чиновника, в конце мая 1937 г. неподалеку от местности Убэр-нур Ямада застрелил советника Икэду, начальника полиции Тачикаву, ранил свою жену и покончил жизнь самоубийством. С 1937 г. по август 1945 г. в должности советников в хошу не работали японские чиновники Моуки, Ута, Такидзиро Мори.

Старо-баргутский хошун был освобожден в первые дни Маньчжурской наступательной операции. 9 августа 1945 г. частями 86-й армии и 16-го кавполка СССР были заняты Хараат и Онгон старо-баргутского хошуна. Другая группа советских войск вошла в Баян-Хурэ, поспешно покинутый японцами.

В 1946 г. старо-баргутский хошун был разделен на 6 сомонов: Хухэ-нур, Узур, Баян-Хада, Хужирт, Ангирт, Хада-хошуу. 19 мая 1950 г. за подписью премьер-министра КНР Чжоу Эньлая был издан указ № 00683, утверждавший Пурбо в должности главы старо-баргутского хошуна. В настоящее время в состав хошуна старых баргутов (кит. *Chenbaerhu qi*) входят 3 поселка – Баян-хурэн, Баожисилэ, Хухэ-нур, 1 сомон Сиучжуэр, 1 эвенкийский национальный сомон.

3.3 Шин-Барга

■ Физико-географическая характеристика

Географическое положение и административная преемственность

Шин-Барга, или Новая Барга, — это обширный регион, занимающий юго-западную часть всего баргинского пространства, территория которого представляет собой классический степной ландшафт.

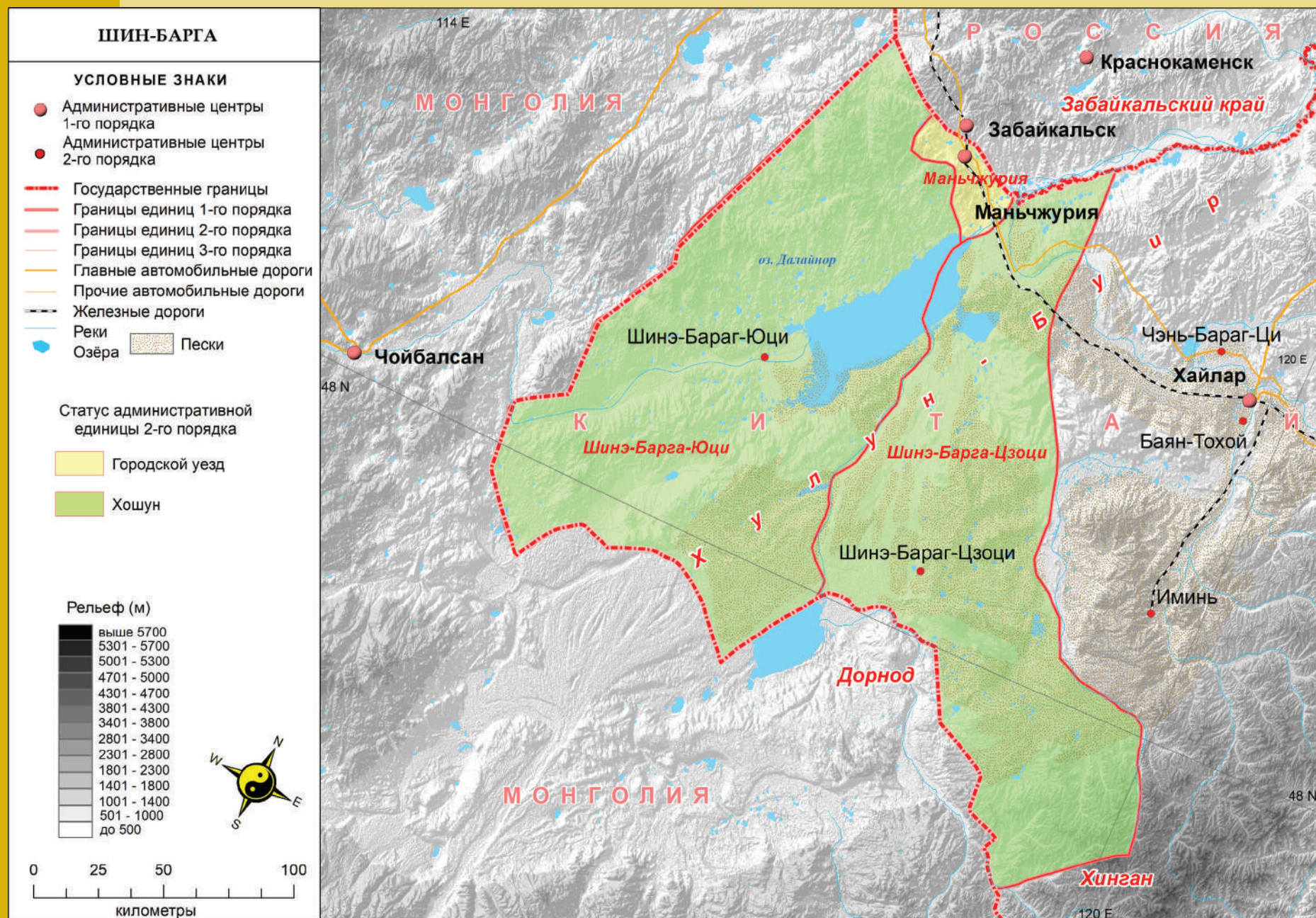
В 1734 г. Цинское правительство переселило из Халхи восемь сомонов (воинских подразделений) баргутов, выделив этим новым подданным земли для кочевий, четко очертив границы региона. На западе граница проходила по линии монгольской Халхи; на севере и северо-востоке Шин-Барга отделялась от земель Старой Барги руслом р. Оршунь (Уршун) и акваторией великих озер Далай-нор и Буир-нор. На юге и

юго-востоке территория Новой Барги клином вдавалась в земли Внутренней Монголии, гранича с хошунами Селингольского и Уцзумучинского сеймов. Общая площадь этой территории составляла около 70–80 тыс. км². Духовным и экономическим центром, стягивавшим к себе все кочевые маршруты, являлся монастырь Ганьчжур-сумэ, расположенный в 175 км к юго-западу от Хайлара. В современном административном делении Китая исторические земли Новой Барги практически полностью соответствуют территории Новобаргутского Левого и Новобаргутского Правого хошунов в составе городского округа Хулун-Буир.

Рельеф и гидрография

Ландшафт Новой Барги представляет собой преимущественно ровную или пологоволнистую степную равнину, являющуюся частью великого Монгольского плато. Средняя высота местности колеблется в пределах 600–700 м над уровнем моря. В отличие от лесистых предгорий Хингана на востоке, здесь практически отсутствуют леса и значительные возвышенности, что делает ландшафт идеальным для экстенсивного кочевого скотоводства. Однако рельеф не является полностью монотонным. Обширные степные пространства пересекаются широкими, хорошо разработанными речными долинами. В южной части, особенно в районе, примыкающем к Ганьчжурской ярмарке, равнина сменяется холмистыми грядами обнаженных песков и дюн, что создает значительные трудности для передвижения, особенно для колесного транспорта. Эти песчаные массивы являются северной оконечностью обширных пустынных пространств Внутренней Монголии.

Гидрографическая сеть региона чрезвычайно богата и играет ключевую роль в хозяйственной жизни, определяя расположение пастбищ и маршруты сезонных кочевий. Главной водной артерией является р. Кэрулен – одна из великих рек Монголии, которая пересекает территорию с запада на восток и впадает в озеро Далай-нор. Другая важная река, Уршун (Оршунь), соединяет озера Буир-нор и Далай-нор, служа естественной границей между Новой и Старой Баргой. Помимо

Современные государственные и региональные границы на территории Шин-Барги (Новой Барги) (по сост. на 1925 г.)

этих крупных рек вся территория испещрена многочисленными мелкими речками (Хандагай, Толор), ручьями и пресноводными озерами, которые служат неиссякаемым источником воды для многотысячных стад. Особую ценность представляют урочища, такие как Долоты, где обилие пресноводных озер и сочных пастбищ делало их излюбленным местом для летних стоянок.

Климат, почвы и природные ресурсы

Климат Новой Барги является наиболее континентальным и суровым во всей Барге. Удаленность от лесных массивов Хингана и близость к пустыне Гоби делают ее полностью открытой для сильных ветров. Зимы здесь крайне холодные, продолжительные (до 8 месяцев) и малоснежные. Лето короткое, жаркое и засушливое. Главной климатической угрозой для хозяйства являются джуты — зимняя бескормица, возникающая после обильных снегопадов, которые скрывают траву, или после осенних дождей с последующими резкими заморозками, образующими ледяную корку (гололедицу). Такие явления, как, например, катастрофическая зима 1906/07 г., периодически приводили к массовому, до 30–40 %, падежу скота.

Почвенный покров преимущественно каштановый и светло-каштановый. Несмотря на невысокое естественное плодородие, эти почвы являются идеальной основой для формирования богатого степного травостоя, состоящего из засухоустойчивых злаков. Огромное значение для скотоводства имеют обширные участки солончаковых почв, особенно в низинах и вокруг озер. Растительность солонцов, богатая минеральными солями, служит для скота естественной подкормкой и способствует быстрому нагулу жира, что высоко ценится кочевниками.

Главным и по сути единственным природным богатством Новой Барги являются ее пастбищные угодья. Обширные, хорошо обводненные степи с питательным травяным покровом составляли основу процветания кочевого скотоводства. Минеральные ресурсы на этой территории практически не разведаны и, по всей видимости, отсутствуют в промышленных масштабах. Лесные массивы также отсутствуют, за исключением редких зарослей тальника по берегам рек, что делает древе-

сину ценным привозным товаром. Фауна представлена типичными степными видами: тарбаган, лисица, волк, дзерен. Таким образом, вся экосистема и хозяйственный уклад региона были полностью подчинены нуждам и циклам экстенсивного кочевого скотоводства.

Экономико-географическая характеристика

Демографический ландшафт и этнический состав

В первой четверти XX в. Шин-Барга представляла собой один из наиболее моноэтнических и редконаселенных регионов Маньчжуро-Монгольского мира. Основу населения составляли ново-баргуты (в русских источниках также «монголо-буряты») — потомки восьми сомонов, откочевавших из Халхи в 1734 г. По данным на начало 1920-х годов, их численность составляла около 17 000 человек, что делало их самой крупной кочевой группой во всей Барге. Плотность населения была крайне низкой, не превышая 0,2–0,3 человека на квадратный километр. Ново-баргуты сохраняли традиционный военно-административный уклад, будучи организованными в восемь хошунов (знамен), разделенных на два крыла — восточное и западное. Этнически, культурно и лингвистически они были практически неотличимы от своих сородичей в соседней Халхе, что способствовало тесным трансграничным связям. Религиозной доминантой являлся тибетский буддизм (ламаизм), а духовным центром, объединявшим все хошуны, служил монастырь Ганьжур-сумэ. В период своего расцвета он насчитывал до 700 лам и являлся не только религиозным, но и важным экономическим и социальным центром. Пришлое население — китайское и русское — в этом регионе практически отсутствовало до начала XX в., что способствовало консервации традиционного кочевого образа жизни в его наиболее чистом виде.

Экономическая система

Экономика Новой Барги представляла собой классическую модель экстенсивного кочевого скотоводства, практиче-

ски не затронутую земледелием или промышленностью. Скот являлся не просто основой хозяйства, но и главной валютой, мериллом богатства и социального статуса. Скотоводство было единственной и всеобъемлющей отраслью экономики. Поголовье скота было огромным: по данным на 1908 г., в восьми хошунах Новой Барги насчитывалось свыше 100 425 лошадей, 90 249 голов КРС и более 1 120 637 овец и коз. Скот круглый год находился на подножном корму, совершая сезонные перекочевки (отор) между летними и зимними пастбищами. Хозяйство было полностью адаптировано к суровым природным условиям, однако отсутствие практики сенокоса делало его крайне уязвимым для климатических аномалий, в первую очередь джуртов. Главными продуктами, поставляемыми на внешний рынок, были живой скот (лошади для армии и быки для мясной торговли), шерсть, кожи, конский волос и другие виды сырья.

Ремесла и промыслы

Ремесленное производство было развито слабо и носило исключительно потребительский характер, будучи направленным на удовлетворение нужд собственного хозяйства. Монголы самостоятельно изготавливали войлок для юрт, простую утварь, элементы сбруи. Охота и рыболовство играли вспомогательную роль.

Инфраструктура и внешние связи

Инфраструктура в современном понимании в регионе отсутствовала. Постоянные поселения, за исключением монастырей, не существовали. Транспортная сеть состояла из караванных троп, соединявших кочевья с пастбищами и местами торговли.

Ключевым и единственным центром экономической и социальной жизни была Ганьжурская ярмарка, проходившая ежегодно в сентябре у стен одноименного монастыря. В период своего расцвета (до 1912 г.) это было грандиозное событие. Сюда сгонялось до 30 000 голов крупного рогатого скота и 30 000 лошадей, а общий торговый оборот достигал 2 миллионов рублей. Здесь кочевники-баргуты, а также их соседи из

Халхи и Внутренней Монголии продавали скот, шерсть и сырье, а взамен закупали у китайских (из Калгана и Долоннора) и русских (из Забайкалья) купцов все необходимые промышленные и продовольственные товары: кирпичный чай, ткани (даба, бязь), муку, табак, металлические изделия, предметы роскоши. С проведением КВЖД и ростом Хайлара как нового торгово-промышленного центра значение ярмарки стало стремительно падать. Уже к 1920-м годам подгон скота сократился в 5–10 раз (до 2–3 тыс. голов КРС и 2–3 тыс. лошадей), а торговый оборот упал до 300–400 тыс. долларов. Это свидетельствует о кардинальной переориентации торговых потоков региона на железную дорогу и о постепенной интеграции традиционного кочевого мира в новую экономическую реальность, хотя сам хозяйственный уклад в Шин-Барге оставался неизменным. Таким образом, Новая Барга в исследуемый период предстает как наиболее консервативная часть маньчжуро-монгольского мира, где традиционный кочевой уклад, основанный на экстенсивном скотоводстве, сохранялся в своей первозданной чистоте.

Политическая характеристика и история

Новые баргуты (монг. шинэ-барга), возглавляемые братьями Дугаром и Цэрэном из рода ехэзон, перекочевали в 1734 г. в количестве 2984 человек из Сэцэн-хановского аймака Халхи в западную часть Барги. Из них был сформирован второй восьмизнаменный корпус или т.н. 8 знамен Новой Барги, разделенные на два крыла (западное во главе с угурда Цэрэном и восточное, руководимое угурдой Дугаром) с общим подчинением баргинскому амбаню. Период с 1734 по 1900 г. характеризуется баргинскими краеведами как «золотое время» в истории баргутов, озаглавленное миром и спокойствием.

В июле 1900 г. солдаты из числа новых баргутов в составе баргинского войска приняли участие в сражении с русским отрядом генерал-майора Н.А. Орлова в местности Хара-Эрги (совр. Цаган-Балгас), где потерпели поражение. От военных действий пострадало мирное население сомонов Галбар и Далай (входивших в состав хошунов Гул-цаган и Гул-шара,

т.е. белого и желтого знамен), чьи кочевья прилегали к участку КВЖД. 6–7 июля 1900 г. многие араты хошунов Гул-шара, Гул-улан, Хуво-улан (желтого, красного, красного с каймой знамен) западного крыла и хошуна Хуво-шара (желтого с каймой знамени) восточного крыла Новой Барги (всего 481 семья) прибыли в пределы Сэцэн-хановского аймака Халхи. Их возвращение в Новую Баргу состоялось весной 1902 г., благодаря настоятельным требованиям баргинского ямыня. В последующем отдельные группы населения Новой Барги несколько раз откочевывали в Монголию. Причинами тому явились переселение родственников и сподвижников Манлай-батара Дамдинсурэна (1916 г.), грабежи харчинского отряда (1917 г.), баргинское восстание 1928 г., нерешенность вопроса о присоединении Барги к МНР осенью 1945 г. Часть переселенцев – новых баргутов осталась проживать в Монголии.

В 1912–1913 гг. ново-баргутские чиновники Чэхэджа, Ж. Дамдинсурэн (Манлай-батор), Чибсэнгэ, Пунцагравдан активно включились в общемонгольское национальное движение, были награждены Богдо-гэгэном различными титулами. Солдаты из числа новых баргутов явились основной военной силой, захватившей Хайлар и Лубинфу в 1912 г. В 1912–1915 гг. они принимали участие в сражениях против китайских войск на территории Внешней и Внутренней Монголии. За взятие крепости Кобдо (Западная Монголия) в августе 1912 г. 5 баргутских воинов из восточного крыла Новой Барги были удостоены звания «батара» (героя) Монголии.

Разногласия, возникшие между баргинской правящей знатью и правительством Внешней Монголии в 1913–1915 гг., сказались и на положении ново-баргутских лидеров. Так, Манлай-батор Дамдинсурэн, дзангин из хошуна Гул-цаган (белого знамени) восточного крыла Новой Барги, несмотря на большой авторитет среди новых баргутов, в 1914 г. не был принят на родине в своей новой должности дзасака, дарованной Богдо-гэгэном. Позже в противоборство с даурской правящей верхушкой был вовлечен и Чэхэджа, бывший командующий войсками баргинского ямыня, родом из западного крыла Новой Барги. После захвата Хайлара харчинском отрядом в мае 1917 г. он был

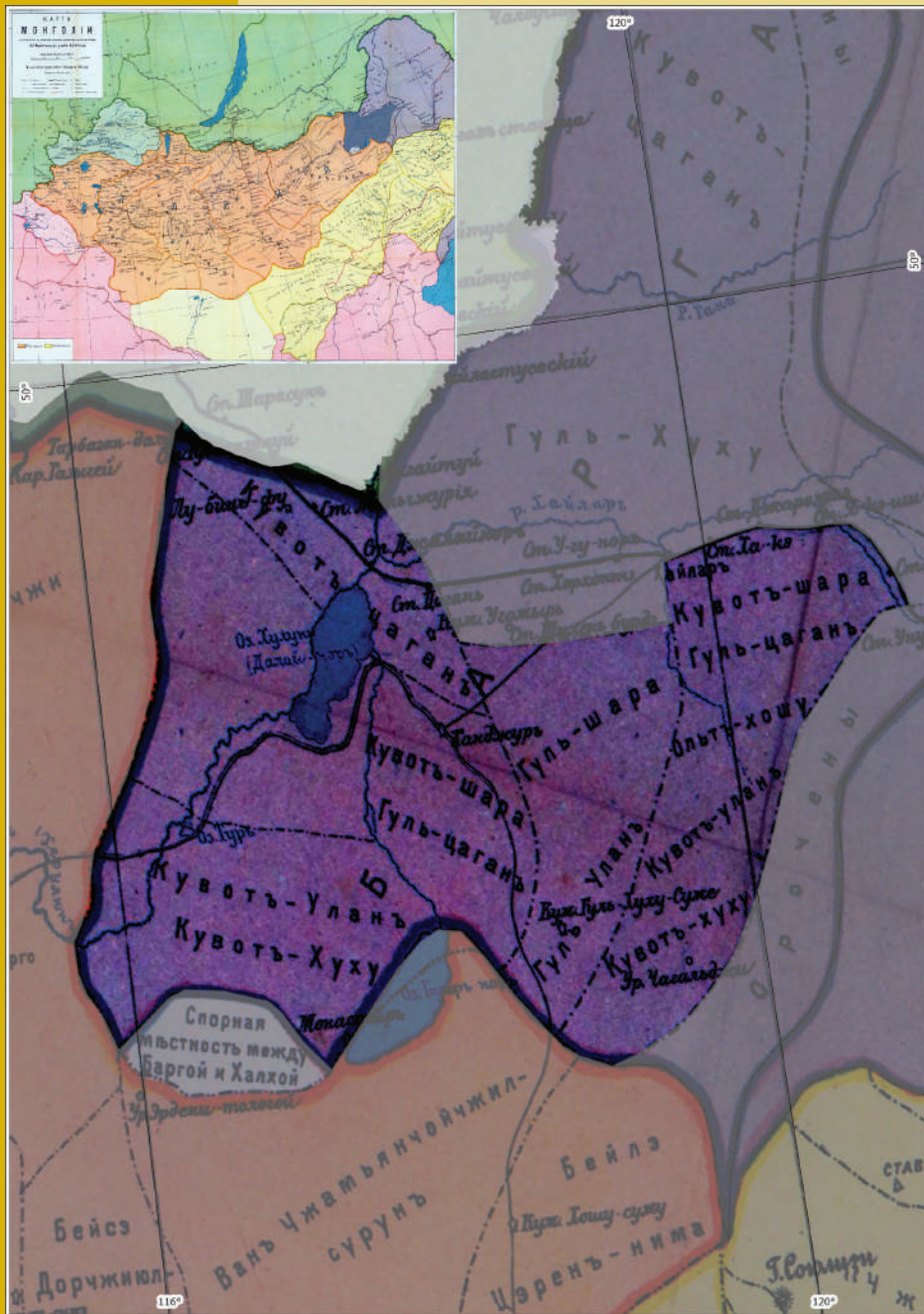
избран амбанем Барги. Несмотря на поддержку российского посланника в Китае Н.А. Кудашева, Чэхэджа был вынужден уступить должность прежнему начальнику – дауру Шэнфу.

Политическая история ново-баргутских хошунов в 20–30-е гг. XX в., очевидно, продолжала определяться тяготением к Внешней Монголии/МНР и внутренней борьбой в баргинском ямыне.

В августе 1928 г. в хошуне Гул-хухэ (синего знамени) восточного крыла Новой Барги началось т.н. баргинское восстание. Во главе восстания стояла революционно настроенная молодежь Хулун-Буира (Мэрсэ, Фуминтай, Говол Эрхимбато, Бочиро и др.). Восстание, охватившее ряд хошунов Барги, было подавлено китайскими войсками.

В начальный период Маньчжоу-Го, в 1932 г., восьмизнаменная система Новой Барги была упразднена и вместо нее в результате укрупнения были созданы 2 хошуна Новой Барги – восточного и западного крыла, причисленные к северной области провинции Хинган. Их главы Эрхимбато и Багабади сохранили свои должности, маньчжурское наименование «угурда» (ухе-рида) было заменено на «начальник хошуна». Реальная власть находилась в руках японских советников. В этом качестве в ново-баргутских хошунах работали следующие лица: Масанобу (1935–1936), Сакеки (1936–1938), Мацумото (1938–1939), Асака (1939–1940), Сато (1940–1941), Курада (1941–1943), Маруяма (1943–1945).

Во время конфликта на р. Халхин-гол в 1939 г. основные силы японцев дислоцировались в Ганьчжур-сумэ и Амгалане (восточное крыло Новой Барги). Новые баргуты, равно как и другие этнические группы Барги (старые баргуты, дауры, солоны, олеты и др.), приняли участие в военных действиях на стороне Японии, в основном в составе кавалерийских полков. Мирное ново-баргутское население, проживавшее в районе военных действий, откочевывало в другие местности. Населению Новой Барги в этот период были вменены следующие обязанности: заготовка провизии для действующих войск, предоставление гужевого транспорта. После поражения на Халхин-голе усилилось разочарование новых баргутов японским правлением, усугублявшееся высокими налогами.

Шин-Барга (Новая Барга) на карте Монголии И.Я. Коростовца

Шин-Барга (Новая Барга) на карте Монголии В.И. Сурина

После освобождения Хулун-Буира от японцев советскими войсками в августе 1945 г. отдельными ново-баргутскими чиновниками безуспешно ставился вопрос об объединении региона с МНР.

Начиная с 1945 г. 2 ново-баргутских хошуна находились в введении автономной области Хулун-Буира (октябрь 1945 г.), Хулун-Буирского аймака (январь 1948 г.), аймака Хулун-Буир – Навэньмужэнь (апрель 1949 г.), затем вновь Хулун-Буирского аймака (1954 г.). В 1959 г. из названия хошунов была исключена их принадлежность к крыльям маньчжурской восьмизнаменной организации, с этого времени они стали именоваться как восточный и западный хошуны Новой Барги.

3.4. Олётские и ороchonские хошуны

Физико-географическая характеристика

Географическое положение и административная преемственность Олётского хошуна

Олётский хошун был образован в 1732 г. из переселенцев-олётов (джунгаров) из Западной Монголии. Им были выделены земли для кочевий в юго-западной части Старой Барги, в самом сердце степной равнины. Территория хошуна располагалась к югу от Хайлара, в междуречье верховьев реки Имингол и Кэрулена, в непосредственной близости от озера Далай-нор. Административно он составлял единый, отдельный хошун (по-монгольски Угэлэт гун гар, знамя Куво шара — желтое с каймой), входивший в состав Старой Барги. В XX в., с началом эмиграции из России, именно плодородные земли Олётского хошуна, с его богатыми пастбищами и сенокосами, стали основным районом расселения забайкальских бурят, что свидетельствует о высоком хозяйственном потенциале этой территории.

Рельеф и гидрография

Ландшафт хошуна представляет собой классическую степную равнину, преимущественно плоскую или пологоволни-

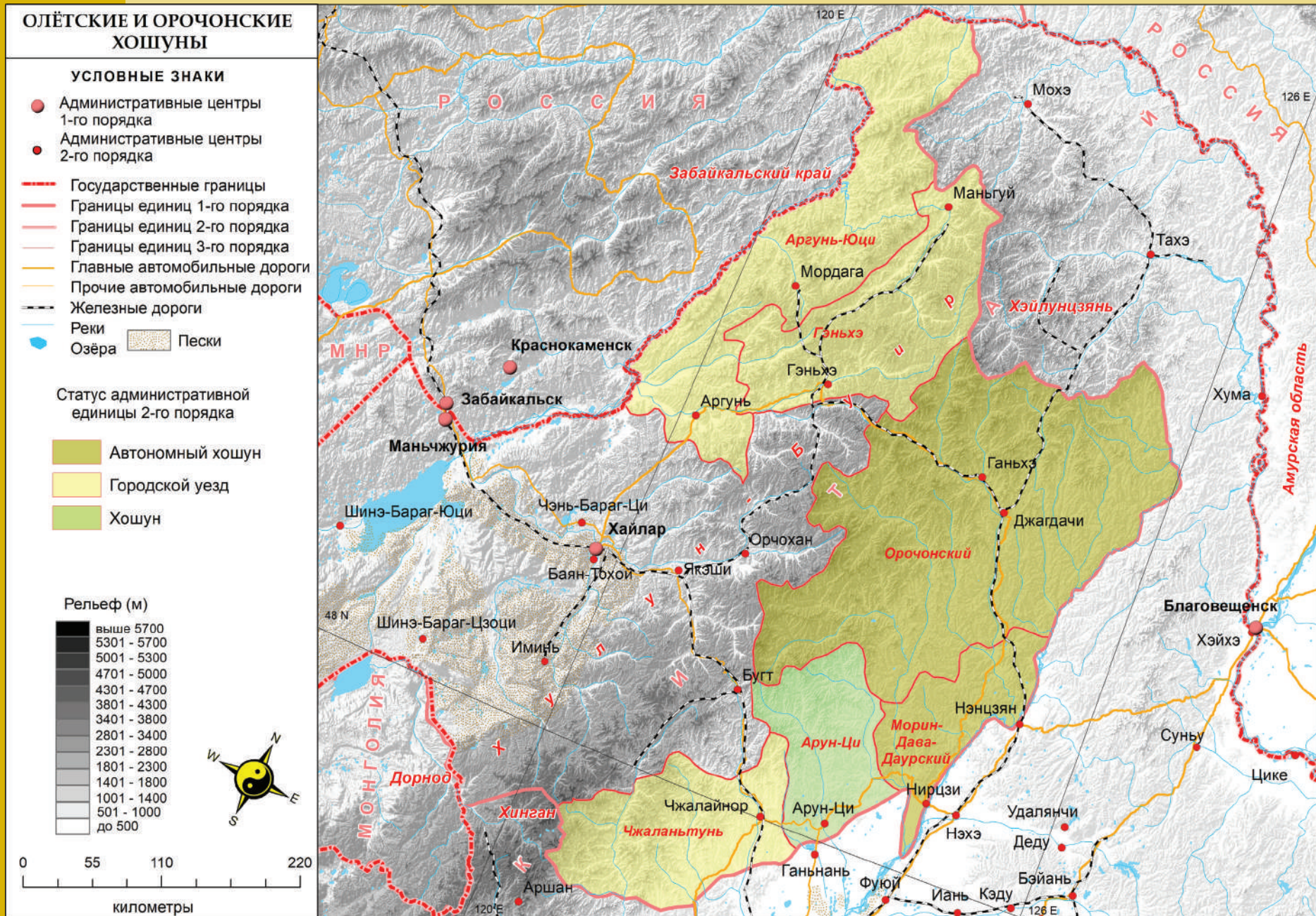
стую, с редкими невысокими сопками. Отсутствие лесов и гор делало эту территорию идеальной для кочевого скотоводства. Рельеф понижается в сторону многочисленных рек и озер. Гидрографическая сеть здесь достаточно густая. Ключевую роль играли притоки Имингола и близость к великим озерам. Именно речные долины, такие как долины рек Ган и Мергел, которые частично входили в земли хошуна, славились своими богатыми травами, что и привлекло сюда в XX в. бурятских переселенцев, впервые в истории Барги начавших здесь практику сенокосения. Многочисленные мелкие озера, как пресные, так и соленые, служили важными водопоями для скота.

Климат, почвы и природные ресурсы

Климат Олётского хошуна — резко континентальный, с суровой зимой и жарким, засушливым летом. Почвы преимущественно каштановые, местами переходящие в солончаковые комплексы в низинах. Главным природным богатством являлся густой и питательный травяной покров, служивший прекрасным круглогодичным пастбищем. Минеральные и лесные ресурсы на территории хошуна практически отсутствовали. Вся экономическая жизнь была полностью детерминирована потребностями скотоводства, для которого местные физико-географические условия были близки к идеальным.

Географическое положение и административная преемственность Ороchonского хошуна

Ороchonский хошун представлял собой полную противоположность Олётскому. Он занимал северо-восточную окраину Барги, представляя собой не степной, а таежный мир. Территория хошуна охватывала западные склоны хребта Большой Хинган и верховья всех крупных рек региона. Население — ороchоны — являлось коренным таежным народом тунгусского происхождения. Административно они были организованы в единый Ороchonский хошун (по-монгольски Орончан у хуши гун, знамя Куво хухэ — синее с каймой), который служил свое-

Современные государственные и региональные границы на территории Олётского и Ороchonского хошунов (по сост. на 1925 г.)

го рода буферной зоной между кочевыми степями Барги и непроходимой хинганской тайгой.

Рельеф и гидрография

Ландшафт Ороchonского хошуна — горно-таежный. Это область сильно расчлененного рельефа, состоящая из отрогов Большого Хингана, глубоких речных долин, каньонов и крутых склонов. Равнинные участки практически отсутствуют. Вся территория была покрыта густым, труднопроходимым лесом. Гидрографическая сеть здесь была самой густой в Барге. Именно на территории хошуна брали начало все главные реки региона: Ган, Дербул, Хаул, Хайлар и их многочисленные притоки. Это были типичные горные реки с быстрым течением, каменистыми руслами и холодной водой.

Климат, почвы и природные ресурсы

Климат здесь значительно отличается от степной части: он более влажный, с большим количеством осадков, но с еще более холодной и снежной зимой. Почвы — горно-таежные, подзолистые, малопригодные для земледелия. Главное природное богатство — лес и его фауна. Леса состояли преимущественно из лиственницы, березы, а на севере — из кедра и пихты. Этот лес был богат промысловым зверем, который и являлся основой экономики ороchонов. Здесь обитали лось (сохатый), изюбрь, кабарга, медведь, рысь, соболь, белка. В отличие от степных районов, пастбищные ресурсы здесь были крайне ограничены, что делало скотоводство практически невозможным. Вся хозяйственная жизнь была подчинена циклам охотничьего промысла. Таким образом, Ороchonский хошун был миром тайги, резко контрастировавшим со степными просторами остальной Барги.

Экономико-географическая характеристика

Демографический ландшафт и этнический состав

Олёты и ороchоны, будучи инкорпорированными в единую баргинскую административную систему, представляли собой

два совершенно различных экономических и культурных мира. Их хозяйственные уклады были полностью детерминированы контрастными физико-географическими условиями их расселения.

Олёты, потомки западных монголов-джунгаров, были переселены в Баргу в 1732 г. Их численность в начале XX в. была невелика — около 900–1000 человек. Они занимали степные пространства к югу от Хайлара, образуя компактный анклав, окруженный землями солонов и ново-баргутов. Сохраняя культурные особенности (более светлый антропологический тип, некоторые диалектные отличия), они были полностью интегрированы в монгольский кочевой мир. Их религия — ламаизм. С началом русской эмиграции в XX в. именно на землях Олётского хошуна, с их богатыми пастбищами, стали селиться забайкальские буряты, привнеся в регион новую хозяйственную практику — сенокошение.

Ороchоны — коренной таежный народ тунгусо-маньчжурского происхождения — представляли собой полную противоположность олётам. Их численность, по данным на 1920-е годы, составляла около 2,000 человек. Они вели кочевой образ жизни в таежных районах на западных склонах Большого Хингана, в верховьях рек Ган, Дербул и Хайлар. Их культура была полностью адаптирована к жизни в тайге: они жили не в войлочных юртах, а в конических чумах (шалашах), покрытых летом берестой, а зимой звериными шкурами. Их религия — шаманизм, причем шаман у ороchонов пользовался непререкаемым авторитетом, в отличие от ламаизированных монгольских племен.

Экономическая система

Хозяйственные модели олётов и ороchонов были диаметрально противоположны.

Олётский хошун (скотоводство)

Экономика олётов была классической моделью кочевого скотоводства, схожей с хозяйством их соседей-баргутов. Они разводили «пять видов скота» — лошадей, крупный рогатый скот,

овец, коз и верблюдов. Стада круглый год находились на подножном корму, совершая сезонные кочевки. Близость к Хайлару и КВЖД позволяла им активнее участвовать в товарной экономике, продавая скот, шерсть и кожи на городских рынках. С приходом забайкальских бурят в регионе стало развиваться сенокосение, что делало скотоводство более устойчивым к зимним джутам.

Орочонский хошун (охота и оленеводство)

Экономика орочонов была основана не на скотоводстве, а на охотничьем промысле. Они практически не держали овец или коров. Их главным богатством были лошади для передвижения по тайге и, у некоторых северных групп (которых Кормазова называет «якутами», или «оленными орочонами»), транспортные олени. Охота была их главным занятием и источником существования. Они добывали мясного зверя (изюбря, лося, кабана, косулю), обеспечивая себя пищей, и пушного зверя (соболя, белку, лисицу, рысь), чьи шкурки служили главным предметом обмена и торговли.

Инфраструктура и внешние связи

Внешние экономические связи этих двух групп также кардинально различались.

Олёты, живя в непосредственной близости от Хайлара и железной дороги, были тесно вплетены в региональную торговую сеть. Они были активными участниками рыночных отношений, продавая продукты своего хозяйства и покупая промышленные товары (ткани, чай, утварь).

Орочоны, живя в изолированных таежных районах, имели совершенно иную модель торговли. Она носила преимущественно меновой (бартерный) и неэквивалентный характер. Охотники обменивали ценную пушнину и панты (рога изюбря) у китайских или русских торговцев-скупщиков («андаков») на товары первой необходимости: порох, свинец, соль, чай, муку и ткани. Эти торговые операции происходили либо в редких таежных лавках, либо на специальных встречах-ярмарках в условленных местах («бальджорах»). Эта система ставила охотников

в сильную зависимость от скупщиков, но была единственным способом получить необходимые для жизни товары.

Таким образом, Олётский и Орочонский хошуны, существуя в рамках единой административной структуры, демонстрировали поразительный контраст экономических моделей: развитое кочевое скотоводство, интегрированное в рыночную экономику, и архаичное присваивающее хозяйство таежных охотников.

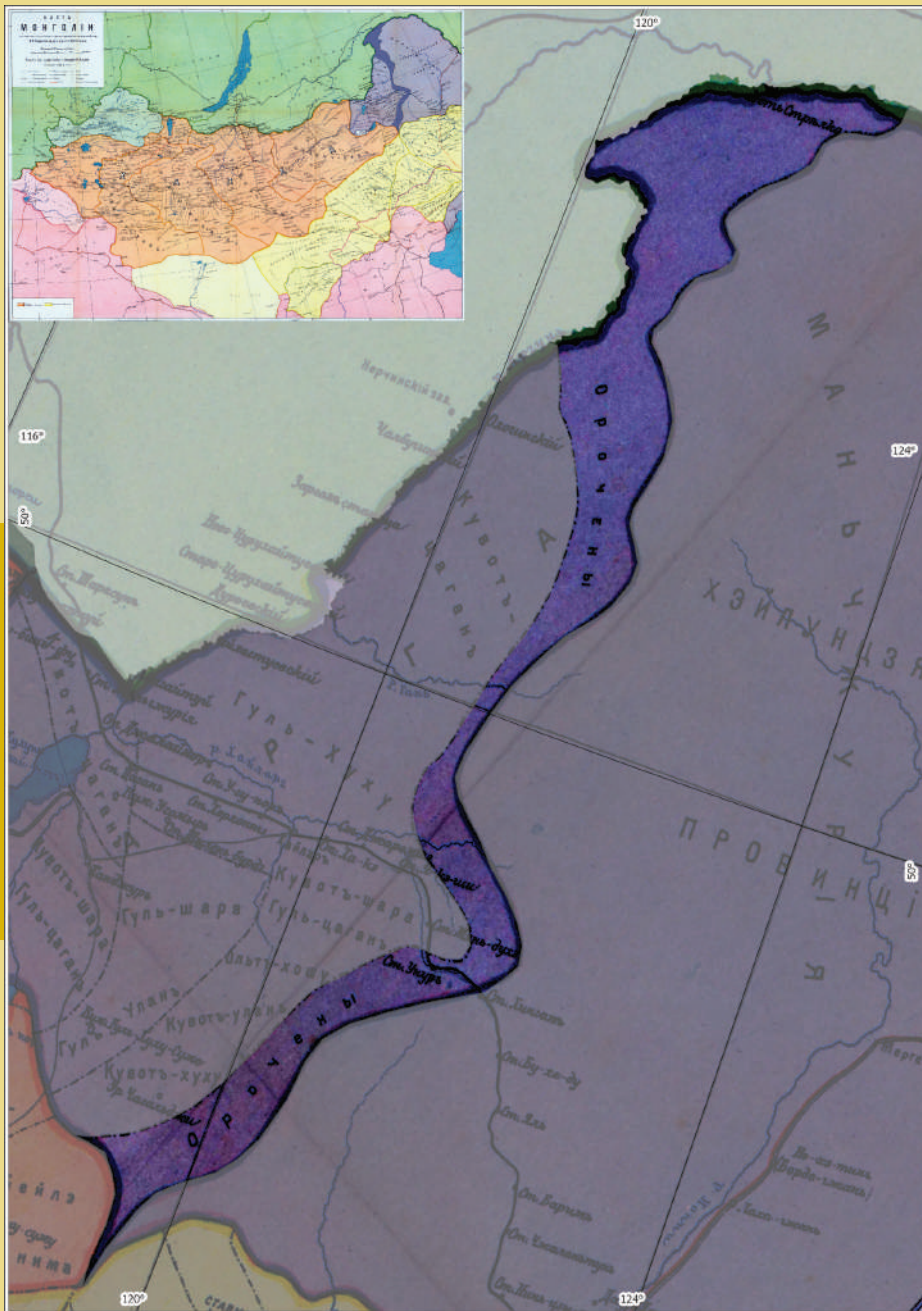
Политическая характеристика и история

Олетский хошун

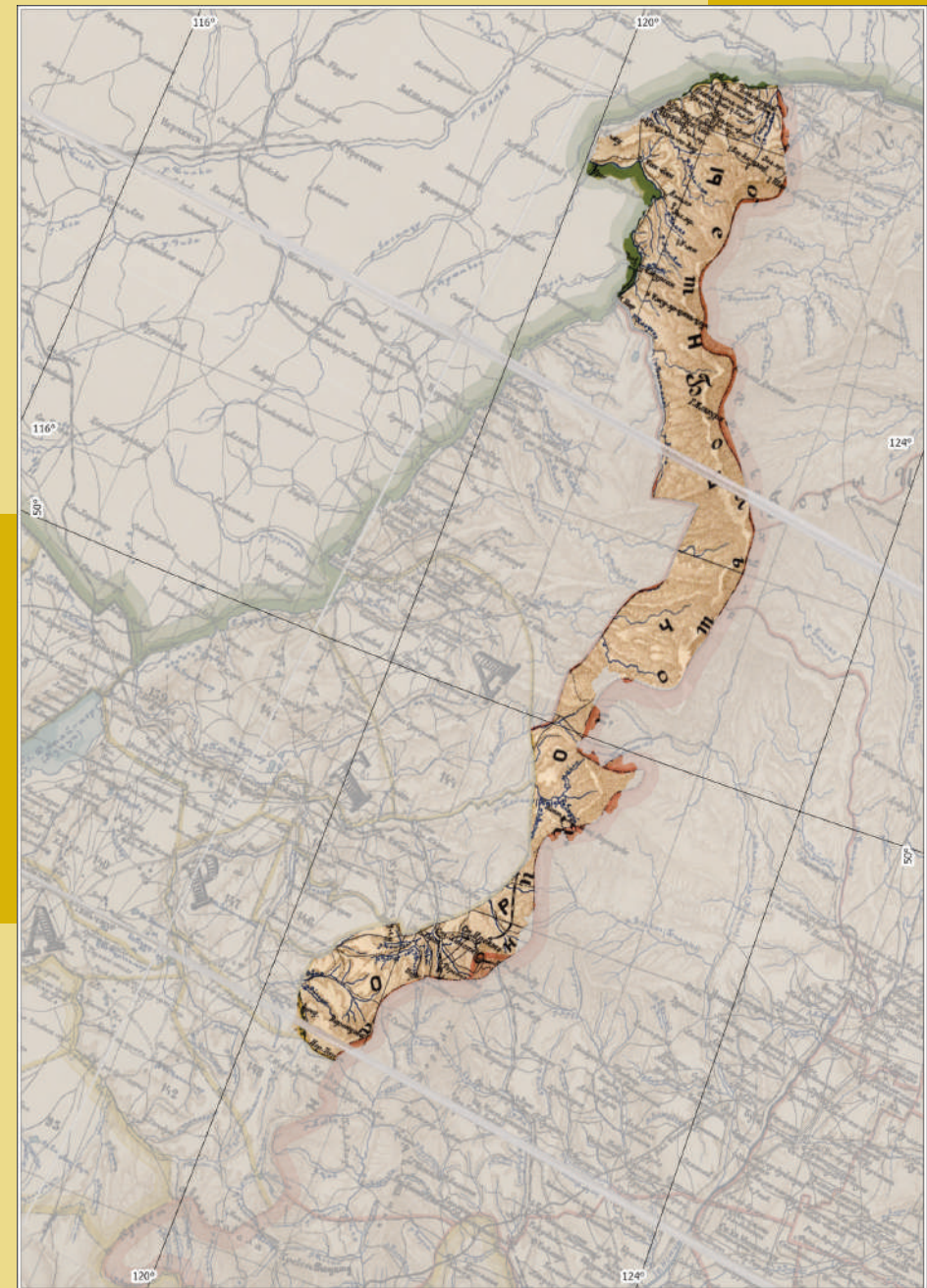
В мае–июне 1732 г. состоялась перекочевка олетов – выходцев из западной Монголии (Джунгарии) в долину р. Халх-гол., а затем р. Имин. Эта группа олетов стала известна как «старые олеты». Вторая группа олетов, получивших название «новые олеты», прибыла в Баргу в 1757 г. Сомон старых олетов назывался «ужу сум», что в переводе с маньчжурского языка означает «первый»; сомон новых олетов – «зай сум» (маньчж. второй).

Территориальные границы олетского хошуна Хуво-шара (желтого с каймой знамени), очевидно, не были незыблемыми, время от времени претерпевали изменения. Так, местности Гурбан-Шибэр, Хухэ-нур, Аранжа были переданы новым переселенцам – баргутам Гул-хухэ (синего знамени), а для оставшихся без кочевий 150 семьям олетов были выделены земли в результате отвода трех караулов Шилийн-Хондог, Номонхан-Буриту, Умхэй-Булаг вглубь Хулун-Буира и дополнительного выделения земель Нурэ-Уул, Аджиргын-Булаг, Гуу-нур, Урта-Булаг из хошуна халхаского князя Дэмчога.

В олетском хошуне не было должности ильхиды, и он делился на 2 сомона в отличие от всех других, имевших в своем составе по 3 сомона. Угурда хошуна являлся помощником амбана по административной части. В конце XIX – начале XX в. население хошуна было смешанным: кроме олетов, проживали дауры и солоны. В 1912 г. угурда олетского хошуна Шэнфу (даур по национальности) был назначен амбаном Барги. В свою очередь угурдой хошуна был назначен олет Бангунжав. Во время

Орочонский хошун на карте Монголии И. Я. Коростовца

Орочонский хошун на карте Монголии В. И. Сурина

захвата Хайлара харчинским отрядом в мае 1917 г. он контактировал с ним, в результате позже был подвергнут гонениям со стороны баргинского ямыня.

В 20-х гг. XX в. продолжились административно-территориальные преобразования в олетском хошуне: два сомона Нантунь и Мэхээрт были переданы солонскому хошуну; 28 августа 1921 г. с разрешения генерал-губернатора Хэйлунцзяна и баргинского ямыня были переданы переселенцам-бурятам олетские земли по р. Шэнэхэн.

Олетский хошун Хуво-шара (желтого с каймой знамени) просуществовал с 1732 по 1933 г., когда японские власти Маньчжоу-Го, оставив два сомона (ужи и зай) в их прежнем виде, причислили их к солонскому хошуну. В 1943 г. из них был создан олетский сомон Агуйт. Весной 1948 г. он был объединен с эвенкийским сомоном Мунгэн-Шулуу, новое образование стало носить название сомона Имин. В 4 подразделениях сомона: Баян-Тала, Агуйт, Билют, Имин – вместе с другими национальностями проживают и олеты. Численность олетов в сомоне Имин на начало XXI в. составляет 751 человек.

Орочонский хошун

Орочоны являются малочисленным тунгусо-маньчжурским народом, населяющим таежные районы Прихинганья. Старейшины (окдыкэй-шулинга) орочонских родов за свои действия отвечали только перед баргинским ямынем. В 1894 г. был создан отдельный орочонский хошун Хуво-хухэ (синего с каймой знамени). В 1896 г. генерал-губернатор Хэйлунцзяна получил одобрение центрального правительства на реформирование административного устройства орочонов. Предполагалось создать в Айгуне, Мергене, Бутха и Хулун-Буире т.н. «дороги» (монг. *jam*), под которыми можно понимать районы. Каждый такой район должен был управляться особым начальником. На территории Хулун-Буира был создан 6-й знаменный участок, названный орочонским (орончан у хуши гун). В его ведении находился орочонский хошун Хуво-хухэ (синего с каймой знамени). В списке хошунов Барги он значится последним, 18-м по счету; управлял орочонами сын фудутуна Шэнфу – Чендэ. По дан-

ным 1907 г. в Хайларском фудутунстве было зарегистрировано 132 семейства и 620 человек орочонов. Они были разделены на 2 сомона хошуна синего с каймой знамени и могли выделить 117 человек солдат.

Согласно материалам отечественных исследователей начала XX в., орочоны и солоны в количестве 300 человек первыми объединились под руководством даурских чиновников для борьбы с харчинским отрядом, захватившим Хайлар в мае 1917 г. В его освобождении в августе 1917 г. важную роль сыграли русские войска и небольшой орочонский отряд во главе с даурцами Линшэном и Ухуем.

В годы Китайской Республики орочоны Хулун-Буира находились в подчинении администрации Западная Бутха (провинция Хэйлунцзян). В период Маньчжоу-Го японцами был создан 27 июня 1932 г. Орочонский район. Ввиду неспособности кочевых охотничьих групп орочонов к административному управлению район был упразднен 12 июля 1933 г. С 1934 г. орочоны находились в прямом управлении правительства провинции Хинган, с 1937 г. по август 1945 г. – их территории в ведении управления государственной безопасности Маньчжоу-Го.

С 1935 по 1945 г. под руководством северо-маньчжурского парткома КПК орочоны воевали против Квантунской армии в составе 3-й, 6-й, 9-й, 11-й объединенных армий антияпонского сопротивления Северо-Восточного Китая, вели партизанскую войну в районе Большого и Малого Хингана. После капитуляции Японии в августе 1945 г. и до лета 1946 г. районы проживания орочонов находились в ситуации неопределенности. В июне 1946 г. хошун Морин-Дава (основное население – дауры) и хошун Баян (орочоны) вошли в состав аймака Наун-мурэн (кит. Навэньмужэнь), в апреле 1949 г. хошун Баян был объединен с хошуном Морин-Дава. В апреле 1951 г. правительство КНР одобрило создание в провинции Хуна (пол. назв. Хулун-Буир – Наун-мурэн) Орочонского хошуна из сомонов Ганхэ, Номин, Добуку и Шугуйт, выделенных из состава хошуна Морин-Дава. В 1952 г. с разрешения МВД КНР Орочонский хошун был переименован в Орочонский автономный хошун. С образованием аймака Хулун-Буир в 1954 г. хошун был включен в его состав.

<i>М</i>	<i>М</i>	<i>В</i>
<i>А</i>	<i>И</i>	<i>П</i>
<i>Н</i>	<i>Р</i>	<i>Е</i>
<i>Ь</i>		<i>Р</i>
<i>У</i>	<i>В</i>	<i>В</i>
<i>Ж</i>	<i>И</i>	<i>О</i>
<i>У</i>	<i>У</i>	<i>И</i>
<i>Р</i>	<i>П</i>	
<i>О</i>	<i>Р</i>	<i>П</i>
<i>‘</i>	<i>Е</i>	<i>О</i>
<i>М</i>	<i>И</i>	<i>А</i>
<i>О</i>	<i>И</i>	<i>О</i>
<i>И</i>	<i>Е</i>	<i>В</i>
<i>Г</i>	<i>И</i>	<i>И</i>
<i>О</i>		<i>И</i>
<i>А</i>	<i>А</i>	<i>Е</i>
<i>Ь</i>	<i>З</i>	
<i>С</i>	<i>И</i>	<i>Х</i>
<i>К</i>	<i>И</i>	<i>Х</i>
<i>И</i>		
<i>И</i>		<i>в.</i>

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Завершая первый том атласа-монографии, посвященный реконструкции маньчжуро-монгольского мира в первой половине XX в., мы можем констатировать достижение его основной концептуальной цели. Пространство, традиционно рассматриваемое в историографии как фрагментированная совокупность пассивных периферий великих держав, предстало в нашем исследовании как историко-географическая целостность, обладающая собственной субъектностью и сложной внутренней динамикой. Оно выступило не объектом, но ареной взаимодействия имперских, национальных и модернизационных проектов, где его коренные народы и политические институты демонстрировали сложный спектр стратегий выживания, адаптации и сопротивления.

Центральным аналитическим итогом работы стало выявление и детальное описание двух фундаментально различных моделей трансформации, которые в совокупности раскрывают внутренние противоречия и многовекторный характер развития всего маньчжуро-монгольского мира.

Первая модель, Внутренняя Монголия, была проанализирована как парадигма прямой, зачастую конфликтной, интеграции кочевого общества в аграрное и административное поле китайского государства. Наше исследование показало, что эта модель не была монолитной, а представляла собой целый спектр исходов, детерминированных в первую очередь физико-географическими факторами. На востоке, в плодородных и доступных для колонизации сеймах (Чжеримский, Чжосотуский), мы зафиксировали почти полную деструкцию традиционных институтов и радикальную экономическую трансформацию в сторону товарного земледелия. Напротив, на аридном и географически изолированном западе (Улан-Цабский сейм, пустыня Ордос) суровые природные условия выступили естественным барьером, который консервировал кочевой уклад и позволял монгольским социальным структурам сохранять устойчивость в гораздо большей степени. Таким образом, Внутренняя Монголия демонстрирует вариативность судеб периферийного общества в условиях прямого давления со стороны имперского центра.

Вторая модель, Барга (Хулун-Буир), выступила как альтернативный сценарий развития, основанный на принципах опосредованного контро-

ля и геополитического лавирования. Здесь мы увидели не классическую монгольскую систему сеймов, а уникальную маньчжурскую «знаменную» структуру (фудутунство), управлявшую полиэтничным населением. Барга, находясь на стыке трех империй — Китая, России и Японии, — стала ареной сложнейших дипломатических и военных конфликтов. Ее история демонстрирует уникальный опыт политической субъектности, где местные элиты, используя внешние противоречия, смогли добиться для своей территории особого автономного статуса, зафиксированного в международных соглашениях. Барга — это модель не поглощения, а сложного взаимодействия, где внешние влияния не столько разрушали, сколько модифицировали и встраивались в существующую систему.

Сопоставление этих двух моделей позволило реконструировать сложную и многогранную структуру всего маньчжуро-монгольского мира, доказав, что он не был монолитным, а развивался по разным, порой противоположным, траекториям.

Методологически главным итогом работы стало доказательство продуктивности подхода, идущего от исторической карты к аналитическому атласу. Мы не просто ввели в научный оборот и верифицировали ценнейшие картографические источники, но и преобразовали их в многослойный цифровой аналитический инструмент. Созданные на этой основе тематические карты позволили реконструировать статичный образ прошлого и визуализировать динамические процессы: трансформацию административных границ, распространение китайской колонизации, векторы политического влияния. Эта работа, выполненная на стыке истории, географии и цифровых гуманитарных

наук, является сознательной попыткой возродить на новом технологическом уровне великие традиции отечественной школы исторической географии и требует своего продолжения путем анализа и введения в научный оборот других карт первой трети XX в., не менее содержательных, но практически не известных научному сообществу.

Проделанная работа закладывает проверенную методологию и прочную фактологическую основу для дальнейшего, более широкого изучения всего маньчжуро-монгольского мира, очерчивая горизонты проекта. Успешно апробированный на модельных территориях инструментарий позволяет перейти к анализу еще более сложных регионов: Халха/ Внешняя Монголия/ МНР представляет собой траекторию успешного государственного строительства — от теократической монархии к суверенной социалистической республике. Ее история является контрапунктом по отношению к судьбе Внутренней Монголии и позволяет исследовать факторы, которые привели к столь разным результатам; и собственно Маньчжурия, ставшая в 1930-е годы ядром марионеточного государства Маньчжоу-Го, демонстрирует наиболее радикальный сценарий — прямое внешнее управление и масштабный социальный эксперимент, ставший кульминацией тех геополитических процессов, которые мы наблюдали в Барге.

Завершение этого второго этапа позволит создать первый в своем роде целостный, многослойный цифровой исторический атлас, охватывающий все многообразие судеб маньчжуро-монгольского мира в первой половине XX в. и окончательно возвращающий этот «забытый мир» в поле полноценного научного анализа.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бенфельд, А. С. Мынцзян / А. С. Бенфельд. — Чита : [б. и.], 1944. — 313 с.
2. ГИС маньчжуро-монгольской территориальной социально-экономической системы для историко-географических и геополитических исследований / А. Н. Бешенцев, П. Н. Дудин, В. С. Батомункуев, Т. Ш. Рыгзынов // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. — 2022. — № 4 (48). — С. 79–86.
3. Бичурин, Н. Я. (Иакинф). Записки о Монголии : в 2 т. / сочиненные монахом Иакинфом. — Санкт-Петербург : Типография К. Крайя, 1828. — Т. 2, ч. 3–4. — VI, 339, [2] с., [1] л. карт.
4. Бичурин, Н. Я. (Иакинф). Записки о Монголии : в 2 т. / сочиненные монахом Иакинфом. — Санкт-Петербург : Типография Карла Крайя, 1828. — Т. 1, ч. 1–2. — 245 с.
5. Великая Маньчжурская Империя: к десятилетнему юбилею / Государственная организация Кио-ва-кай и Главное Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской Империи. — Харбин : [б. и.], 1942. — 416 с.
6. Матусовский, З. Географическое обозрение Китайской империи : с картой на 4 л. и 5 прил. в тексте / З. Матусовский. — Санкт-Петербург : Типография Императорской Академии наук, 1888. — [4], XX, 358, [2], 87 с., 1 л. карт.
7. Глушаков, П. И. Маньчжурия: Экономико-географическое описание / П. И. Глушаков. — Москва : Географгиз, 1948. — 261, [2] с., 2 л. карт. : ил.
8. Шкуркин, П. В. Город Хуланьчэн : очерки из исторического и экономического быта Центральной Маньчжурии / П. В. Шкуркин. — Никольск-Уссурийский : Типография Ф. В. Мисюра, 1903. — [2], 94 с., 2 л. ил.
9. Дудин, П. Н. Государственность Внутренней Монголии в конце XIX — первой половине XX вв. : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.03 : в 2 т. / Дудин Павел Николаевич ; [место защиты: Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН]. — Улан-Удэ, 2020. — Т. 1. — 340 с.
10. Дудин, П. Н. Государственность Внутренней Монголии в конце XIX — первой половине XX вв. : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.03 : в 2 т. / Дудин Павел Николаевич ; [место защиты: Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН]. — Улан-Удэ, 2020. — Т. 2. — 468 с. : ил.
11. Денисов, В. И. Россия на Дальнем Востоке / В. И. Денисов. — Санкт-Петербург : Типо-литография Ю. Я. Римана, 1913. — 151 с.
12. Традиционные институты публичной власти на монгольских землях имперского и республиканского Китая на слом эпохи (первая четверть XX в.): пространная среда и визуализация / П. Н. Дудин, А. Н. Бешенцев, К. Ю. Базаров // Oriental Studies. — 2023. — Т. N16, № 2. — С. 293–312.
13. Дудин, П. Н. Трансформация юридического статуса монгольских земель, вошедших в состав маньчжурских провинций при создании Хэйлунцзяна, Ляонина и Гирина / П. Н. Дудин, К. Ю. Базаров // Право и политика. — 2023. — № 12. — С. 1–8.
14. Дудин, П. Н. «Борьба за „Мэнцзянское наследство“» на фоне формирования нового политического порядка в Восточной Азии после окончания Второй мировой войны (1945–1947 гг.) / П. Н. Дудин // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. — 2021. — Т. 34. — С. 83–94.

15. Дудин, П. Н. Барга как часть сферы российских стратегических интересов в Восточной Азии в первой четверти XX в.: договорный аспект / П. Н. Дудин // *Genesis: исторические исследования*. — 2020. — № 8. — С. 12–25.
16. Дудин, П. Н. Политическая история Мэнцзяна / П. Н. Дудин. — 2-е изд. — Прага : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2017. — 316 с.
17. Дудин, П. Н. Правовые основы русского стратегического присутствия в Восточной Азии (конец XIX — первая половина XX вв.) / П. Н. Дудин // *Международные отношения*. — 2017. — № 4. — С. 16–22.
18. Дудин, П. Н. Русская дипломатическая миссия в Пекине и ее роль в обеспечении интересов России при становлении государственности Барги (1912–1915 гг.) / П. Н. Дудин // *Bylye Gody*. — 2017. — Vol. 46, Is. 4. — P. 1534–1545.
19. Дудин, П. Н. Маньчжуро-монгольский мир на страницах изданий, хранящихся в фондах академических учреждений г. Владивостока / П. Н. Дудин, К.Ю. Базаров // *Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук*. — 2022. — № 4 (48). — С. 87–92.
20. Карта Азиатской части России [Карты] / составитель А. Ильин. — 6-е издание. — Санкт-Петербург : Картографическое заведение А. Ильина, 1868. — 1 л.
21. Карта Китайской империи [Карты] / составили 3. Матусовский, Э. В. Бретшнейдер. — Санкт-Петербург : Картографическое заведение А. Ильина, 1900. — 1 л.
22. Карта Маньчжурии [Карты] / составитель Л. Бородовский. — 1:3 360 000, 33,6 км в 1 см. — 3-е издание. — Санкт-Петербург : Канцелярия министерства финансов, 1901. — 1 л. : цветная ; + указатель (33 с.).
23. Карта Маньчжурии [Карты] / составители: М. П. Андриевский [и др.] ; Издание коммерческой части и экономического бюро КВЖД ; под общей редакцией В. И. Сурина. — 1:1 680 000, 16,8 км в 1 см. — [Б. м.], 1925. — 1 л. (110×140 см) : цветная.
24. Карта Маньчжурии [Карты] / составители: М. П. Андриевский, Н. Ю. Станкович, Л. А. Блашкевич ; Издание Коммерческой части и Экономического Бюро КВЖД ; под общей редакцией В. И. Сурина. — [Б. м.] : Типо-лито-цинкография Л. М. Абрамович, 1925. — 1 л., сложенный в 4.
25. Карта Монголии [Карты] / составители: М. П. Андриевский, Н. Ю. Станкович, Л. А. Блашкевич ; Издание Коммерческой части и Экономического Бюро КВЖД ; под общей редакцией В. И. Сурина. — [Б. м.] : Типо-лито-цинкография Л. М. Абрамович, 1925. — 1 л., сложенный в 4.
26. Карта Монголии [Карты] / составитель И. Я. Коростовец ; при участии В. Л. Котвича. — Санкт-Петербург : Картографическое заведение А. Ильина, 1914. — 1 л.
27. Картоев, М. М. Картографические источники по истории северокавказского региона в Военно-ученом архиве РГВИА (вторая половина XVIII — 60-е гг. XIX века) / М. М. Картоев // *Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение*. — 2008. — № 4. — С. 171–190.
28. Китай [Карты] / составитель и оформитель Новосибирская картографическая фабрика ГУГН ; ответственные редакторы: Л. Б. Ляпидус, И. Л. Криммер. — Москва : ГУГК, 1950 (Новосибирск : Картографическая фабрика ГУГК). — 1 л.
29. Клишева, В. А. Рукописные карты XVIII в. как источник по хозяйственному освоению земель Камско-Вятского региона / В. А. Клишева // *Иднакар: методы историко-культурной реконструкции*. — 2016. — № 2 (31). — С. 51–56.
30. Коншин. Княжество Дурбет / Коншин. — Харбин : Типо-литография Штаба Заамурского округа отдельного корпуса пограничной стражи, 1907. — 2, 27 с.
31. Кормазов, В. А. Барга: Экономический очерк / В. А. Кормазов. — Харбин : Типография КВЖД, 1928. — VII, [5], 281 с.
32. Кормазов, В. А. Хинганская провинция / В. А. Кормазов // *Вестник Маньчжурии*. — 1934. — № 1. — С. 31–74.
33. Кормазов, В. А. Кочевая Барга / В. А. Кормазов // *Вестник Маньчжурии*. — 1928. — № 8. — С. 50–59.
34. Кормазов, В. А. Кочевая Барга / В. А. Кормазов // *Вестник Маньчжурии*. — 1928. — № 9. — С. 35–42.
35. Котвич, В. Л. Краткий обзор истории и современного политического положения Монголии / В. Л. Котвич. — Санкт-Петербург : Картографическое заведение А. Ильина, 1914. — 44 с., 4 л. ил.
36. Крайнова, Л. Н. Шабинское ведомство ламаистской церкви Монголии в период правления Цинской династии / Л. Н. Крайнова // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. — Тамбов : Грамота, 2012. — № 2, ч. 1. — С. 104–107.
37. Краткий военно-географический очерк Северной Маньчжурии. — Иркутск : Типолитография штаба Иркутского военного округа, 1911. — 30 с.
38. Краткий обзор Китая: приложение к «Карте Внутреннего Китая» / Издание Экономического Бюро Китайской Восточной железной дороги. — Харбин : Типография Китайской Восточной железной дороги, 1927. — 50, [2] с.
39. Краткий обзор Китая: приложение к «Карте Внутреннего Китая». — Харбин : Типография КВЖД, 1927. — 50, [2] с.
40. Крылов, В. Н. Экономические очерки уездов Северной Маньчжурии / В. Н. Крылов // *Вестник Маньчжурии*. — 1933. — № 22. — С. 43–49.
41. Маньчжурия: Экономическо-географическое описание. Часть 1 / Экономическое бюро КВЖД. — Харбин : Типография КВЖД, 1934. — VIII, 385 с.
42. Маньчжурия / составители: А. Домбровский, В. Ворошилов. — 2-е издание. — Санкт-Петербург : Типография «Просвещение», 1904.
43. Маракуев, А. В. Внутренняя Монголия / А. В. Маракуев // *Вестник Маньчжурии*. — 1927. — № 8. — С. 35–47.
44. Маракуев, А. В. Внутренняя Монголия / А. В. Маракуев // *Вестник Маньчжурии*. — 1927. — № 9. — С. 46–55.
45. Полтавцев. Материалы для описания Монголии: отчет о поездке в Монголию в июле – октябре 1912 г. / Генерального штаба подполковник Полтавцев. — Иркутск : Типо-литография Штаба округа, 1913. — 439 с.
46. Медушевская, О. М. Картографические источники XVII–XVIII вв. : учебное пособие по источниковедению истории СССР / ответственный редактор В.К. Яцунский. — Москва : [б. и.], 1957. — 28 с.
47. Оппенгейм, Л. Международное право: Мир. Т. 1, полутом 1 / Л. Оппенгейм ; перевод с английского Г. Лаутерпахта ; под редакцией и с предисловием С. Б. Крылова. — Москва : Иностранная литература, 1948. — 407 с.
48. Мелихов, Г. В. Маньчжурия далекая и близкая / Г. В. Мелихов. — Москва : Наука, Главная редакция восточной литературы, 1991. — 317 с. : ил.
49. Меньшиков, П. Н. Краткий исторический очерк Маньчжурии / П.Н. Меньшиков // *Вестник Азии*. — 1917. — № 42. — С. 5–44.

50. Мещерский, А. С. Автономная Барга: Монгольская экспедиция по заготовке мяса для действующих армий / А. С. Мещерский. — Шанхай : Типография «Русского Книгоиздательства», 1920. — 40 с. — (Владивостокско-Маньчжурский район: Материалы к отчету о деятельности с 1915 по 1918 г.г. ; вып. XII, прил. III).
51. Козлов, П. К. Монголия и Кам : 3-летнее путешествие по Монголии и Тибету (1899–1901 гг.) / П. К. Козлов. — 2-е изд., сокр. — Москва : Географгиз, 1948. — 438 с., 19 л. ил. и карт.
52. Монголия. Джеримский сейм / составитель Коншин. — Харбин : Типо-Литография Штаба Заамурского округа Отдельного корпуса Пограничной стражи, 1906. — 75 с. — (Материалы по Маньчжурии и Монголии ; вып. 1).
53. Монголия. Княжество Дарховань / составитель Коншин. — Харбин : Типо-Литография Штаба Заамурского округа Отдельного корпуса Пограничной стражи, 1906. — 25, [1] с.
54. Монголия. Краткие сведения о политическом состоянии Монголии / добыты экспедицией Заамурского округа под начальством ротмистра Баранова. — Харбин : Типо-Литография Штаба Заамурского округа Отдельного корпуса Пограничной стражи, 1906. — 13 с., [1] л. карты. — (Материалы по Маньчжурии и Монголии ; вып. 4).
55. Мэн-гу-ю-му-цзи. Записки о монгольских кочевьях / [Чжан-му и Хэ-цю-тао] ; перевод с китайского П. С. Попова. — Санкт-Петербург : Паровая скоропечатня П. О. Яблонского, 1895. — VII, 487, 92, VIII с.
56. Новицкий, В. Ф. Путешествие по Монголии... / В. Ф. Новицкий. — Санкт-Петербург : Главное управление Генерального штаба, Отдел генерал-квартирмейстера, 1911. — IV, 400 с., [15] л. карт.
57. Описание Маньчжурии / составитель Канцелярия министра финансов ; под редакцией Д. Позднеева. — Санкт-Петербург : Министерство финансов, 1897. — Т. 1. — V, 620, VI с., 1 карт.
58. Полумордвинов, М. Китайская революция в Императорских указах / М. Полумордвинов // Вестник Азии. — 1912. — № 11–12. — С. 277–364.
59. Полумордвинов, М. Эволюция местного административного управления в Китае (по декретам Президента Республики) / М. Полумордвинов // Вестник Азии. — 1915. — № 33. — С. 3–43.
60. Полумордвинов, М. А. 1912 год на Дальнем Востоке / М. А. Полумордвинов // Вестник Азии. — 1913. — № 14. — С. 1–20.
61. Путеводитель по Китайской-Восточной железной дороге. — Санкт-Петербург : Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1906. — 63 с.
62. Денисов, В. И. Россия на Дальнем Востоке / В. И. Денисов. — Санкт-Петербург : Типо-литография Ю. Я. Римана, 1913. — 151 с., 10 л. ил.
63. Северная Маньчжурия и Китайская Восточная железная дорога. — Харбин : Типография Китайской Восточной железной дороги, 1922. — XI, 692, XXIII с.
64. Северная Маньчжурия : с приложением карты всей Маньчжурии : отчет по командировке... / П. Н. Меньшиков, П. Н. Смольников, А. И. Чирков. — Харбин : Издание Коммерческой части Китайской Восточной ж. д., 1916. — Т. 1: Гиринская провинция. — XXI, 652 с.
65. Северная Маньчжурия : с приложением карты всей Маньчжурии : отчет по командировке... / П. Н. Меньшиков, П. Н. Смольников, А. И. Чирков. — Харбин : Издание Коммерческой части Китайской Восточной ж. д., 1918. — Т. 2: Хэйлунцзянская провинция. — XVIII, 646, IX с.
66. Северо-Восточные сеймы Монголии / составитель Баранов. — Харбин : Типо-Литография Штаба Заамурского округа Отдельного корпуса Пограничной стражи, [1907]. — V, 138, [1] с., [8] л. карт., сх. — (Материалы по Маньчжурии и Монголии ; вып. 16).
67. Скачков, П. Е. Внутренняя Монголия: экономико-географический очерк / П. Е. Скачков. — Москва : Академия наук СССР, 1937. — 261 с.
68. Спицын, А. Административное устройство Маньчжурии / А. Спицын // Вестник Азии. — 1909. — № 2. — С. 26–54.
69. Справочник по Северной Маньчжурии и КВЖД. — Харбин : Издание Экономического Бюро КВЖД, 1927. — 609 с.
70. Сурин, В. И. Железные дороги в Маньчжурии и Китае: материалы к транспортной проблеме в Китае и Маньчжурии / В. И. Сурин ; Экономическое бюро Китайской Восточной железной дороги ; предисловие М. Я. Михайлова. — Харбин : Типография Китайской Восточной железной дороги, 1932. — LVIII, 393, [3] с.
71. Теслер, Э. Л. Уцзумучин / Э. Л. Теслер // Вестник Маньчжурии. — 1934. — № 1. — С. 95–101.
72. Третчиков, Н. Г. Современная Маньчжурия в цифрах и фактах. Экономические очерки. Часть I / Н. Г. Третчиков. — Шанхай : The China Economic Press, 1936. — viii, 9–158, iv, [2] с.
73. Фрозе, Б. Восточная Монголия и ее колонизация / Б. Фрозе // Вестник Азии. — 1911. — № 10. — С. 90–136.
74. Харачины в хошуне Чжасакту-вана / составитель Баранов. — Харбин : Типо-Литография Штаба Заамурского округа Отдельного корпуса Пограничной стражи, 1907. — 32 с.
75. Цыбенков, Б. Д. Дауры на пути к национальной автономии. Очерки истории (1912–1958 гг.) / Б. Д. Цыбенков // Eurasia: Statum Et Legem (Евразия: государство и право). — 2017. — № 7. — С. 65–76.
76. Яшнов, Е. Е. Источники познания населения и крестьянского хозяйства Китая / Е. Е. Яшнов // Вестник Маньчжурии. — 1928. — № 2. — С. 54–62.
77. Яшнов, Е. Е. Китайская колонизация Северной Маньчжурии и ее перспективы / Е. Е. Яшнов. — Харбин : Типография КВЖД, 1928. — VII, 292 с.
78. Яшнов, Е. Е. Китайское крестьянское хозяйство в Северной Маньчжурии: Экономический очерк / Е. Е. Яшнов. — Харбин : Типография КВЖД, 1926. — VIII, 525, [3] с.
79. Яшнов, Е. Е. Очерки Китайского крестьянского хозяйства / Е. Е. Яшнов. — Харбин : Типография Н. А. Френкеля, 1935. — XVI, 231 с.
80. Яшнов, Е. Е. Сельское хозяйство Китая в цифрах / Е. Е. Яшнов // Вестник Маньчжурии. — 1932. — № 6–7. — С. 79–115.
81. Hosie, A. Manchuria. Its people, resources and recent history / A. Hosie. — 2nd edition. — London : [s. n.], 1904. — 310 p.
82. Manchuria. — London : H. M. Stationery office, 1920. — 87 p. — (Handbook prepared under the direction of the historical section of the foreign office).
83. Matsusaka, Y. T. The making of Japanese Manchuria, 1904–1932 / Y. T. Matsusaka. — London : Harvard university Asia center, 2001. — 522 p.

$\mathcal{M}$	$\mathcal{M}$	$\mathcal{B}$
$\mathcal{A}$	$\mathcal{H}$	$\mathcal{P}$
$\mathcal{H}$	$\mathcal{P}$	$\mathcal{E}$
$\mathcal{b}$		$\mathcal{E}$
$\mathcal{C}$	$\mathcal{B}$	$\mathcal{P}$
$\mathcal{K}$	$\mathcal{H}$	$\mathcal{B}$
$\mathcal{Y}$	$\mathcal{Y}$	$\mathcal{O}$
$\mathcal{P}$	$\mathcal{M}$	$\tilde{\mathcal{H}}$
$\mathcal{O}$	$\mathcal{P}$	
$\mathcal{I}$	$\mathcal{E}$	$\mathcal{P}$
$\mathcal{M}$	$\mathcal{H}$	$\mathcal{O}$
$\mathcal{O}$	$\mathcal{H}$	$\mathcal{A}$
$\mathcal{H}$	$\mathcal{E}$	$\mathcal{O}$
$\mathcal{T}$	$\tilde{\mathcal{H}}$	$\mathcal{B}$
$\mathcal{O}$		$\mathcal{H}$
$\mathcal{A}$	$\mathcal{A}$	$\mathcal{H}$
$\mathcal{b}$	$\mathcal{Z}$	$\mathcal{E}$
$\mathcal{C}$	$\mathcal{H}$	
$\mathcal{K}$	$\mathcal{H}$	$\mathcal{X}$
$\mathcal{H}$		$\mathcal{X}$
$\tilde{\mathcal{H}}$		$\mathfrak{e}$.

135

ВНУТРЕННЯЯ МОНГОЛИЯ

Сеймы особого района/ провинции Суйюань

Улан-Цабский сейм

Уровень	В.И. Сурин (1925)	А.В. Маракуев (1928)	В.Л. Котвич (книга, 1914)	И.Я. Коростовец (карта, 1914)	П.С. Попов (1895)	З.Л. Матусовский (1888)
СЕЙМ	Улан-Цабский сейм	Уланцабский сейм	Улан-Цабский сейм	Улан-Цабский сейм	Улан-цабский сейм	Улан-цабский сейм
Аймак-хошун	Дурбэн-Хухэт (без номера)	Дурбэнь-хухетского аймака один хошун	Дурбэн-хухэт	Дурбэн-хухэт	Аймак Сы-цзы-було (Дурбэн-хухэт)	Дурбэн-хухэтский хошун цзасака, дархан-цзорику-хэ-цзюнь-вана
Аймак-хошун	Му-минган (без номера)	Муминганского аймака один хошун	Муминган	Му-Минган	Мао-минганьский аймак	Мао-минганьский хошун цзасака, тайчжия 1-й степени
Аймак	Урат (без номера)	(не обозначен)	Урат (3 хошуна)	Урат (границы не показаны, но отмечена ставка князя Δ)	Уратский аймак	(не обозначен)
Хошун		Уратского аймака передний хошун			Переднее/ правое крыло	Оратский (северный) хошун цзасака, улусун-тушегуна
Хошун		Уратского аймака средний хошун			Среднее крыло	Оратский (средний) хошун цзасака, улус-тур-тусалакчи-гуна
Хошун		Уратского аймака задний хошун			Заднее/ левое крыло	Оратский (южный) хошун цзасака, улусун-туше-гуна
Аймак-хошун	Халха Дархан-бейле (без номера)	Правого крыла Халхаского аймака один хошун	Халха	Халха Дархан-бэйлэ	Аймак правого халхаского крыла	Хошун Халхаского правого крыла цзасака, туруйнь-дархан-бэйлэ

Их-Чжуский (Ордосский) сейм

Уровень	В.И. Сурин (1925)	А.В. Маракуев (1928)	В.Л. Котвич (книга, 1914)	И.Я. Коростовец (карта, 1914)	П.С. Попов (1895)	З.Л. Матусовский (1888)
СЕЙМ	Их-Чжуский сейм / Ордос	Ордосский сейм (Йехе-цзу)	Йеке-дзуский сейм	Ордос (Йехе-цзуский сейм)	Йхэ-цзуский сейм	Йэкэ-цзуский сейм
Аймак					Ордос	
Хошун	Джунгар	Чжунгарский хошун	Джунгар	Джунгар	Ордосский аймак, Среднее знамя левого крыла, лежащее ближе к востоку	Ордосский хошун цзасака, туруйнь-хэ-цзюнь-вана
Хошун	Далат	Далатский хошун	Далат	Далат	Ордосский аймак, Юго-восточная часть Ордоса, составляющая переднее знамя левого крыла	Ордосский хошун цзасака, хошунай-бэйсэ (1-й)
Хошун	Хангин	Хангинский хошун	Хангин	Хангин	Ордосский аймак, Северо-восточная часть Ордоса, образующая заднее знамя левого крыла	Ордосский хошун цзасака, хошунай-бэйсэ (2-й)
Хошун	Оток	Отокский хошун	Оток	Оток	Ордосский аймак, Северо-западная часть Ордоса, образующая заднее знамя правого крыла	Ордосский хошун цзасака, туруйнь-бэйлэ
Хошун	Ушин	Унгинский хошун	Ушин	Ушин	Ордосский аймак, Юго-западная часть Ордоса, составляющая переднее крыло правого знамени	Ордосский хошун цзасака, хошунай-бэйсэ (3-й)
Хошун	Ван-Эджен-Хоро	Ванский хошун	Ван	Ван	Ордосский аймак, Юго-западная часть Ордоса, составляющая тыльное знамя правого крыла	Ордосский хошун цзасака, хошунай-бэйсэ (4-й)
Хошун	Князь Чжасан	Дзацанский хошун	Джасак	Джасак	Ордосский аймак, Переднее последнее знамя правого крыла (Дзасан в арьергарде)	Ордосский хошун цзасака, тайчжия 1-й степени

Тумэтский аймак

Уровень	В.И. Сурин (1925)	А.В. Маракуев (1928)	В.Л. Котвич (книга, 1914)	И.Я. Коростовец (карта, 1914)	П.С. Попов (1895)	З.Л. Матусовский (1888)
АЙМАК	Гуйхуачэн-Тумэт	Бывший знаменный Чингисхановский аймак	Тумэты, 2 знамени	Тумэты	(упомянут как «Куку-хотоские тумэты»)	Куку-хотоские монголы
Хошун	Цзун-Тумэт (без номера)	Куку-хотский туметов левый хошун	(не обозначен)	(не обозначен)	(не описан подробно)	(не описан подробно)
Хошун	Барун-Тумэт (без номера)	Куку-хотский туметов правый хошун	(не обозначен)	(не обозначен)	(не описан подробно)	(не описан подробно)

Сеймы особого района/ провинции Чахар

Шилин-Гольский сейм

Уровень	В.И. Сурин (1925)	А.В. Маракуев (1928)	В.Л. Котвич (книга, 1914)	И.Я. Коростовец (карта, 1914)	П.С. Попов (1895)	З.Л. Матусовский (1888)
СЕЙМ	Шилин-Гольский сейм	Шилингольский сейм	Силин-гольский сейм	Силингольский сейм	Силин-Гольского сейма	Силин-Гольский сейм
Аймак	(не обозначен)	(не обозначен)	Сунит	(не обозначен)	Сунитский аймак	(не обозначен)
<i>Хошун</i>	Барун-Сунит (№ 97)	Сунитского аймака правый хошун	(не обозначен)	Барун-Сунит	Знамя правого крыла	Барун-сунитский хошун цзасака, туруйнь-дурэн-хэ-цзюнь-вана
<i>Хошун</i>	Цзун-Сунит (№ 98)	Сунитского аймака левый хошун	(не обозначен)	Цзун-Сунит	Знамя левого крыла	Цзун-сунитский хошун цзасака, туруйнь-хэ-цзюнь-вана
Аймак	(не обозначен)	(не обозначен)	Абага	(не обозначен)	Абагаский аймак	(не обозначен)
<i>Хошун</i>	Барун-Абага-ван (№ 99)	Абгаского аймака правый хошун	(не обозначен)	Барун Абага	Знамя правого крыла	Барун-Абагаский хошун цзасака, туруйнь-зорикту-хэ-цзюнь-вана
<i>Хошун</i>	Цзун-Абага (№ 100)	Абгаского аймака левый хошун	(не обозначен)	Цзун Абага	Знамя левого крыла	Цзун-абагаский хошун цзасака, туруйнь-хэ-цзюнь-вана
Аймак	(не обозначен)	(не обозначен)	Абаганар (по 2 хошуна – восточный и западный)	Абага-нар	Абаганарский аймак	(не обозначен)
<i>Хошун</i>	Барун-Абаганор (№ 101)	Абаганорского аймака правый хошун			Знамя правого крыла	Барун Абаганарский хошун цзасака, туруйнь-бэйлэ
<i>Хошун</i>	Цзун-Абаганор (№ 102)	Абаганорского аймака левый хошун			Знамя левого крыла	Цзун Абаганарский хошун цзасака, хошунай-бэйсэ
Аймак	(не обозначен)	(не обозначен)	Хучит	(не обозначен)	Хаоцитский (Хучитский) аймак	(не обозначен)
<i>Хошун</i>	Барун-Хучит (№ 103)	Хочитского аймака правый хошун	(не обозначен)	Барун-Хучит	Знамя правого крыла	Хочитский хошун цзасака, туруйнь-эрдэни-хэ-цзюнь-вана
<i>Хошун</i>	Цзун-Хучит (№ 104)	Хочитского аймака левый хошун	(не обозначен)	Цзун Хочит	Знамя левого крыла	Хочитский хошун цзасака, туруйнь-хэ-цзюнь-вана
Аймак	(не обозначен)	(не обозначен)	Учжумуцин	(не обозначен)	Учжумуцинский аймак	(не обозначен)
<i>Хошун</i>	Барун-Уцзумучин (№ 105)	Уцзумучинского аймака правый хошун	(не обозначен)	Барун-Уцзумучин	Знамя правого крыла	Учжумуцинский хошун цзасака, туруйнь-эрдэни-бэйлэ
<i>Хошун</i>	Цзун-Уцзумучин (№ 106)	Уцзумучинской аймака левый хошун	(не обозначен)	Цзун-Уцзумучин	Знамя левого крыла	Учжумуцинский хошун цзасака, хошой-сэцэн-цин-вана
	(не обозначены)	(не обозначены)	(не обозначены)	Пастибиза	(не обозначены)	(не обозначены)

Чахарский аймак

Уровень	В.И. Сурин (1925)	А.В. Маракуев (1928)	В.Л. Котвич (книга, 1914)	И.Я. Коростовец (карта, 1914)	З.Л. Матусовский (1888)
АЙМАК	Чахар	Бывшие земли чахарских знаменных монголов и пастбищного управления	Чахары: 8 знамен, объединяемых в 2 крыла	Чахары	Чахарские монголы
	(не обозначен)	Четыре хошуна Чахарского правого крыла	(не обозначен)	(не обозначен)	(не описано)
Хошун	Хуботу-хуху (Кувот-хуху, № 107)	(не обозначен)	(не обозначен)	(не обозначен)	-
Хошун	Хуботу-улан (Кувот-улан, № 108)	(не обозначен)	(не обозначен)	(не обозначен)	-
Хошун	Хуботу-шара (Кувот-шара, № 111)	(не обозначен)	(не обозначен)	(не обозначен)	-
Хошун	Хуботу-цаган (Кувот-цаган, № 113)	(не обозначен)	(не обозначен)	(не обозначен)	-
	(не обозначен)	Четыре хошуна Чахарского левого крыла	(не обозначен)	(не обозначен)	(не описано)
Хошун	Гули-улан (Гуль-улан, № 109)	(не обозначен)	(не обозначен)	(не обозначен)	-
Хошун	Гули-шара (Гуль-шара, № 110)	(не обозначен)	(не обозначен)	(не обозначен)	-
Хошун	Гули-цаган (Гуль-цаган, № 112)	(не обозначен)	(не обозначен)	(не обозначен)	-
Хошун	Гули-хуху (Гуль-хуху, № 114)	(не обозначен)	(не обозначен)	(не обозначен)	-
	(не обозначены)	Бывшие Далиханские казенные пастбища	(не обозначены)	(не обозначены)	
	(не обозначены)	Бывшие Шандудабсинорские казенные пастбища	(не обозначены)	(не обозначены)	

Сеймы особого района/ провинции Жэхэ

Чжоудаский сейм

Уровень	В.И. Сурин (1925)	А.В. Маракуев (1928)	В.Л. Котвич (книга, 1914)	И.Я. Коростовец (карта, 1914)	П.С. Попов (1895)	З.Л. Матусовский (1888)
СЕЙМ	Чжоудаский сейм	Чжоудский сейм	Джу-уда	Чжо-Удаский сейм	Чжао-удаского сейма	Чжу-удаский сейм
Аймак-хошун	Кешиктен (№ 115)	Кэшиктэнского аймака один хошун)	Кешиктен	Кешиктен	Кэшиктэнский аймак	Кэшиктэнский хошун цзасака, тайчжия 1-й степени
Аймак	Байрин (№ 116)	(не обозначен)	Байрин (2 хошуна)	Байрин	Бариньский аймак	(не выделен)
Хошун		Байринского аймака правый хошун			Знамя правого крыла	Бариньский хошун цзасака, хошунай-бэйсэ
Хошун		Байринского аймака левый хошун			Знамя левого крыла	Бариньский хошун цзасака... цинь-вана... туруйнь-хэ-цзюнь-вана
Аймак-хошун	Ару-Хорчин (№ 117)	Ару-Хорчинского аймака один хошун	Ару-Хорчин	Ару-Хорчин	Ару-корцинский аймак	Ару-хорчинский хошун цзасака, туруйнь-бэйлэ
Аймак	(не обозначен)	(не обозначен)	Джарут (2 хошуна)	Чжарод	Чжарутский аймак	(не выделен)
Хошун	Барун-Джарод (№ 118)	Чжаротского аймака правый хошун			Знамя правого крыла	Чжарутский хошун цзасака, туруйнь-дархан-бэйлэ
Хошун	Цзун-Джарод (№ 119)	Чжаротского аймака левый хошун			Знамя левого крыла	Чжарутский хошун цзасака, туруйнь-бэйлэ
Аймак	(не обозначен)	(не обозначен)	Оннют (2 хошуна)	(не обозначен)	Онютский аймак	(не выделен)
Хошун	Цзун-Оннют (№ 120)	Онютского аймака правый (ошибка – должно быть указано «левый») хошун		Цзун-Оннют	Знамя левого крыла	Онютский хошун цзасака, туруйнь-дурэн-хэ-цзюнь-вана
Хошун	Барун-Оннют (№ 121)	Онютского аймака правый хошун		Барун-Оннют	Знамя правого крыла	Онютский хошун цзасака, туруйнь-дархан-дайчин-бэйлэ
Аймак-хошун	Аохань (№ 122)	Аоханьского аймака один хошун	Аохань	Аохань	Аоханьский аймак	Аоханьский хошун цзасака, туруйнь-хэ-цзюнь-вана
Аймак-хошун	Найман (№ 123)	Найманского аймака один хошун	Найман	Найман	Найманьский аймак	Найманьский хошун цзасака, туруйнь-дархан-хэ-цзюнь-вана
Аймак-хошун	Цохор-халха (№ 124)	Левого крыла Халхаского аймака один хошун	Цохор-Халха или Халха	Цохор-Халха	Левое халхаское крыло	Хошун халхаского левого крыла цзасака, туруйнь-бэйлэ
	(не обозначен)	Ташдавардских элютов пастбищенский хошун	(не обозначен)	(не обозначен)		
	(не обозначены)	Бывшие Вэйчанские (в Жэхэ) императорские охотничьи урочища	(не обозначены)	(не обозначены)		

Чжосотуский сейм

Уровень	В.И. Сурин (1925)	А.В. Маракуев (1928)	В.Л. Котвич (книга, 1914)	И.Я. Коростовец (карта, 1914)	П.С. Попов (1895)	З.Л. Матусовский (1888)
СЕЙМ	Чжосотуский сейм	Чжосотуский сейм	Джосотуцкий сейм	Чжосотуский сейм	Чжосоту	Чжосотуский сейм
Аймак	(не обозначен)	(не обозначен)	Харачин	(не обозначен)	Карцинский (Харачинский) аймак	(не обозначен)
<i>Хошун</i>	Харачин-Барун-ван (№ 125)	Харачинского аймака правый хошун	Барун-харачин (Харачин-ван)	Харчин-ван	Знамя правого крыла	Харачинский хошун... хошун-байсэ, бывш. табунан
<i>Хошун</i>	Харачин-Дунда-ван (№ 126)	Харачинского аймака средний хошун	Дунда-харачин	Дунда-Харачин	Знамя среднего крыла	Харачинский хошун... хошун-байсэ
<i>Хошун</i>	Цзун-Харачин (№ 127)	Харачинского аймака левый хошун	Дзун-харачин	Цзун-Харачин	Знамя левого крыла	Харачинский хошун... дурэн-хэ-цзюнь-вана
Аймак	(не обозначен)	(не обозначен)	Тумэт	(не обозначен)	Тумотский аймак	(не обозначен)
<i>Хошун</i>	Барун-Тумет (№ 128)	Туметского аймака правый хошун	Барун-тумэт (Монгольджин)	Барун-Тумет	Знамя правого крыла	Тумэтский хошун правого крыла... цзасака, хошун-байсэ
<i>Хошун</i>	Цзун-Тумет (№ 129)	Туметского аймака левый хошун	Дзун-Тумет	Цзун-Тумет	Знамя левого крыла	Тумэтский хошун левого крыла... цзасака, турунь-дархан-байсэ
	(не обозначены)	Бывшие пастбищные земли Ширэту Ургинского ламы, один хошун – ближайшие пастбища	(не обозначены)	(не обозначены)	(не обозначены)	(не обозначены)

Чжеримский сейм – полностью не входил в состав никакого особого района и/ или провинции

Уровень	В.И. Сурин (1925)	В.Л. Котвич (книга, 1914)	И.Я. Коростовец (карта, 1914)	П.С. Попов (1895)	З.Л. Матусовский (1888)
СЕЙМ	Чжеримский сейм	Джэримский сейм	Чжеримский сейм	Чжеримуский сейм	Чжеримский сейм
Аймак	(не обозначен)	Корцин	(не обозначен)	Корцинский аймак	(не выделен)
<i>Хошун</i>	Дархан-ван (№ 130)	Дархан-ван	Дархан-ван	Среднее знамя левого крыла	Хорчинский хошун... хошой дархан цинь вана
<i>Хошун</i>	Тушету-ван (№ 131)	Тушету-ван	Тушету-ван	Среднее знамя правого крыла	Хорчинский хошун... хошой тушету цинь вана
<i>Хошун</i>	Чжасакту-ван (№ 132)	Джасакту-ван/ Джасту-ван	Чжасакту-ван	Переднее знамя правого крыла	Хорчинский хошун... туруйнь-цзасакту-хэ-цзюнь-вана
<i>Хошун</i>	Туше-гун (№ 133)	Тушету-гун	Туше-гун	Заднее (восточное) знамя правого крыла	Хорчинский хошун... улусун-туше-гуна
<i>Хошун</i>	Бо-ван (№ 134)	Бодоглоту-ван/ Бо-ван	(отсутствует)	Заднее (восточное) знамя левого крыла	Хорчинский хошун... туруйнь-хэ-цзюнь-вана... (бывш. Туруйнь-бэйлэ)
<i>Хошун</i>	Бинту-ван (№ 135)	Бинту-ван	(отсутствует)	Переднее (западное) знамя левого крыла	Хорчинский хошун... туруйнь-бин-ту-хэ-цзюнь-вана
Аймак-хошун	Чжалайт	Джалайт	Чжалайт	Джалайтский аймак	Чжалайтский хошун цзасака, Туруйнь-бэйлэ
Аймак-хошун	(не выделен)	Дурбэт	Дурбет	Дурботский аймак	Дурбэтский хошун цзасака, хошунай-бэйсэ
Аймак	(не выделен)	Горлос	(не обозначен)	Горлоский аймак	(не выделен)
<i>Хошун</i>	Южный Горлос	Ару-Горлос	Южн. Горлос	Переднее (южное) знамя Горлосов	Хорлосский хошун цзасака, туше-гуна
<i>Хошун</i>	Северный Горлос	Убур-Горлос	(отсутствует)	Заднее (северное) знамя Горлосов	Хорлосский хошун цзасака, тайчжия 1-й степени

БАРГА

Уровень	Сурин (1925)	Баранов (1905)	Коростовец (1914)	Кормазов (1928)
Новая Барга (Шинэ-Барга)	Шин-Барга	Шун-Барга		Новая Барга
		Монгол-буряты (8 хошунов)		
Род	(не обозначен)	(не обозначен)	(не обозначен)	Ново-баргутский восточного крыла (Шинэ баргу баргун гар)
Хошун	Хуботу-улан (Кувот-улан, № 136)	Кувот-улан (Красное с каймой)	Кувот Улан	Куво/ Хуботу-улан знамени красного с каймой
Хошун	Хуботу-хуху (кувот-хуху, № 136)	Кувот-хуху (Синее с каймой)	Кувот Хуху	Куво-хухэ/ Хуботу-хуху знамени синего с каймой
Хошун	Гули-улан (Гуль-улан, № 137)	Гуль-улан (Красное целиком)		Гули/ Гул-улан знамени чисто-красного
Хошун	Гули-шара (Гуль-шара, № 138)	Гуль-шара (Желтое целиком)	Кувот Цаган, Кувот Шара, Гуль Цаган	Гули/ Гул-шара знамени чисто-желтого
Род	(не обозначен)	(не обозначен)	(не обозначен)	Ново-баргутский восточного крыла (Шинэ баргу цзэгун гар)
Хошун	Хуботу-цаган (Кувот-цаган, № 139)	Кувот-цаган (Белое с каймой)	Кувот Цаган	Куво/ Хуботу-цаган знамени белого с каймой
Хошун	Хуботу-шара (Кувот-шара, № 140)	Кувот-шара (Желтое с каймой)	Кувот Шара	Куво/ Хуботу-шара знамени желтого с каймой
Хошун	Гули-цаган (Гуль-цаган, № 141)	Гуль-цаган (Белое целиком)	Гуль Цаган	Гули/ Гул-цаган знамени чисто-белого
Хошун	Гули-хуху (Гуль-хуху, № 142)	Гуль-хуху (Синее целиком)		Гули-хухэ/ Гул-хуху знамени чисто-синего
Старая Барга (Хучин-Барга)	Хучин-Барга	Хучин-Барга		Старая Барга
Род			(не обозначен)	Солонский восточного крыла (Солон баргу цзэгун гар)
		Чипчины (2 хошуна)		
Хошун	Гули-хуху (№ 143)	Гуль-хуху (Синее целиком)	Гуль Хуху	Гули-хухэ/ Гул-хуху знамени чисто-синего
Хошун	Хуботу-цаган (№ 144)	Кувот-Цаганн (Белое с каймой)	Кувот Цаган	Куво/ Хуботу-цаган знамени белого с каймой
		Солоны (6 хошунов)		
Хошун	Хуботу-шара и Гули-цаган (№ 145)	Кувот-шара (Желтое с каймой)	Кувот Щара Гуль Цаган	Хошун Куво/ Хуботу (Хувот) -шара знамени желтого с каймой
Хошун		Гуль-цаган (Белое целиком)		Хошун Гули/ Гул (Гуль) -цаган знамени чисто-белого
Род				Солонский западного крыла (Солон баргу гар)
Хошун	Гули-улан (№ 147)	Гуль-улан (Красное целиком)	Гуль Улан	Хошун Гули/ Гул-улан знамени чисто-красного
Хошун	Гули-шара (№ 147)	Гуль-шара (Желтое целиком)	Гуль Шара	Хошун Гули/ Гул-шара знамени чисто-желтого
Хошун	Хуботу-улан (№ 148)	Кувот-улан (Красное с каймой)	Кувот Улан	Хошун Куво/ Хуботу-улан знамени красного с каймой
Хошун	Хуботу-хуху (№ 148)	Кувот-хуху (Синее с каймой)	Кувот Хуху	Хошун Куво-хухэ/ Хуботу-хуху знамени синего с каймой
Род	(не обозначен)	Олоты (1 хошун)		Олётский род (Угелет нзэгун-гар)
Хошун	Ольт-хошун (№ 146)	Кувот-шара (Желтое с каймой)	Ольт Хошу	Хошун Куво/ Хуботу-шара знамени желтого с каймой
Род				Орочонский (Орончан у хуши гун)
Хошун	(не обозначен)	(не обозначен)	Орочены	Хошун Куво-хухэ/ Хуботу-хуху знамени синего с каймой

Научное издание

**Леонид Владимирович Курас,
Павел Николаевич Дудин,
Андрей Николаевич Бешенцев,
Базар Догсонович Цыбенков,
Валентин Сергеевич Батомункуев,
Тумун Ширапович Рыгзынов,
Виктория Эдуардовна Цыремпилова,
Кирилл Юрьевич Базаров**

**МАНЬЧЖУРО-МОНГОЛЬСКИЙ МИР
ВНУТРЕННЕЙ АЗИИ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.**

Атлас-монография

Редактор Л.А. Русова
Верстка И.В. Миромановой
Дизайн обложки С.А. Ростомовой

Подписано к печати 00.10.2025 г. Бумага мелованная.
Формат 60 × 90/8. Усл. п.л. 18,00. Уч.-изд. л. 16,2.
Тираж 000. Заказ 00

ООО «Издательство Оттиски»
664025, г. Иркутск, ул. 5 Армии, д. 26